

В

1(66)

ВРАТА СИБИРИ

Тюмень-2026

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ВЫХОДИТ С ДЕКАБРЯ 1999 года
два раза в год

учредитель
и издатель:

АНО
«Тюменская область сегодня»

Редактор
ИВАНОВ Л.К.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ:

1 (66)

ГИМПЕЛЕВИЧ И.С.
КОЗЛОВ С.С.
МАРКОВА А.Ю.
СЕРГЕЕВ Д.А.
СЕЗЁВА Н.И.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер целиком подготовлен из произведений
молодых авторов

ЛИТЕРАТУРА Z

Артём ТКАЧУК	<i>Позывной: Военкор</i>	3
Алексей СТЕПАНОВ	<i>Мой быстрый долгий путь</i>	35

ПРОЗА

Кристина ВЫСОЦКАЯ	<i>Проснись</i>	90
Ксения ЯКИМОВА	<i>Плач последних дней моего солнца</i>	112
	<i>Рассказы</i>	128
Ольга СУРИНА-ЧИСТЯКОВА	<i>Рассказы из детства</i>	140
Юлия АНДРЕЕВА	<i>Рассказы</i>	150
Артём ТИХОМИРОВ	<i>Ольга</i>	156

ПОЭЗИЯ

Екатерина ПОНОМАРЁВА	<i>Стихи</i>	109
Наталья ФЕДОТОВА	<i>Стихи</i>	134
Юлия ЩЕРБАНЬ	<i>Стихи</i>	144
Наталья ХВОСТОВА (Амосова)	<i>Стихи</i>	155

10-Я МУЗА

Алёна ЗИМИНА	<i>Воздух, пространство и движение</i>	168
--------------	--	-----

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Алина ВАЛГЕ	<i>Медоед Жан</i>	170
	<i>Бобёр Анатолий</i>	172
Есения ДЕНИСЕНКО	<i>Сказочка на ночь</i>	174
	<i>Беги, ловкач!</i>	175
Светлана РАДАЕВА	<i>Земляничник-01</i>	179

Творчество членов Тюменского отделения совета молодых
литераторов Союза писателей России

Екатерина ДАНАЙКАНИЧ	<i>Стихи</i>	186
Анастасия ЧЕРТИЩЕВА	<i>Стихи</i>	187
Николай СОСНОВКИН	<i>Стихи</i>	190
Кирилл ГАЙВОРОНСКИЙ	<i>Старший сын</i>	191
Ирина ИВАНЧЕНКО	<i>Стихи</i>	193

ПРОБА ПЕРА

Арина САМОЙЛОВА	<i>Цена мечты</i>	194
Светлана ПИРОГОВА	<i>Стихи</i>	197
Екатерина ВАЙНЕР	<i>Стихи</i>	199

ЛИТЕРАТУРА Z

Артём ТКАЧУК

ПОЗЫВНОЙ: ВОЕНКОР

Отрывки из повести

Вступление

Недалеко от съёмной квартиры, где я обитал последние пять лет, открылся волонтерский центр. Утром здесь подростки учились играть в шахматы, а по вечерам горожане приходили плести маскировочные сети. Тут же был организован пункт приёма гуманитарной помощи. Сбором командовал ветеран пограничных войск Николай Николаевич. Дядя Коля. В нашем районе его знали все. И очень уважали.

До начала конфликта дядя Коля был главным заводилой на всех дворовых мероприятиях. Для ребятишек он организовывал футбольные и хоккейные матчи, для взрослых – субботники и разного рода собрания. Администрация города и управляющая компания дядю Колю побаивались. Из-за его прямолинейности и повышенной справедливости. Неудивительно, что глава города пошёл навстречу ветерану-пограничнику и позволил организовать волонтерский центр в муниципальном помещении.

Через две недели после открытия центра количество волонтеров возросло до 40 человек. В течение месяца добровольцев стало больше сотни. Через три месяца – 250 человек.

Дядя Коля смастерил конструкцию из досок и шарниров для плетения маскировочных сетей. Когда народу значительно прибавилось, он соорудил ещё одну. Неравнодушные люди работали в несколько смен. Пенсионеры и домохозяйки трудились с обеда до вечера. Трудовой класс приходил после работы и плёл сети иногда до глубокой ночи.

Такое неравнодушие и усердие не могло остаться незамеченным властями. Депутаты разного уровня регулярно приезжали похвалить дядю Колю и его подопечных. Многие из народных избранников оказывали посильную помощь: кто конфетами, а кто и деньгами на материалы.

Я, будучи обозревателем в «Тюменском меридиане», неоднократно посещал волонтерский центр. По поручению редакции писал заметки

ТКАЧУК Артём Леонидович. Родился в городе Златоусте Челябинской области. Творческий путь начал в шестилетнем возрасте с обучения в музыкальной школе по классу ударных инструментов, где также освоил азы игры на гитаре и фортепиано. Первые стихи написал во втором классе общеобразовательной школы. Учился в Тюменском училище искусств. Работал музыкантом в ресторанах и муниципальных оркестрах Тюмени, а также радиоведущим и музыкальным редактором на «Радио-7». Получил высшее образование в Тюменском нефтегазовом университете по инженерной специальности, однако по профессии работать не стал, посвятив себя творчеству. С начала специальной военной операции девять раз выезжал в зону боевых действий с гуманитарными миссиями. Под впечатлением от увиденного написал повесть «Позывной: Военкор» и несколько песен, получивших популярность.

о тюменских добровольцах, которые помогают фронтовикам и понимают значение лозунга «Всё для фронта – всё для Победы!».

Неоднократно заходил в центр без поручений. Просто так: пообщаться с дядей Колей и его подопечными. Здесь всегда царила аура милосердия и искренности. А ещё пахло мёдом! В одной из комнат волонтерского центра заливали окопные свечи из церковного воска. В этой атмосфере я отдыхал от рабочей нервотрепки и городской суеты.

Что-то новенькое

До июля оставалось меньше двух недель. Настроение в редакции было предпраздничное. В июле «Тюменский меридиан» уходил на каникулы. Эту традицию ввёл создатель журнала. Никто не знал причину, но версий было много. Мне лично нравилась одна – «Регулярный июльский запой создателя «Меридиана».

Главред вежливо улыбался всем и не компостировал мозги, что случилось нечасто. Кто-то из сердобольных коллег донёс шефу про мой день рождения.

Шеф вызвал меня странным сообщением в Телеграме: «Именинник, загляни ко мне. Срочно».

– Валерий Палыч, вызывали? – спросил я через полуоткрытую дверь.

– Заходи. Закрой дверь. Садись.

В его взволнованном голосе не было и намёка на поздравление.

«Судя по деловому тону, сейчас будут задачи», – подумал я и угадал.

– Леонидыч, ты же вроде хвастался категорией «С»?

– Ну, не то чтобы хвастался...

Вообще-то пару лет назад я помог шефу перегнать грузовик с какой-то свалки на его дачу. Но с формулировкой начальника спорить не стал.

– Нужна помощь?

Валерий Палыч деловито нахмурил брови, скомкал губы... и по-театральному выдержал паузу.

– Тут такое дело: мы с друзьями и коллегами собрали немного денег и купили КАМАЗ. Ребята с военной части, о которой ты неоднократно писал, довели автомобиль до ума: заменили детали, шины, что-то там ещё... Короче говоря, его надо перегнать в зону боевых действий.

Шеф сделал резкую паузу и посмотрел на меня.

Вы даже не представляете, как я обрадовался! Редакционная рутина в «Меридиане» добила меня быстро. С первого дня. Весь мой творческий пыл подрезали под корень канцелярской цензурой. Директива шефа была железной: «Пиши интересно, но чтобы вникать не хотелось». И я штамповал. Сотни заметок-клонов о мнимых достижениях и находках. Тысячи пустых отчётов о бесконечных мероприятиях. Через год я уже мог сдать статью до того, как событие вообще случилось. И писал их на автомате, фоном слушая аудиокниги – единственный глоток смысла в этом конвейере по производству словесной ваты.

Вот и представьте теперь мой восторг. Во-первых, сделать доброе дело – всегда приятно. Во-вторых, появилась возможность сменить серую картинку на гамму новых красочных впечатлений.

Шеф уловил моё настроение:

– Ну, значит, выезжай хоть завтра!

Начальник выложил на стол связку ключей и бумаги, аккуратно сложенные в файл.

– Документы не потеряй. Их надо передать комбату. Его номер и позывной я тебе выслал в «личку». Деньги за горючку переведу. До автомобиля тебя доставит Владимир – твой второй пилот.

– В каком смысле второй пилот?! – опешил я.

Пока шеф раздавал ценные указания, я уже фантазировал, как в гордом уютном одиночестве буду ехать по неизведанному маршруту, слушать аудиокниги, курить – когда захочу, спать – когда захочу.

– А какой бывает смысл? – риторически переспросил шеф. – Дорога дальняя, маршрут сложный, автомобиль старый. Ты когда-нибудь КАМАЗы чинил?

– Вы же знаете, что я в конструкции автомобиля не разбираюсь от слова «совсем». Свечи и масло поменять смогу. При большом желании колесо могу заклеить...

– Молодец, Леонидыч! Сам ответил на свой же вопрос. Счастливой дороги!

Домой я возвращался вприпрыжку. Возле подъезда наткнулся на дядю Колю, который деловито шагал по каким-то важным делам.

– Ты чего такой счастливый? Зарплату получил, что ли?

– Гораздо лучше, дядь Коля!

– Что может быть лучше зарплаты? – угрюмо кинул дядя Коля и продолжил путь.

– На Донбасс еду, – крикнул я дяде Коле в спину.

Он остановился и быстрым шагом вернулся ко мне.

– Контракт подписал?

– Не-а. Еду транспорт доставлять.

– Какой транспорт? – с пристрастием поинтересовался ветеран-пограничник.

– КАМАЗ. Старый КАМАЗ, – на всякий случай уточнил я.

– Посылки возмёшь?

Дядя Коля взял меня за предплечье так, что я почувствовал его сильную жилистую руку, которая с лёгкостью переломит кость в случае отказа.

– Много посылок? Куда везти? Я человек подневольный – послали по точному адресу.

– Там нынче всё по пути.

Начало пути

Утром Владимир заехал за мной на КАМАЗе. О приближении этого транспортного средства я узнал по грохоту дизельного двигателя и подвески. Звуки напоминали разгрузку мусорных баков.

Чтобы попасть в кабину боевой машины, пришлось изрядно постараться. Не с первого раза получилось открыть дверь. Затем гимнастическое упражнение – подтягивание на специальном поручне. Разворот, замет-

ный удар спиной о дополнительный поручень, жёсткое приземление на кресло.

– Уф! Кажется, готов.

Владимир хитро посмотрел на меня и, улыбаясь, протянул руку:

– Я жене сказал, что поехал в Ростов. А ты что своим сказал?

– Я ничего не сказал. Да и некому особо говорить.

– Ну тогда поехали...

Владимир устроился водителем в редакцию задолго до меня. За все пять лет, что я работал в «Меридиане», мы пересекались с ним раз семь, не больше. Владимир зимой и летом сидел в машине, что-то читал и ни на кого не обращал внимания. При встрече мы не здоровались, а формально обменивались кивками.

Он был значительно старше меня. Но в его глазах и не сползающей улыбке чувствовался юношеский задор. Уверен, у каждого есть такой старший товарищ, к которому сложно обращаться на «взь». И это ни в коем случае не связано с фамильярностью. Просто человек чувствуете моложе, чем выглядит. Обычно такие люди сами поправляют собеседника и первыми предлагают покончить с лицемерной учтивостью.

– Давай на «ть», – предложил Владимир и протянул руку, будто мы только встретились. – Володя! Или Вован, Вовка, Володька, Влад. В армии вообще называли Бока. Не знаю почему.

– Артём, Артемий, Тёмыч, хоть Артемулисон – главное, от души! Чаще всего меня называют Леонидычем.

Володя хохотнул, повторил себе под нос «Артемулисон» и завёл КАМАЗ.

Двигатель загудел, зажужжал, заклокотал, заревел. Сложно было подобрать оптимальное значение звука. В тот момент я понял, что аудиокниги мне точно не пригодятся, а разговаривать с товарищем мы будем на повышенных тонах. Я прокричал Владимиру, что необходимо проехать вокруг дома к волонтерскому центру.

На крыльце уже ждал дядя Коля и ещё двое пожилых, но крепких мужчин. Мы поздоровались. Я познакомил дядю Колю с Владимиром, представив его первым пилотом и очень уважаемым в редакции человеком. Владимиру это понравилось. Он скромно улыбнулся и похлопал меня по плечу.

Дядя Коля что-то сказал мужчинам, и те стали закидывать мешки в кузов грузовика.

– Это маскировочные сети. Пятьдесят штук. Ещё будет тридцать пять коробок окопных свечей, два мешка вязаных носков, два набора гаечных ключей, две бензопилы, десять сапёрных лопат. Тут женщины принесли коробку тушёнки. Я знаю, что бойцам она не нужна, но не отказывать же волонтерам. Можете сами её съесть. Что останется – передадите ребятам. Не выбрасывать же.

Мужики закончили погрузку, накрыли посылки брезентом и закрепили ценный груз стяжными ремнями.

Дядя Коля шлёпнул ладонью по кабине, затем протянул мне сложенный листок.

– Список гуманитарки. Кому передать – решай сам на месте. И ещё, – он прищурился, – бойцам шепни: если смогут, пусть волонтерам спасибо скажут. На видео. В балаклавах, ясное дело. Ну, с Богом! Хорошей дороги!

Приближаемся

До линии боевого соприкосновения оставалось меньше тысячи километров. Пока что вокруг всё было обычным. Трасса, поля, редкие заправки. Иногда нас обгоняли военные грузовики с мужчинами в камуфляже. GPS-навигатор то и дело глючил, теряя сигнал. «РЭБ или ПВО работают», – объяснил я себе.

На одном из светофоров мы остановились рядом с ГАЗ-66 – «шишига» на чёрных номерах. В кузове сидели четверо парней в форме, курили, переговаривались. Один из них поймал мой взгляд. В этом взгляде, на миг задержавшемся, не было ни агрессии, ни любопытства. Только усталость и тихая печаль человека, слишком хорошо знающего дорогу, по которой не все возвращаются обратно.

И вдруг меня накрыло. Я еду на войну. Не в кино, не в новостях, не в чьих-то рассказах. Я здесь, в этой кабине – и через несколько сотен километров начнётся то, от чего у этих парней такие глаза.

Я посмотрел на Володю. Он сидел, сжав губы, руки лежали на руле, но он не вёл машину – просто держался за него, как за якорь. Он не сказал ни слова. Но я увидел в нём те же мысли.

Мы оба поняли: дальше – война.

Очередь на КПП растянулась на километры. Грузовики, микроавтобусы, разномастные гражданские – все терпеливо ждали. Без очереди проносились только военные с мигалками или другими опознавательными знаками. В воздухе висело странное спокойствие – никто не ругался, не сигналил, не пытался «решить вопрос». Все понимали, куда ведёт эта дорога.

Мы встали в хвост колонны. Володя заглушил двигатель, вылез из кабины и потянулся, хрустнув спиной.

Я вспомнил про номер телефона комбата, который мне в сообщении отправлял шеф.

Набрал. Долгие гудки, наконец – грубое:

– Слушаю.

– Рубин? – переспросил я.

– Да. А кто это?

– Я от «Тюменского меридиана». Везу КАМАЗ и ещё кое-что от волонтеров.

– Принято, – отчеканил голос. – Вы сейчас где?

– Стоим в очереди на КПП.

– А вы что раньше не позвонили-то? – раздражённо спросил Рубин.

Я промолчал.

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем.

Колонна двигалась со скоростью три машины в час. Мы простояли уже три, когда к нам подкатил чёрный уазик без номеров. Из него вышел стройный военный.

– Вы из «Меридиана»?

– Мы, – отозвался я.

Он кивнул и представился:

– Юрист. Это мой позывной.

Парень улыбнулся. «Похоже, в его позывном кроется какой-то про-ничный секрет», – подумал я.

– Езжайте за мной.

Он прыгнул в УАЗ, развернулся и рванул по встречке. Мы – следом. У шлагбаума он сунул дежурному какую-то бумагу, тот бегло глянул, и нас пропустили без проверки.

Володя посмотрел на меня.

– Ну что, поехали?

Я кивнул.

– Назад дороги нет...

Проехав КПП, Юрист показал правый поворот, и мы остановились на обочине. Он вышел, подошёл к нам и неожиданно предложил:

– Пересаживайтесь в УАЗ. Ваш КАМАЗ я поведу сам.

Володя нахмурился:

– Машина строптивая... понимает только силу.

– Мне не впервой, – усмехнулся Юрист и уверенно влез в кабину.

За рулём уазика сидел другой военный – мужчина лет пятидесяти, с обветренным лицом и спокойными глазами. Он представился коротко:

– Фалёк. Позывной.

– А имя? – по привычке спросил я.

– На войне имён нет, – ответил он. – Только позывные. Так быстрее. Да и конспирация... Современная война свои правила диктует.

Мы молча загрузились на заднее сиденье.

Новая реальность

Пейзаж за окном изменился мгновенно. Асфальт превратился в лоскутное одеяло – рытвины, воронки, следы гусениц. По обочинам – разрушенные дома, будто гигантская рука смахнула с них крыши. Ни на одном из окон не было стёкол. На некоторых воротах надпись «Живут люди!».

Володя сидел, сжав кулаки. Я же не удержался – толкнул его локтём в бок, когда увидел танк, медленно ползущий по полю параллельно дороге.

– Вижу, – буркнул Володя, но его лицо оставалось каменным.

Фалёк заметил наш немой диалог и хмыкнул:

– Первая поездка?

– Первая, – признался я.

– Самое интересное – впереди. За второй линией.

Я прислушался. Тишина. Ни выстрелов, ни грохота.

– Почему так тихо?

Фалёк усмехнулся, остановил машину, заглушил двигатель и распахнул двери.

И тогда мы услышали.

Где-то далеко, за горизонтом, гремела канонада. Непрерывно, методично.

– Ого! Это рядом?! – я едва не подпрыгнул на сиденье.

– Нет, – Фалёк завёл мотор. – Километров сорок отсюда.

В этот момент мимо нас с рёвом пролетел наш КАМАЗ. Его дребезжащий грохот гармонично сливался с отдалёнными раскатами боя.

Фалёк тронулся с места.

– Ну что, поехали?

Мы молча кивнули.

За окнами сгущалась темень. Свернули с разбитой дороги и нырнули в лес. Тут началось настоящее испытание – колея превратилась в череду ухабов размером с УАЗ и лужи, больше похожие на болотные топи. Машина кренилась, скрипела, рычала, но упрямо ползла вперёд, будто исполняя приказ: «Ни шагу назад!»

Снаружи стало совсем темно. Впереди мелькнули светоотражающие полоски. Фалёк вырубил фары, и мы остановились в крошечной тьме.

Из черноты возник вооружённый боец с фонариком. Луч света ударил в лицо Фальку.

– Фалёк, ты, что ль? Опять за бухлом ездил? – засмеялся часовой.

– Угу, нам тут бухло только снится, – огрызнулся Фалёк. – Ты болтай поменьше – гостей везу. А то подумают про нас невесть что!

Солдат тут же стал серьёзным:

– Проезжайте.

Самодельный шлагбаум из сосновой ветки поднялся, и мы въехали в расположение.

Как Фалёк вообще рулил? Тьма была настолько плотной, что не видно ни дороги, ни деревьев. Казалось, мы движемся сквозь чернильную пелену. Видимо, он знал этот маршрут наизусть – каждый поворот, каждую кочку, каждый участок.

Наконец, УАЗ остановился.

– Можете выходить. Мы на месте.

Фалёк открыл дверь, и в салон ворвался запах сырой земли и мазута.

– Ступайте аккуратно, у нас тут грязь.

– Хорошо, что не мины, – попытался разрядить обстановку я.

Фалёк хмыкнул и бросил через плечо:

– Мины тоже попадают.

– Шутка не зашла, – пробубнил я под нос.

Мы выбрались наружу. Под ногами чавкала грязь. Где-то вдалеке глухо грохотала артиллерия. Фалёк вёл нас, освещая путь тусклым светом экрана своего телефона. Мы пробирались сквозь мокрые кусты по узкой истоптанной тропинке.

«Почему я не взял сапоги? О чём я вообще думал?» – молча причитал я. Володя плёлся сзади и переводил мои мысли на грустные вздохи.

Наконец перед нами возникла деревянная стена с дверью, уходящей под землю.

– Командирский блиндаж, – объявил Фалёк. – Обувь надо снять.

Дверь открылась, и я не поверил глазам.

Сначала в нос ударил запах свежей древесины, будто мы зашли в только что построенный дом. Небольшая предбанная зона – примерно два на два метра. Чистый линолеум на полу. На деревянной полке – аккуратно расставленная обувь и стопка резиновых тапок.

– Выбирайте по размеру, – сказал Фалёк.

Мы переобулись и начали спускаться вниз. Через три метра – ещё одна дверь. А за ней... Подземный мир. Длинный коридор с дверями по бокам – прямо как в студенческом общежитии. Стены обшиты фанерой, пол чистый, горит ровный свет настенных ламп.

Фалёк провёл нас в большую комнату. И тут картинка окончательно сломала мозг. Три огромных телевизора на стене. Столы с компьютерами, на которых мелькали какие-то данные. Четверо разведчиков в форме, оживлённо обсуждающих картинку с экрана – видимо, передачу с поля боя.

Посередине комнаты – большой квадратный стол с картой, на которой расставлены макеты танков, машин, деревьев, домов – как в детской игре, только без игрушечного паровозика.

В углу – командирский стол с ноутбуком и аккуратными стопками документов. Рядом – оружейный шкаф с автоматами.

Я застыл на пороге, осознавая абсурдность ситуации. Ты едешь на войну, пробираешься через грязь и тьму, а потом попадаешь... в такой вот бункер. Где чистота, порядок и современные технологии.

Кто-то хлопнул меня по плечу:

– Ну что, журналисты, добро пожаловать на передовую?

Передо мной стоял высокий парень в камуфляже – добродушный, лысоватый, с детской улыбкой. Его лицо совершенно не вязалось с моими представлениями о военных конфликтах.

«А тут точно боевые действия? Как-то всё... по-домашнему», – мелькнуло в голове.

– Череп, замкомбата, – громко представился он. – Командир на задании, велел вас встретить.

Мы пожали руки:

– Артём.

– Владимир.

Череп сразу мне приглянулся. Видимо, взаимно, потому что он тут же обратился именно ко мне:

– Тёмич, сейчас устрою вас, потом баня, потом ужин. Айда, покажу вашу комнату.

– Баня? Ужин? – я не смог скрыть удивления. – А женщины будут?

– Как без них? На войне без баб никак!

Разразился хохот. Засмеялись разведчики и Фалёк, который всё это время молча стоял в дверях.

– Хорошо, что у тебя чувство юмора есть! – Череп одобрительно сжал моё предплечье. – На войне без него – как на кладбище без слёз.

Баня у Черепа оказалась не просто парилкой – это был ритуал посвящения, смывающий всю дорожную пыль, усталость и страх.

Снаружи – обычная походная банька, но внутри... Настоящая адская печь! Помещение под землёй держало жар, как добротный термос. Первыми свернулись уши, потом – оцинкованные тазики. Мы парились до красных пятен, до хруста в костях, пока душа не полезла в пятки и обратно. После КАМАЗа – самое то!

После парилки нас вывели на свежий воздух. Рядом с блиндажом стояла крепко сбитая беседка из досок и фанеры. Летняя столовка. Внутри – длинный стол и две лавки.

Я видел кучу военных фильмов и ожидал увидеть сухари, банку тушёнки на троих и половинку луковицы. Но реальность снова выбила меня из колеи: ароматный рассольник с огурцом и сметаной, салат из свежих помидоров с зеленью, жареная картошка с мясом – да так, что слюнки текли.

Володя, набивая щёки, пробормотал:

– Ребята, если так кормить – я хоть завтра контракт подпишу!

– У нас так редко, – пояснил худощавый мужик с позывным Гном, – только для дорогих гостей. В боевых условиях стараемся не объедаться.

Я хотел спросить, почему нельзя объедаться, но Череп опередил:

– Ещё ни один голодный не обделался! – кратко и доходчиво объяснил замкомбата.

В столовую вошли трое. В грязной, пропахшей порохом форме. Молча поставили автоматы у входа, молча сели за стол. Молодой солдатик принёс им еды. Череп подошёл к однополчанам, положил руку на спину одного и тихо, по-отцовски спросил:

– Как на участке?

Парень что-то промычал с полным ртом, даже не поднимая головы. Череп хмыкнул, закурил и вышел на улицу. Бойцы ели. Не торопясь. Без разговоров. Видно было, что эти ребята только что вернулись оттуда... Из ада. Не в первый раз. И не в последний.

Мы тоже молча доели свой ужин. Я понимал, что моя «война» – это пока лишь только экскурсия. А война этих троих – ежедневная работа.

Комбат

Рубин вполне соответствовал своему позывному. Крепкий, коренастый, лет тридцати. Лицо доброе, но с железной уверенностью. Он пожал нам руки, расспросил о дороге, о том, как разместились. Говорил спокойно, без лишних слов, но временами бросал шутливые взгляды на Черепа.

– Надеюсь, хорошо вас накормил? Или опять в одного всё схоронил? – кивнул он в сторону замкомбата. – Вон какую ряху наел.

Череп тут же огрызнулся:

– Ага, хотел бы сам схомячить, да не по рангу – ты ж командир.

Как я позднее выяснил, они не просто друзья – почти братья. Вместе уже третью войну. Плечом к плечу.

Рубин за всё время разговора ни разу не выругался. Держался ровно, с достоинством.

Он собрал человек десять солдат. Его приказы звучали как стальные скобы: коротко, чётко, без обсуждений.

– Разгружаем, принимаем на баланс батальона.

Я передал документы и список гуманитарки. Рубин пробежался глазами по бумаге и внезапно фыркнул:

– Ну на кой нам тушёнка! Еды хватает. Вон, солдаты даже масло сливочное в столовой оставляют. А вот сети – это дело! За них отдельное спасибо!

Потом я упомянул про коробку с патронами 12-го калибра. Комбат оживился:

– О, это сейчас дефицит! – но подробностей не стал раскрывать. Видимо, у них тут свои планы на этот «подарок».

Рубин пояснил, что мы находимся на третьей линии – относительно безопасной, поэтому разгружать КАМАЗ можно без лишней спешки и паники.

Я попросил разрешения запечатлеть процесс.

– Не вопрос! – кивнул комбат. – Только скажу парням балаклавы надеть. Нам излишняя известность ни к чему.

Вспомнил просьбу Дяди Коли:

– Волонтёры просили, если возможно, передать им спасибо и пламенный привет по видео. Записать на телефон.

Рубин подозвал Фалька и поставил задачу. Через минуту передо мной уже стояли пятеро военных в полном обмундировании. На лицах балаклав. Ребята уточнили, кого благодарить, и с первого дубля записали обращение. Получилось чётко и искренне:

– Дорогие тюменцы! Низкий поклон вам за помощь! Ваши посылки, ваше внимание для нас очень важны. Спасибо за весточку из дома! Отдельная благодарность Дяде Коле и его волонтерскому центру! Победа будет за нами!

Разгрузка прошла быстро и слаженно. Коробки исчезали в разных направлениях – каждая по своему назначению. Я фотографировал солдат в масках, которые работали как отлаженный механизм.

Кульминацией стала торжественная передача КАМАЗа. Я «назначил» главным героем Владимира – он с важным видом пожал руку Рубину на фоне многострадального транспорта.

– Володя, а не жалко КАМАЗ-то отдавать? – подколот я. – Успел, поди, привыкнуть?

– Да что ты! – махнул рукой Володя. – Не нужен мне такой транспорт. Коробка не работает, подвеска хромает, движок дышит на ладан!

Откуда ни возьмись появился Череп:

– Отличный диагноз для «боевого товарища»! – весело крикнул он. – Поняли задачу?!

Два молодых бойца, стоявшие за его спиной, вытянулись:
– Поняли, товарищ майор!
– Слышали, что Володя сказал? Коробку – перебрать! Подвеску – проверить! Движок – осмотреть!
– Есть!
И они рванули исполнять приказ, будто КАМАЗ – это не груда железа, а срочный пациент на операционном столе.
– Наш «боевой товарищ» перешёл в надёжные руки, – подытожил я.

Предсказуемое решение

После обеда мы с Володей вернулись в командирский блиндаж. В помещении, кроме Рубина и Черепа, никого не было.

– Большое спасибо за помощь, – сказал комбат, откинувшись на стуле.
– Этот КАМАЗ нам нужен как воздух – будем возить на нём запчасти для ремонта техники.

Он посмотрел на нас оценивающим взглядом и добавил:

– Вас отвезут до КПП. Оттуда на рейсовом автобусе – до железнодорожной станции.

Я видел, как лицо Володи расплылось в облегчённой улыбке. А у меня внутри всё сжалось. Миссия не выполнена. Не до конца выполнена.

– Можно выйти? – попросил я, доставая телефон.

Валерий Палыч ответил мгновенно, будто ждал:

– Что случилось, Леонидыч?

– Приветствую! Всё хорошо! Транспорт передали, задачу выполнили.

– О! Да ты даже говорить по-военному начал, – подметил начальник.

– Валерий Палыч, вроде как, пора домой выдвигаться.... Володе пора домой. А я бы хотел задержаться. Если можно. Если нельзя – то в счёт отпуска.

– Ты чего удумал-то?!

– Валерий Палыч! Ну, зря, что ли, я здесь оказался? – слукавил я. – Обозреватель приехал в зону боевых действий, сфоткал КАМАЗ и уехал домой. Коллеги же засмеют!

На другом конце провода раздался хриплый смех:

– Леонидыч, ничего мне объяснять не нужно. Думаешь, я не знал, что ты так скажешь? Я твою тираду прочитал на лбу, когда в Тюмени документы передавал.

После решающей паузы шеф резюмировал:

– В общем, так: оформить командировку не смогу. Сам понимаешь. Внеочередной отпуск согласую. Двух недель, думаю, хватит. И, ради бога, береги себя...

Я вернулся в блиндаж.

– Володя, ты едешь домой.

– А ты?

– А я... остаюсь.

Череп усмехнулся. Рубин кивнул – словно всё уже знал. А Володя пожал мне руку крепче, чем обычно.

Проводы Владимира прошли суетливо – пара крепких рукопожатий, стандартные «счастливо оставаться» и «хорошей дороги». И всё! Напарник уехал, а я остался один на один с войной.

Пока я размышлял, чем тут можно быть полезным, подскочил Череп:

– Тёмыч, тут тебе дельце нарисовалось. Не кормить же тебя даром. У нас тут каждый паёк отрабатывает. Как говорится: «Если Родина прикажет – мы готовы и в обед не спать».

В командирском блиндаже шло бурное обсуждение. Один из бойцов держал в руках дрон. При нашем появлении все замолчали.

Рубин развернулся ко мне:

– Нам нужно доставить раненых в госпиталь. До Антрацита примерно 400 км. Поедешь как сопровождающий – поможешь с выгрузкой. Это твоя разведка боем. И материал для журнала соберёшь, и людям поможешь.

Я вытянулся и бодро отрапортовал:

– Так точно!

Комбат рассмеялся:

– У нас сейчас так не отзываются. Это только в старых фильмах бойцы отвечают. Нынче всё проще – достаточно сказать: «Понял». Или сделать вид, что понял.

Потом внезапно спросил:

– А ты в армии служил?

Я замялся:

– Не то чтобы служил... В военном оркестре пять лет барабанил. По здоровью не взяли в армию, но распорядок и правила знаю. Пять лет всё-таки.

– Ого! Да ты музыкант! – Рубин похлопал себя по колену. – Такой позывной мы тебе дать не сможем. Тут музыкантами вагнеров называют. Барабанщик – сложно выговаривать. Да и Стукач у нас не в чести.

– Писатель! – предложил я.

– Тогда уж Военкор. Короче, теперь у тебя есть позывной.

Солдатский быт

Утро началось с аромата растворимого кофе, который пробивался сквозь запах сырой земли и металла. Череп, уже бодрый и улыбчивый, ввалился в нашу комнату с новостями:

– Рубин задерживается. Передал – пусть журналисты посмотрят, как мы тут живём. Ну что, пойдём? Покажу наш быт!

Блиндажный посёлок оказался неожиданно обустроенным. Всё по-простому, но с умом. Каптёрка – маленький склад, где каждая гайка, каждый патрон учтены. На стене – листок с графиком дежурств, написанный от руки. Солдатская столовая – та же беседка, но утром здесь пахло кашей и сладким чаем. Парни ели быстро, поглядывая на часы.

Спортзал – пара перекладин, прибитых к соснам, мешок с песком для бокса, скамейка и штанга, блинами которой служили коробки от боекомплекта. Развеселила надпись над турником: «Подтягивайся тут – или будешь подтягиваться там!». Значение лозунга, к сожалению, уточнить забыл.

Боевая работа у всех подразделений разная, но задача у бойцов одна. И она сложная! Выжить!

Если у командира голова светлая, а у бойцов руки золотые – предела совершенству не будет. А при хорошем командире у любого солдата руки прирастут к нужному месту, хочешь не хочешь. Как говорят служивые: «Правильный блиндаж – несколько метров жизни!» В правильном блиндаже солдату комфортно. А прежде всего – безопасно!

В батальоне увидел трёхэтажный блиндаж. Три этажа вглубь. Благодаря буржуйке в блиндаже тепло и сухо. Буржуйка, кстати, – очень важный предмет солдатского обихода. Горячая еда, сухая одежда, тёплое убежище, уют – это основные задачи, с которыми она прилежно справляется. Но есть и минусы. Например, демаскировка. На печной дым может слетаться всё что угодно: от пуль до ракет. Кроме того, вопрос с дровами – тоже немало-важная проблема. Дров иногда нет в принципе. А рубить деревья категорически запрещено!

Во-первых, мы за экологию. А во-вторых, мы против демаскировки. Со времён Афганистана воины научились находить выход из сложившегося «дровяного» кризиса. Окопная свеча! Очень удобная штука: бездымная, тёплая, яркая и длительного действия. Был свидетелем, как всего две окопные свечи раскалили печь докрасна.

Кроме печи в блиндаже есть электричество. Лампы и розетки запитаны от генератора, который расположен отдельно. Вдали от помещений. Электричество необходимо для зарядки переговорных устройств, специальных боевых средств и разогрева воды для чая.

Череп подвёл к неприметному входу, замаскированному под обычный блиндаж.

– Это у нас уникальное место, – сказал он, приподнимая брезент вместо двери.

Внутри оказалась маленькая подземная церковь, выкопанная на глубине двух-трёх метров. Тесная, но уютная. Иконы на стенах, самодельный подсвечник из гильзы, тихий свет лампад.

Мы поставили свечи за здоровье бойцов.

– Наверное, во время обстрелов этот храм ближе к Богу, чем все соборы мира, – заметил я.

– Так точно, – коротко кивнул Череп.

– Баню вы уже видели, – продолжил экскурсию зам, – но в темноте не разглядели главного.

На двери красовалась надпись, выжженная на доске: «Чистота – залог здоровья. Грязь – залог маскировки».

– В общем, тут есть всё для комфортной боевой работы.

Череп только собрался показать что-то ещё, как рация на его поясе ожила, застрекотала потоком сообщений.

– Череп! Череп! Приём! – вырвалось из динамика.

– У аппарата! – бодро отрапортовал он, подмигивая нам.

– Череп! Командир вернулся! Он у себя.

– Ну и хорошо! – отрубил наш боевой проводник и повернулся ко мне: – Погнали к Рубину!

Он рванул вперёд свойственной ему размашистой походкой, а я засеменял следом, едва поспевая.

Дорога на Антрацит

Возле блиндажа уже ждала переоборудованная «буханка» – салон превратили в импровизированную карету скорой помощи. Вдоль бортов – двухъярусные мягкие носилки, посередине – матрас с тяжелораненым, накрытым окровавленным одеялом. Пять бойцов. Все в сознании. Молчат, уставившись в потолок. Я сел рядом с водителем – парнем с позывным Садик. Наверное, фамилия Садовников или что-то в этом роде. Вряд ли из-за юности.

Садик аккуратно объезжал ямы, стараясь не трясти раненых. Я то и дело оглядывался – переживал за этих ребят, которых не знал, но уже чувствовал ответственность.

Те, что на бортовых носилках, ранены не смертельно, а вот мужчина посередине тихо стонал, и это напрягало.

– Далеко ещё? – спросил я.

Садик задумался:

– Километров двести. Дорога хорошая – часа три с половиной ехать.

Дорога оказалась не такой, как я представлял. Ни грязи, ни воронок – ровный асфальт, по которому неслись военные грузовики и гражданские машины. Но война напоминала о себе.

Обгорелые лесополосы, разрушенные многоэтажки с крупными пробоями и искореженными балконами, люди в форме, остатки военной техники...

Бабушки с соленьями и мёдом у обочины – торгуют, улыбаются, живут. Их лица приветливые, несмотря на всё это. Сколько им пришлось пережить?

Огромный храм – почти не тронутый войной, если не считать стену, изрешечённую прапнелью. Из всей это картины выбивалась девочка с огромным фиолетовым бантом. Она весело махала проезжающему грузовику с солдатами, улыбалась во весь рот. Рядом – бабушка грустно смотрела вдаль. Она-то знала цену этой войне, а ребёнок – нет. И это правильно. Дети должны радоваться. Даже здесь. Особенно здесь!

Окна «буханки» приоткрыты. Где-то недалеко – артиллерия. Но в машине тихо. Только дыхание раненых. И шёпот Садика:

– Держись, браток. Скоро госпиталь.

Я не знал, кому он это говорил – тому парню на матрасе или мне. Но кивнул. Потому что на этой дороге мы все – раненые. Каждый по-своему.

Военный госпиталь

Город Антрацит встретил нас мирной суетой – рынок, люди с сумками, красивое здание банка, памятники героям Великой Отечественной. Обычный провинциальный город, если не считать разбитых дорог да измождённых глаз прохожих.

Госпиталь располагался за высоким кирпичным забором. Водитель по-сигналил. Из щели между ржавых ворот вышел вооружённый охранник. Он проверил бумаги и открыл ворота.

Здание напоминало старую поликлинику – облупленные стены, деревянные рамы, советская вывеска. Будто время здесь застряло в послевоенном СССР. На крыльце сидели бойцы в пижамах – смеялись, не обращая на нас внимания.

Врач вышел сразу. Распорядился перенести раненых. Пятерых – в палаты, тяжёлого – в операционную.

Потом подошёл ко мне:

– Колумб. Оперирующий хирург. Из Тюмени, кстати.

– Артём... то есть, Военкор, – поправился я. – Комбат помог прозвище подобрать.

– Не прозвище, а позывной, – улыбнулся он. – Череп уже рассказал.

Колумб провёл меня по госпиталю. Палаты, где вместо восьми лежало пятнадцать. Операционная – чистая, но обшарпанная. Над операционными столами флаг и большая икона. Столовая – такая же, что и в батальоне. Добротная баня.

А потом вывел во двор. Я обалдел! Палаточный город. Шесть длинных каркасных палаток с буржуйками у входа, кровати из досок, раскладушки вплотную.

К Колумбу подбежал высокий санитар и что-то прошептал на ухо.

– Срочная операция. Поговорим позже. Пока можешь пообщаться с ребятами.

Он позвал парнишку в застиранной пятнистой пижаме, который деловито держал в руках молоток.

– Вот, познакомься, Ветерок – самый шустрый боец на всей линии боевого соприкосновения! – Колумб хохотнул и стремительно скрылся в дверях госпиталя.

Ветерок смущённо пожал мне руку и тут же отвёл глаза, не зная, как вести себя с гражданским.

– Ветерок, а молоток – это для самообороны? – попытался разрядить обстановку я.

Он улыбнулся, и я сразу понял, почему он Ветерок. Лёгкий, как порыв ветра. Доверчивый. На вид – мальчишка лет семнадцати, но морщинки у глаз и взгляд выдавали в нём бывалого бойца.

– Да я тут помогаю здание ремонтировать, – пожал он плечами. – Ещё неделю валяться. Скучно.

Как оказалось, Ветерок получил осколочное ранение, когда рядом с ним приземлился боевой дрон.

Он оживился и охотно рассказал, как попал в окружение с тремя товарищами. Как из ниоткуда вылетел дрон, как врезался прямо в их группу.

– Я успел отскочить за дерево, – говорил он, оживлённо жестикулируя. – А потом вылетел второй дрон! Я нырнул прямо под него. Если бы начал палить – осколки бы мне в лицо прилетели. Поступил, как учили командиры, поэтому обделался лёгким испугом.

Он специально растянул слово «обделался» и засмеялся. А потом резко стал серьёзным и добавил:

– Жаль, никто из моей группы не выжил.

Теперь я не знал, что ответить этому мужчине, который видел смерть в лицо. Садик тронул меня за плечо:

– Дела сделаны. Пора назад.

Я кивнул, окинул взглядом двор госпиталя и пожал руку Ветерку. Когда мы отъезжали, тот стоял с молотком в руках и улыбался.

Буханка покачивалась на разбитой дороге, а я смотрел в окно и думал о госпитале, о Колумбе, о врачах, которые спасают бойцов под грохот канонады. Вспоминал раненых и палатки, в которых нет свободных мест. Слова складывались сами:

Палаты из брезента, а перед нами лента,
Где каждый шанс один на миллион.
Со смертью бой суровый, мы к этому готовы:
Отдельный медицинский батальон.

В жару и непогоду мы в бой вступаем сходу.
Тут каждое мгновение – аврал.
Под флагом и иконой мы в операционной
Равны: и рядовой, и генерал.

Пусть время затаится. Нам до утра не спится.
А утром зачастую не до сна.
Тут ни при чём удача – поставлена задача.
И жизнь бойца должна быть спасена!

Мы поклялись когда-то: с заката до заката
Спасать! – Не даст слукавить Гиппократ.
Гостить не приглашаем, но, коль придётся, знаем:
Спасёт и подлатает наш медбат!

Садик включил музыку – что-то тихое, блатное. Мы молча ехали обратно. Быстро темнело. Я не заметил, как уснул, окутанный мыслями о будущем рассказе.

Экстренный вызов

Я проснулся от сильного удара головой о стекло. Садик, не отрывая глаз от дороги, что-то бубнил сквозь зубы. Машину бросало из стороны в сторону, мы летели в кромешной тьме на невыносимой скорости.

– Садик, что случилось?!

– Командир сказал спешить. У нас ЧП. Подробности не знаю.

Я потёр шишку на лбу, подскочил на очередной кочке, стукнувшись головой о потолок. Ремня не было. Я вцепился в сиденье и ручку на панели.

Знакомый КПП. Шлагбаум открылся заранее, часовые даже не проверяли документы – видимо, ждали. Мы влетели на территорию и резко остановились в полуметре от Черепа. Тот даже не отодвинулся. Выдернул Садика из-за руля, толкнул его в сторону и крикнул в окно:

– Бегом к Гному!

Потом развернулся ко мне. В его глазах горело что-то лихое и опасное.

– Ну что, Тёмьч! У тебя есть все шансы увидеть нашу работу в ускоренном варианте. Только имей в виду: ты здесь незаконно. Если что-то случится – отвечать будешь сам. Ни ты, ни твоя семья ничего не получите.

Так что либо выходи сейчас, либо... с Богом!

Горячая волна прокатилась по телу.

– Я с тобой. Может, на что сгожусь. В крайнем случае – будет о чём рассказать. Я вроде как военкор.

Череп оскалился, рванул ручку передач:

– Погнали!

Машина рванула с места, на очередном ухабе подбросив нас обоих. Череп не сбавлял хода, бормоча сквозь стиснутые зубы:

– Больше скорость – меньше ям... И подвеска вся к «буям»!

Мы мчались в темноту. К чему-то страшному. К чему-то важному. К тому, о чём потом, может, и пожалеем. Но если думать – станет только страшнее. А обратной дороги всё равно нет. Какой смысл бояться неизбежного?

Эти мысли взбудрили, будто глоток чистого спирта перед атакой.

– Что случилось? – перекрикивая рёв мотора, спросил я у Черепа.

– Наши обалдуи нарвались на вражеский блиндаж. Вроде как взяли без боя. По рации передали – раненых нет. И мин нет тоже! Территория уже наша. Почти безопасная. Но проверить не помешает. Так что пристёгивайся и смотри в оба.

– Дык, ремней-то нет! – я поддержал шутливый тон.

– А ты как хотел? – Череп вывернул руль, объезжая воронку. – Не учили, а гребли – так и строим корабли!

Мы оба захохотали. Я достал смартфон и записал очередную солдатскую мудрость.

Дорога в никуда

Мы двигались по изуродованному асфальту, изрезанному гусеницами танков и воронками. Череп вёл машину шестым чувством – то ли знал дорогу, то ли боевой опыт позволял ему филигранно угадывать каждый ухаб. Периодически он доставал смартфон, сверялся с картой – одной рукой рулил, другой листал. Одним глазом в экран, другим в темноту.

Я заметил, что практически у всех бойцов – автоматы, у многих на разгрузке висит по паре гранат. А у Черепа – ничего.

– А где твоё оружие? – спросил я.

Череп хмыкнул:

– В этой войне ствол – это больше самообман. 90% ранений – от дронов и артиллерии.

– Но старшие офицеры всё равно носят оружие?

Он приподнял китель, достал из кармана пистолет, показал и сунул обратно:

– Ношу как брелок.

Мы свернули с дороги – точнее, дорога кончилась, осталось лишь направление. Даже Череп не мог найти ровных участков – машину швыряло, как шлюпку в шторм. За окном грохотали взрывы – ближе, чем хотелось бы. Череп уловил мой напруг:

– Это километров в пятнадцати. Не переживай, до нас не долетит. Если только не Баба Яга, конечно.

– Какая Баба Яга?!

– А, ну есть такая штука – летающий мотоцикл. Громкий, заметный, поэтому летает только ночью. Идёт по траектории навигатора – точно в цель. Днём дроны-разведчики точки сброса ищут, а ночью Баба Яга по их данным раскидывает «подарки». Да ещё и с приборами ночного видения. Они нас видят, а мы их только слышим.

Внезапно он притормозил, будто вспомнил что-то важное:

– Запомни: услышал в небе мотоцикл – бегом в укрытие. Очень опасная хрень.

Впереди маячили огни – наши уже ждали. Череп выключил фары, заглушил двигатель.

– Ну что, Военкор, готов к экскурсии?

Я глубоко вдохнул. Готов ли? Нет. Но другого выхода не было.

Ночь во вражеском блиндаже

Навстречу нам вышли двое бойцов с налобными фонарями. Один из них отрапортовал:

– Товарищ майор, тут всё чисто. Вражеское укрепление. Брошенное. Так что зря Фитиль кипиш поднял.

Череп холодно посмотрел на второго бойца, который робко вышел из-за спины товарища:

– Сто нарядов вне очереди Фитилю.

– Товарищ майор, я же ночью выехал и случайно наткнулся...

– Ты какого хрена вообще сюда пошёл?! – перебил его Череп. – Задача была найти место для нового укрепления по карте!

– Товарищ майор, у меня карту заклинило...

– Голову у тебя заклинило! Что тут у вас? Давай подробно!

Фитиль, заискивающе улыбаясь, снял фонарь и осветил путь:

– Вот вход.

Деревянная дверь, ничем не отличавшаяся от нашей. Мы спустились по шаткому настилу из досок. Ступенек не было, просто брёвна, брошенные на склон.

– Руки за такое строительство надо отрывать! – проворчал Череп.

Фитиль открыл вторую дверь. Внутри – просторное помещение:

Две двухъярусные койки из фанеры и досок. Телевизор с двумя пулевыми отверстиями в экране.

– Мы с Баунти уже прибрались, – похвастался Фитиль. – Всё вычистили, растяжку срезали.

Он поднял с тумбочки маленькую чёрную гранату:

– Французская. Запал я выкрутил.

Череп вздохнул:

– Ладно. Сегодня уже нет смысла возвращаться. Заночуем тут.

Попили растворимого кофе с сахаром, поболтали и «отбились» (по-военному – пошли спать, от слова «отбой»).

Я устроился на втором ярусе. Слева – двое спящих бойцов, справа – несколько АКМов.

Если бы не канонада за стеной, можно было бы чувствовать себя почти в безопасности.

– Дроны и мелкие мины нам не страшны, – успокоили меня ребята. – Крыша в три наката выдержит.

– Другое дело – артиллерия, – мрачно добавил Баунти.

– Тут, как говорится, «звездец» хорошему дню!

Череп, как всегда, парировал:

– Не бойсь! На три выстрела на своих похоронах мы уже заработали!

– Спокойной ночи, – недовольно буркнул Фитиль.

Уснуть не удалось. Во-первых, до меня дошло, где мы находимся. Страх и здравый смысл рисовали красочные картины возможного развития событий. Во-вторых, хлопки и вибрация от близких разрывов не давали покоя. В-третьих, храп некоторых товарищей напоминал тактико-психологическое оружие массового поражения. Уснул под утро, за полчаса до подъёма.

Разбудил Баунти:

– Военкор, пора выдвигаться.

Я нехотя умылся холодной водой из самодельного умывальника (пластиковая бутылка с гвоздём в крышке). Спал от силы час. Но сонливость легко лечится адреналином. А там у линии боевого соприкосновения адреналина – хоть отбавляй.

Окончательно взбодрился в солдатском туалете. В принципе, удобное помещение, но звуковое сопровождение... Каждый раз казалось, что снаряд летит прямо сюда.

Позывные

Вернувшись на базу, я застал Рубина перед строем солдат. Он подводил итоги боевой задачи (о которой меня попросили не писать), хвалил отличившихся и обещал представить их к наградам. Когда все разошлись, мы с Черепом, Рубином, Фальком и Гномом устроились в уличной столовой.

– Ну что, за знакомство можно и пригубить, – предложил Фалёк.

– Не возражаю, – согласился Череп.

Рубин нехотя кивнул – мол, ладно, раз уж так.

Я набрался смелости спросить:

– Ребят, а как у вас позывные даются? Некоторые понятны, а другие... ну, требуют объяснений.

Череп оживился, будто ждал этого вопроса:

– О, это целая наука! Ещё с военкомата наблюдаю, как клички прилипают.

– Вот свежий пример. Прибыли новобранцы. Один постоянно глаз трёт – слеза течёт от ветра. Старший сразу: «Ты у нас Слеза». Другой через слово «хули» вставляет – стал Хулио. Потом парень себя показал в бою, и позывной сократили до Икс.

– Наш медик, ты его видел, – Гиппократ. Это логично. И его помощник – Большой: рост под два метра, вес за сотню – логично тоже.

– Боксёр – чемпион по боксу, Шафран – политрук с тату цветка на предплечье, Русич – со славянским оберегом, Опер – бывший оперативник, Дорожник – работник ДРСУ.

– А есть прикольные: Рэмбо – худой, как спичка, но в соцсетях фото с пулемётом выложил – вот и стал легендой.

– Леценко – шепелявит, как известный певец, Гиви – нос сломан, профиль грузинский, Соловей – насвистывал на посту.

– Большинство позывных – из детства или фамилий.

– А вот свой позывной я не понимаю, – внезапно признался Череп.

– Из-за большого ума, наверное, – подколот Рубин.

– У меня в армейке был друг, – неожиданно продолжил комбат. – При знакомстве сказал: «Позывного нет. Позывного – ноль». Так и остался Ноль.

Позывные – это не просто клички. Это судьбы: смешные, грустные, абсурдные... Но они вечные. Они навсегда останутся в родословной военного.

Зашипела рация у Черепа. Взволнованный голос сообщил, что не могут докричаться до Рубина. И что срочно едет окружной командир раздавать задачи и «лещей». Рубин подскочил и схватился за рацию. Он пошевелил крутилку:

– Опять заклинило. Ну трындец! Сейчас... ругать будут.

Череп успокоил боевого товарища очередным перлом:

– Тебя ругать – что небо красить.

Не сказав ни слова, все разошлись по делам. Я остался один за столом. Было время собраться мыслями и подкорректировать то, что описывал ранее. Я заметил, что привык к грохоту артиллерии. Для меня эти звуки стали частью природы, как шум воды и леса. Вздрогнул, когда Череп положил мне руку на плечо.

– Тёмныч, тебе тут сейчас быть нельзя. Проверка. Парни отвезут тебя в Краснодон. Город мирный, и там есть на что поглядеть.

Город-герой, город-память

Земля «Молодой гвардии». Тихие улочки с домами в пастельных тонах, тенистые скверы, запах свежего хлеба из местной пекарни. На первый взгляд – обычный провинциальный городок, каких тысячи в России. Но здесь каждый камень помнит войну: и 1941 года и нынешнюю.

Центральная площадь с Вечным огнём – гранит мемориала отполирован руками тех, кто приходит сюда в дни памяти. Храм – золотые купола сверкают даже в пасмурный день. Уютные дворики с лавочками и клумбами – бабушки на скамейках, дети катаются на велосипедах. Обычные магазины и рынок, где торгуют местными огурцами, салом, тёплыми носками ручной вязки. Смех, шутки, как будто и нет войны за горизонтом.

В кафе «У Любы» подают лучший кофе в городе – бариста Виталик вернулся с фронта без ноги, но научился варить капучино с сердечком. В школе №3 на стене – мемориальная доска выпускнику, погибшему в 2014-м. А во дворе... радуются солнышку старшеклассники.

В парке аттракционов скрипят качели, но вечером здесь тихо – люди рано расходятся по домам: комендантский час, и в тёмное время суток небо «разговаривает» громом дальних обстрелов.

Молодая гвардия

Музей встретил меня тишиной залов, строгими лицами на чёрно-белых фото, пожелтевшими листьями писем, которые нельзя читать без кома в горле.

Наталья Ивановна, директор музея, рассказывала так, будто сама жила в том 1941-м:

– Они не дали фашистам вывезти ни куска угля. Дети! Самому младшему – 14 лет.

Она подошла к витрине, взяла копию письма и прочла наизусть, голос дрожал от гнева и боли:

«Прощайте, папа, прощайте, мама, прощайте, вся моя родня. Прощай, мой брат любимый Еля. Больше не увидишь ты меня. Твои моторы во сне мне снятся, Твой стан в глазах всегда стоит. Мой брат любимый, я погибая. Крепче стой за Родину свою. До свидания. С приветом, Громова Уля. 15 января 1943 г.».

Я не сдержался – слёзы текли сами. Увидел, как Уля Громова писала эти строки перед казнью.

– А вот ещё одно письмо, – Наталья Ивановна открыла другой листок. – Сергея Тюленина. Он последнюю записку передал через решётку камеры: «Мама, не плачь. Я не предал. Нас вешают, но мы всё равно победим».

Где-то за стенами гремела современная артиллерия, а здесь, в музее, война была ближе, чем на передовой. Я стоял у стены с фотографиями. Мальчики и девочки, улыбающиеся, жизнерадостные. Такими их запомнили. Такими они ушли.

– Они верили, что их смерть что-то изменит, – тихо сказала Наталья Ивановна. – И ведь изменила.

Я не нашёл слов. Только кивнул.

Ещё один исторический «маяк» обжёт душу: мемориальный комплекс «Непокорённые». Здесь даже воздух пропитан скорбью. На терриконе высечена надпись: «И не в шурф их бросали, а в наши сердца». Эта фраза бьёт в грудь, будто осколок.

Шурф шахты №5 – братская могила. В 1943 году фашисты живьём сбросили сюда 71 человека: молодогвардейцев, участников партийного подполья Краснодона – тех, кто отказался сдаться. Их избивали, ломали пальцы, жгли раскалённым железом, но они не выдавали своих. И они победили. Ценой жизни.

Стоя у чёрного жерла шурфа, я не мог отогнать мысль: как сегодня, в XXI веке, на этой же земле могут стоять памятники тем, кто служил фашистам?

Как можно кричать «Героям слава!», когда эти «герои» расстреливали детей в Бабьем Яру, жгли деревни, вешали учителей за то, что те учили детей на родном языке? Где логика истории? Где совесть?

Парта Серёжи Тюленина, исписанная перочинным ножом, с призывом «Не забудьте».

Клочок ткани с вышитым цветком – последний подарок маме от дочери. Перед казнью.

Окопная ложка Вани Земнухова – он ел ею в последний раз перед пытками.

Это не экспонаты! Это обвинительные приговоры всем, кто пытается переписать историю.

Сможем ли мы так же стойко хранить правду или позволим стереть её фальшивыми мифами?

Дотемна я просидел на холодной лавочке у Мемориала памяти – перед списками погибших ополченцев и бойцов Народной милиции ЛНР. Просто смотрел в одну точку, как человек с проваленной памятью, пытаюсь собрать в голове обрывки мыслей.

Фалёк спал в уазике, растянувшись на сиденье. Мирно, как будто не было ни войны, ни этого вечера, ни этого мемориала с сотнями фамилий. Он наслаждался временем, свободным от войны.

Путь на передовую

Мы выехали затемно, вернулись в подразделение глубокой ночью. Я отказался от ужина – ком в горле не давал проглотить ни куска.

Утром Череп, жующий солдатскую кашу, сообщил, что проверка прошла удачно, но подробностей не раскрыл.

– Хочешь увидеть войну? – неожиданно спросил он, заметив мой вопросительный взгляд. – Сегодня везу оборудование в Авдеевку. Там ещё стреляют. Возьму тебя, но под твою ответственность.

Меня переодели в поношенную, но крепкую форму – что-то среднее между энцефалиткой и армейским обмундированием.

– Оружие дать не могу, – развёл руками Череп. – Но если что – прячься за меня.

Солдаты загрузили в УАЗ коробки, и мы тронулись в путь.

Чем ближе к фронту, тем чаще на дороге встречались блокпосты. На каждом Череп предъявлял боевое распоряжение. Нередко попадались танки и САУ, укрытые маскировочными сетями – будто спящие звери перед охотой. Череп попросил не фотографировать военную технику с номерами. А перед блокпостами подальше убирать телефон.

– Здесь фотографировать нельзя! Могут принять за ДРГшника. Проблем не оберёшься! – бодро подчеркнул Череп.

Всё чаще и чаще стали попадаться разрушенные многоэтажки – одни превратились в груды кирпичей, другие стояли, как картонные муляжи: без окон и дверей.

Северодонецк предстал в жутком виде: улицы, заваленные обломками; редкие гражданские, копающиеся в руинах своих домов, как будто надеясь найти что-то важное.

– Почему они ещё здесь? – спросил я.

– Остались единицы, – хмуро ответил Череп. – Кто-то не хочет бросать дом, кто-то просто не верит, что где-то есть безопасное место.

Город, которого нет

Череп указал вперёд, где за дымкой виднелись только очертания руин.

– Авдеевка. Здесь до сих пор опасно.

На блокпосте он долго совещался с военными, что-то уточнял по рации. Вскоре подъехал грузовик, из которого высыпали бойцы и быстро перегрузили наши ящики.

– Оставим машину тут, – решил Череп. – Пройдёмся пешком. Покажу, где две недели назад было чистилище.

Если Северодонецк был полуразрушен, то Авдеевка перестала быть городом вовсе. Просто место на карте, где война прошла кувалдой.

Дома – расколотые пополам. Улицы – груды щебня и искорёженного металла. Лишь одинокий храм с дырявым куполом торчал среди развалин, как надгробный крест на братской могиле. Мы шли по улице Царской. Я щёлкал телефоном, но снимки получались бессмысленными. Эта пустота не передаётся через экран.

У разрушенного подъезда копошились бойцы возле потрёпанной «газели» с синим тентом. Выгружали коробки.

– Вы чьих будете? – окликнул Череп.

– 80-й танковый. Гуманитарку забираем.

Парни торопливо таскали груз в подвал.

– Поаккуратнее там. И в небо поглядывайте, – бросил Череп. Отошёл и буркнул под ноги: – Совсем страх потеряли гуманитарщики... Хотя... без них бы нам вообще хреново было.

На перекрёстке висела уцелевшая вывеска «Ремонт окон» с телефоном.

– Ну и клиентов вы тут найдёте, – фыркнул Череп. – Тут не ремонт – тут новый город строить надо.

В скверике стояли три пятиэтажки-близнеца. Две крайние – голые скелеты без крыши и стен. Средняя пятиэтажка пострадала меньше. Она спряталась за соседями и сумела сберечь фасад. У подъезда сидели девушка с пожилой дамой.

– Вы кого ждёте? – спросил я.

– Мы тут живём, – тихо ответила старушка.

– В подвале, – кивнула девушка в сторону зияющего провала.

– Почему не эвакуировались? – удивился Череп.

– Дом же наш. Да и ребята помогают – генератор поставили, свет есть.

Оказалось, в этом подвале ютились четыре семьи. Пережили все обстрелы. Теперь военные подкармливают, лекарства носят.

– Странно... – пробормотал я, отходя. – Почему не уехали?

Череп пожал плечами:

– Может, некуда. А ты бы уехал?

Череп многозначительно посмотрел на меня.

– Не знаю. Сложный вопрос.

Я попытался представить себя на месте жителей Авдеевки.

Прихожу домой с работы. Уставший, голодный. Поднимаю голову – а дома нет. Только груды обугленных кирпичей, запах гари и треск орудий. Куда идти? Наверное, нашёл бы временное жильё. Соседи, друзья, чужие люди – кто-нибудь бы помог. Да и государство не оставит в беде. Но мне легко рассуждать – я одинокий.

А если бы там была семья? Жена. Дети. Родители.

Волна ужаса накрыла с головой. Внутри всё сжалось, стало трудно дышать. Я вспомнил маму, отца, брата. Представил их на этом пепелище... Дальше думать не смог.

Мы шли мимо детских площадок, похожих на груды металлолома, и молча думали о том, вырастет ли здесь когда-нибудь новая Авдеевка.

Ближкий контакт

Мы преодолели несколько кварталов, пробираясь между скелетами разрушенных домов. Внезапно дорогу преградил гигантский котлован.

– Ну что, Военкор, насмотрелся? Пора возвраща...

Грохот разорвал воздух прежде, чем Череп закончил фразу. Земля вздыбилась под ногами, горячая ударная волна ударила в грудь, выбив дыхание. В ушах завыл пронзительный звон, перед глазами поплыли чёрные пятна. Я шатался, как пьяный, но Череп уже вцепился мёртвой хваткой в мой рукав и потащил к ближайшему зданию.

– Беги! Не оглядывайся!

Мы влетели в чёрный проём. Стены дрожали, с потолка сыпалась штукатурка, смешиваясь с пылью от новых взрывов.

– Это арта? – закричал я, но собственный голос казался мне далёким и чужим.

Череп не отвечал. Его пальцы впились в моё запястье, таща вглубь подвала. Мы нырнули в лабиринт разрушенных перекрытий, спотыкаясь о груды кирпича. Голова ударилась о торчащую арматуру – я даже не почувствовал боли, только липкий, животный страх, сжимающий горло.

Упёрлись в глухую стену как раз в момент нового взрыва. Казалось, сам ад обрушился на здание – бетонные плиты скрежетали, с потолка посыпались осколки.

– Тихо, – прошипел Череп, прижимая меня к холодному полу.

Я кивнул темноте, хотя сознание уже плыло где-то далеко. Время потеряло смысл – может, мы пролежали минуту, может, час.

Резкое движение – грубая ладонь накрыла мой рот.

– Ни звука, – шёпот Черепа едва долетел до моих перепонок.

За стеной отчётливо слышалась речь. Знакомые слова складывались в чужие, странные фразы. Кто-то нервно обсуждал прочёсывание территории.

– ...проверить вату... стекловату... – выхватил я из обрывков разговора.

Запах дешёвых сигарет заполнил подвал. Луч фонаря скользнул по стене в полуметре от нас. Я замер, чувствуя, как Череп бесшумно достаёт пистолет.

Мысли метались в панике: «Смерть – если найдут. Бой – если Череп откроет огонь. Плен – хуже смерти».

Я сжал кулаки до боли, пытаюсь подготовиться к худшему. Но как можно подготовиться к этому?

В тусклом свете я увидел глаза Черепа – блестящие, как у загнанного зверя. Впервые за всё время я понял, что подвёл его.

«Грёбанный военный турист! Военкор хренов!» – бичевал я себя мысленно.

Шаги стали удаляться. Я уже хотел выдохнуть, когда Череп снова сжал моё плечо – враги возвращались.

Два ярких луча заскользили по стенам. Череп молниеносно показал жестами: правый – твой, души.

Мир замедлился. Я кивнул, чувствуя, как сердце готово разорвать грудную клетку. В этот момент из-за спин солдат вышли ещё трое. Солдаты передвигались молча. Они прошли в полуметре, не заметив нас в темноте. Пятеро военных скрылись в другом конце подвала.

Когда шаги затихли, Череп рванул меня за собой:

– Бежим.

Мы выбрались через груды обломков, когда вдалеке уже слышались крики и очереди автоматов. Воздух пах порохом и страхом.

Кровавый маршрут

Я бежал, уткнувшись взглядом в берцы Черепа. Внезапно он резко остановился – я врезался в него лицом.

– Тихо! – прошипел он, швырнув меня в кювет.

Где-то совсем рядом зажужжал пропеллер дрона. Я много раз слышал этот звук на аэросъёмках городских мероприятий. Но сейчас понимал, чем может обернуться встреча с этим «приборчиком».

Мы поползли по ледяной жиже, смешанной с бензином и чем-то ещё – сладковато-металлическим. Вода окрашивалась в ржавый цвет с каждым моим движением. Вокруг свистели пули, но понять, откуда именно – невозможно.

Мы выбрались на дорогу и побежали, пригнув головы. Внезапно я почувствовал, что кто-то со всей силы пнул меня под зад. Чуть не упал, но удержал равновесие. Оглянулся – никого.

«Словил глюк от страха или Ангел-хранитель подгоняет?» – мелькнула безумная мысль.

Выстрелы стихли. Череп присел на обломки, доставая смятую сигарету:

– Уф... Выбрались... Какой чёрт тебя потащил в эту жезть?!

Он ухмыльнулся и добавил:

– Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона!

Его лицо вдруг исказилось:

– Что с тобой, твою мать?!

Я посмотрел вниз. Ноги в крови.

– Вот ничего себе...

Тьма накрыла меня раньше, чем я успел упасть.

Золотая задница

Я очнулся от тряски в салоне нашего УАЗа. Голова гудела, тело ныло, а где-то в районе ягодицы сильно жгло.

– Ну вот и вторая «Золотая задница» подъехала! – весело сказал незнакомый военный, сидевший рядом с Черепом.

Я моргнул, пытаюсь сообразить, где нахожусь.

Череп, не отрывая рук от руля, обернулся:

– Не парься, Тёмыч! Жить будешь. Осколок прошил тебе «булку» насквозь. У нас в батальоне есть боец, который дважды ловил осколки в пятую точку. Оба раза получил хорошие выплаты – вот и прозвали его «Золотая задница».

Он рассмеялся.

– Но тебе, Тёмыч, выплаты не светят, – продолжил Череп. – Ты тут гость случайный.

Второй военный удивлённо посмотрел на меня, пробормотал что-то под нос и закурил.

Оказалось, когда мы бежали под обстрелом, тот самый «пинок» был осколком мины. Череп дотащил меня до блокпоста, где бойцы быстро осмотрели и перевязали рану.

– Жизненно важное не задело, – успокоил Череп. – Просто теперь у тебя будет фирменный шрам. Напоминание о войне... и о том, кто тебя вытащил.

Я хмыкнул, но тут же скривился от боли.

– Значит, теперь я «Золотая задница №2»?
– Нет, – Череп покачал головой. – Чтобы попасть в этот «клуб», ранение должно быть «заработанным». Ты же просто неудачно присел.
Все засмеялись. Даже я, сквозь боль.
Так я получил своё второе «боевое имя» – неофициальное, но меткое.

Возвращение в госпиталь

Мы снова оказались на территории госпиталя, где нас встретил Колумб – и не в самом радужном настроении.

– Вы совсем ку-ку?! – рявкнул он, уставившись на Черепа. – Ты чем думал, когда гражданского на передовую тащил?! А если бы погиб?!

Череп удивлённо поднял брови, отвёл Колумба в сторону и громко, чтобы слышали все вокруг, заявил:

– А ты чего на меня рычишь?

Затем последовала фраза, которая рассмешила даже сурового хирурга:

– Не смотри, что молодой – отгуплю, как с бородой.

Колумб фыркнул, а стоящие рядом бойцы заржали. Череп умел гасить конфликты даже злостью, но так, что всем становилось весело.

Колумб, уже успокоившись, подошёл ко мне:

– Ну как самочувствие?

Потом кивнул двум бойцам:

– Помогите дойти до смотровой.

Там меня раздели, смыли засохшую кровь и осмотрели рану.

– Всё чисто, – заключил врач. – Первая помощь оказана правильно.

Пару дней без бега и прыжков – и будет норм. Шов наложим.

Процедура заняла пятнадцать минут. Чёткие, выверенные движения – не из учебников, а отточенные на сотнях раненых.

После операции я вышел на улицу.

– Ну что, герой? – Колумб прищурился. – Домой не захотел после таких приключений?

– Я думал, спросишь: «Не пора ли контракт подписывать?»

Я рассказал, что чувствовал:

Когда услышал вражескую речь, – будто лёд в жилах.

Когда бежал, пригнувшись, – страх гнал быстрее ветра.

Когда полз по холодной луже, – вместо отражения видел кошмары.

Когда понял, что ранен, – подумал: «Всё, конец».

Старался говорить с иронией, шутил, но всегда добавлял:

– Если бы не Череп – я бы пропал.

Череп покраснел и махнул рукой:

– Не наговаривай! Ты и сам молодец. Если бы лоханулся – лежали бы мы сейчас оба в сырой земле. Помню своё первое ранение. Под Бахмутом танк вытягивали. Чувствую, будто ломом ударили. Упал. Инстинктивно рванулся – не смог встать. Тут же второй удар. Первый осколок прошёл насквозь через бедро. Второй – засел под ребром. До сих пор с собой ношу. Врачи говорят – опасно. А вот тот, что в ногу – мог и добить. Разворотил артерию. Опер меня на своём горбу вытащил. Если бы не он, остался бы там. Вытек бы, как пробитая фляга.

Утро без ветерка

Палата Колумба оказалась крохотной: четыре койки впритык, застеленные серыми одеялами, несколько тумбочек и старинный холодильник.

– Здесь живём я и ещё трое врачей, – пояснил он, указывая на остальные кровати.

Мы с Черепом рухнули спать, а Колумб ушёл на обход – проверить раненых перед сном.

Я проснулся один. Яркое солнце било в глаза через немытое окно. Во дворе Череп копался под капотом УАЗа, заляпанного мазутом и пылью.

– Рубин вызывает. Ты как? Со мной поедешь или ещё повалеешься?

– Поеду. Зад побаливает, но больше от вчерашнего марафона под пулями, чем от раны.

Я откровенно лукавил. Рана остро резала, отдавая в спину. После вчерашней «прогулки» внутри всё сжалось в комок. Череп фактически вытаскивал меня за шкуру с того света. И куда я теперь без него?!

Череп усмехнулся, вытирая руки об ветошь:

– Нас трудности только закаляют. Не ищи плюсы, брат!

Потом добавил, как всегда, метко:

– Плюс входит больше, чем минус.

Мы встретил Колумба у крыльца. Тот стоял, глядя куда-то вдаль. Я поблагодарил его за помощь и вдруг осознал – кого-то не хватает. Что-то поменялось в атмосфере госпиталя, который встречает меня второй раз.

– А где Ветерок? – спросил я.

Колумб опустил глаза, засунул руки за спину. Грубая пауза повисла в воздухе.

– Где тот мужичок, с которым мы подружились в прошлый раз? – переспросил я, уже зная, каков будет ответ.

– Погиб. Вчера. Поехал помогать забирать раненых... ФАБ прилетел прямо в буханку. От него... ничего не осталось, – сказал Колумб, сделал паузу, будто собирался добавить что-то, но лишь сглотнул ком в горле.

Череп, стоявший рядом, вдруг судорожно заговорил, словно пытаясь заглушить эту тишину:

– Знаешь, в сводках сообщают «пропал без вести». Бывает, что боец под арту попадает, а свидетелей нет. 500-м номером идут. Родные могут годами ждать – может, жив, а может, в плену...

Он глубоко затаился, дым вырвался серым клубком:

– А Ветерку повезло. Парни видели, как его накрыло. Значит, не 500-й, не пропал. Значит, семье скажут правду... сразу.

Колумб повернулся к стене, сделал вид, что поправляет медицинский халат. Но я видел, как его плечи дёрнулись.

– Лучше погибать на глазах у своих, – прошептал Череп. – Чтобы не было этого «может быть». Но лучше всего – не погибать вообще. Только война об этом не спрашивает.

Мы молча сели в УАЗ. Череп рванул передачу, двигатель взревел.

Ветерок остался там – в списках «боевых потерь», а не «пропавших без вести». В памяти тех, кто видел его последний бой.

А где-то в другом месте, в другой день, другой парень исчезнет без свидетелей. Станет «500-м». И его мать будет ждать звонка годами...

Вот она, солдатская арифметика. Погибнуть на глазах у своих – «везение». Пропасть без вести – надежда, которая хуже отчаяния. А выжить – редкая удача, за которую цепляешься обеими руками.

Череп дал газ. Мы поехали, оставляя позади госпиталь, Колумба и память о Ветерке.

Разбор полётов

В кабинете Рубина напряжение заполнило воздух, как перед грозой.

– У тебя что, боевых задач нет?! – командир ударил кулаком по столу, и даже Череп на секунду потерял дар речи. – Ты на кой тут экскурсии устраиваешь?!

Его взгляд переключается на меня:

– А ты какого хрена ещё тут? Не посмотрелся? Собирай манатки и вали домой. Или подписывай контракт! Тогда хоть фотографируй, хоть книги пиши...

Череп решительно вступился:

– Рубин, это я тупанул. Сам предложил в Авдеевку съездить. Извини, брат! А Тёмыч... то есть, рядовой Военкор не сдрейфил – чётко выполнял инструкции, не ныл, – Череп подошёл вплотную к командиру и перешёл на шёпот: – Серёг, ты чего?

Рубин успокоился. Сел на край стола, провёл рукой по лицу:

– Ладно, извини, Военкор. Перенервничал. Давайте по делу.

Он развернул карту на ноутбуке, увеличил Авдеевку:

– Рассказывайте подробно. Каждый сантиметр.

Череп начал увлечённо тыкать пальцем в экран, размазывая отпечатки. Рубин прервал его и подошёл ко мне, протягивая руку:

– Молодец, что не испугался. Но подумай – может, хватит играть в рулетку? Ты ещё должен рассказать людям правду...

Командир внезапно сменил тему, бросив Черепу:

– ДРГ там выбили, но мины могли остаться. Винт уже на месте. Надо...

Он глянул на меня и кивнул к двери:

– Выйди ненадолго.

На улице меня окружил десяток бойцов. Глаза горели любопытством:

– Ну как, попал под обстрел?

– Страшно было?

– Как «золотая задница»? Держится?

Коротко рассказал парням, не забыв подчеркнуть:

– Без Черепа я б там и остался. Он – боевая машина.

Кто-то свистнул, кто-то хлопнул по плечу. В этот момент понял – теперь я здесь не чужой.

Перед сном я коротко переписался с шефом. Без лишних подробностей сообщил, что всё в порядке. Поблагодарил начальника за неожиданные отпускные, которые капнули СМСкой из банка. Пообещал привезти уникальный материал и сполна отработать премиальные.

Королевский юмор

Возле солдатской столовой собралась толпа. Ребята ржали так, будто это был последний смех в их жизни. Несколько бойцов катались по земле, держась за животы. Остальные вытирали слёзы от хохота. В центре – штурмовик с позывным Царёк, крепкий блондин с выцветшей татуировкой орла на шее.

История началась с того, что гарнизонный пёс с позывным Блокпост №5 (помесь овчарки с дворнягой, но с характером волкодава) отказался от богатого угощения.

Царёк, решив снять «привет домой», наварил креветок, купленных в прифронтовом маркете, и поставил переполненную миску псу.

– Живём как короли! – орал он в камеру. – Креветок объелись – остатки псу отдали!

Но псина, понюхав деликатес, фыркнула и гордо удалилась к своей конуре. Царёк, не растерявшись, выловил креветку из миски и с шутливым: «Не пропадать же добру!» – отправил её в рот.

А потом оказалось, что над конурой висела камера наблюдения, подключённая прямо в блиндаж командира роты. На построении командир с каменным лицом объявил:

– Благодарность бойцу Царьку! За бережливость, доброту к животным и повышение имиджа Российской армии!

Он подробно рассказал всё, что видел по камере наблюдения, и подвёл итог:

– Креветки, боец, в следующий раз вари лучше. А то даже собака брезгует.

Строй взорвался хохотом. Даже старослужащие, выдавшие виды, не удержались. Царёк стоял красный как рак, но довольно ухмылялся, понимая, что стал легендой батальона.

После развода началось народное творчество – конкурс на лучший позывной для Царька:

– Креветочник!

– Собачий деликатес!

– Морской царёк!

– Царская закуска!

Победил молодой боец, предложивший:

– Царь-креветка! – и эпично, и вкусно!

Сам Царёк только разводил руками. Он знал, что этот позывной прилипнет навечно, как фронтовая татуировка.

Я стоял в сторонке и улыбался. Эти ребята, прошедшие ад, видевшие смерть в лицо, веселились так, будто война где-то далеко. Возможно, они смеялись, чтобы не сойти с ума.

Любовь

Череп предложил заехать в Краснодонский интернат:

– Помогаем детишкам по мере сил, – объяснил он.

Мы остановились на рынке. Череп купил несколько коробок конфет. Я, глядя на него, тоже решил внести свою лепту.

– Бери на своё усмотрение, – согласился он.

Мой выбор пал на фрукты. Продавала их улыбчивая, очень красивая девушка в сине-белом сарафане, с веснушками по всему лицу. Когда она узнала, что фрукты для детдома, бесплатно добавила полный пакет апельсинов.

Отнеся покупки в машину, я вдруг объявил:

– Подожди минутку.

– Ты куда? – удивился Череп.

– Кажется, я женюсь, – ответил я совершенно серьёзно.

Череп посмотрел на меня так, будто пуля угодила мне не в задницу, а прямоком в голову.

У прилавка уже собралась очередь. Пока девушка обслуживала покупателей, я лихорадочно придумывал, как завязать разговор. Когда же очередь рассосалась и она спросила: «Вам ещё что-то нужно?» – все заготовленные слова вылетели из головы.

– Я... может, детям ещё чего-нибудь... – замялся я, чувствуя, как краснею.

Поняв, что выгляжу полным идиотом, решил действовать напролом:

– Простите, не знаю вашего имени...

– Люба, – ответила она, поправляя яблоки на прилавке.

– Люба... – выдохнул я. – Наверное, вам надоели ухажёры, но у меня действительно важный вопрос.

Она подняла на меня глаза – и в тот же миг я понял, что любовь с первого взгляда существует.

– Люба, вы замужем?

По её лицу пробежала тень разочарования. Прежде чем она успела ответить, я поспешил добавить:

– Очень надеюсь, что да. Иначе у меня возникнут большие проблемы.

– Какие проблемы? – удивилась она.

– Сначала ответьте. Только честно.

– Нет, не замужем...

– Вот и началось! – с радостным отчаянием воскликнул я. – Во-первых, мне теперь нужно подобрать слова, чтобы вы мне поверили. Во-вторых, продать квартиру в Тюмени и искать работу здесь – тоже непросто. В-третьих... – я сделал паузу, – теперь я буду думать о Вас постоянно.

Люба улыбнулась – уже не той фирменной улыбкой продавца, а по-настоящему.

– Мне пора, – сказал я, чувствуя, что если не уйду сейчас, то опоздаю к Черепу. – Запишите мой номер. И перезвоните по мере возможностей. Это очень сократит количество моих проблем.

Она рассмеялась:

– Такого чудака я ещё не встречала.

Достала телефон, записала мой номер и тут же перезвонила.

– До встречи, – сказала она.

– Обязательно передам детям ваши фрукты, – ответил я.

Возвращаясь к машине, я осознал: на этой израненной земле, среди руин и боли я нашёл любовь. Любовь! Прямоком в сердце. Это «ранение» жгло гораздо сильнее, чем осколок металла в мягких тканях.

– Ты чего такой сияющий? – прищурился Череп.

- Я не шутил насчёт женитьбы.
- Продавщица та? – он усмехнулся.
- Да.

Всю дорогу я переписывался с Любой. За 15 минут вывалил ей всю свою биографию. В ответ – только смайлы и сердечки. Каждое сердечко казалось мне признанием. Перед въездом в интернат написал: «До скорой встречи, моя Любовь с первого взгляда».

Она не ответила.

Детский дом

На крыльце нас встретила крепкая женщина с морщинистым, но добрым лицом.

- Здравствуй, Константин! Опять нас балуешь! – обняла она Черепа.
- Я впервые услышал его имя.
- Матушка Люба, здравствуйте.
- Меня будто током ударило. Совпадение? Её тоже звали Любовь...
- Знакомьтесь, наш военкор Артём, – Череп подтолкнул меня вперёд.
- Стихи пишет душевные.

Забавно, он представил меня по имени. Для военных это совершенно не свойственно. Здесь, у линии фронта, я ни разу не слышал имён. Казалось, бойцы сами забывают, как их зовут. И мой боевой друг наверняка привык быть «товарищем майором», «Черепом», а не Константином.

Я протянул руку матушке Любе, а она, не замечая этого, придвинула меня к себе и обняла.

- Спасибо, что приехали.

Мы застали тихий час. Пока пили чай в кабинете, Любовь Викторовна рассказала о том, как тридцать лет назад усыновила и удочерила несколько десятков детей (в том числе тяжёлых).

– Сейчас у нас четыре тройни, шесть двойняшек, одна девочка и четверня: три девочки и мальчик, – перечисляла она. – Старшей пятнадцать, младшему – всего годик. Отец погиб на фронте, мать... – она махнула рукой.

Вдруг её голос дрогнул. Крепкая, казалось бы, женщина разрыдалась. Выбежала из кабинета. Мы с Черепом переглянулись. Через минуту она вернулась, будто ничего не случилось.

- Одиночек быстро разбирают. А большая семья – это проблема.

Матушка Люба посмотрела на часы.

- Пойдёмте, дети просыпаются. Пора дарить подарки.

Финал

Мы спустились в просторное фойе. Только теперь я разглядел табличку «Убежище» со стрелкой и окна, заклеенные крест-накрест скотчем, – точь-в-точь как в фильмах про блокадный Ленинград.

Дети ворвались в зал, словно взрыв радости. Они облепили нас, реагируя на окрики матушки Любы. Маленькие руки цеплялись за мою куртку. Если бы не каменное спокойствие Черепа рядом, я бы не сдержался...

Мы раздавали подарки под восторженные крики. Любовались, как трогательно дети делятся друг с другом сладостями.

Из коридора раздался душераздирающий вопль – будто резали кошку. Я почти угадал: в дверях показалась малышка, тащившая за хвост серого кота. Бедное животное даже не сопротивлялось, только орало во всё горло.

– Зачем мучаешь котика? – тихо спросил я, опускаясь перед девочкой на корточки.

Она тут же разжала пальцы и протянула ко мне ручки. Передо мной стояла маленькая девочка с большими чёрными глазами, мокрыми от слёз. Её растрёпанные спросонья волосы торчали в разные стороны, как у маленькой Бабы Яги из мультика. Я поднял её – она вцепилась в мою шею, прижалась мокрым носиком к щеке.

– Алина, слезай с дяди! – крикнула матушка Люба. – Пойдём, мультики включу!

Я машинально отступил назад, прикрывая девочку плечом. Не мог, не хотел её отпускать. За её маленькой головкой я прятал слёзы...

Всё нахлынуло разом: война, взрывы, страх, ранение, встреча со смертью. А теперь ещё Люба, матушка Люба и этот ребёнок, доверчиво прижавшийся ко мне. Всё это казалось сном.

С Алиной на руках я вышел во двор, достал телефон:

– Алло, Люба? Это Артём... – голос дрогнул. – Кажется, наших проблем стало больше...

Послесловие

Контракт я не подписал. Хватило войны сполна. Устроился редактором на местном телевидении. Коллеги с прошлой работы поддержали, даже помогли продать тюменскую квартиру.

Вот, перебрался в Луганск окончательно. Люба моя – золото. Хозяйство тянет, со мной возится. Воспитываем нашу хулиганистую фею Алинку. Скоро родится сынуля. Константином назовём.

В общем, всё нормально – ждём пополнения и окончания войны...

Алексей СТЕПАНОВ

МОЙ БЫСТРЫЙ ДОЛГИЙ ПУТЬ (главы из повести)

**Все имена собственные, позывные
и географические названия вымышлены автором.*

Друг за другом по потолку блиндажа, словно строим, «дыша в затылок», организованно по бревну шли мураши, на которых вот уже час созерцал я, лёжа на деревянных полатях. Вроде бы в голове не было определённых мыслей, только один вопрос то и дело возникал в ней: «Что я здесь делаю?» Нет, я знал ответ на этот вопрос, но правильный ли это был ответ, точно сказать не мог.

Ещё пять недель назад я был беспечным двадцативосьмилетним увальнем, слонявшимся по улицам родного города в тысячах километров отсюда, с постоянным желанием куролесить и веселиться в компании красивых девчонок. Кстати, они очень меня любили, несмотря на то что был похож на худую, сутулую шпалу длиной в метр восемьдесят, с острым треугольным подбородком, большим «шнобелем», выпученными тёмно-зелёными глазами и постоянно торчащим на затылке хохолком. Можно сказать, я был душой компании, весёлый, энергичный и остроумный, не без интеллекта, который, правда, использовался только в одну сторону – как достать деньги на веселье и уговорить очередную девчонку уединиться вечерком в укромном месте.

Но в один день всё изменилось в моей пустой жизни, и вот я уже неделю официально – Доброволец Народной Милиции Донецкой Народной Республики! Под боком лежит автомат, и я даже научился из него стрелять. Но основной навык, который подтянул за последние четыре недели, – это бег и ходьба в наклон, как орангутанг. Только тот помогает себе, опираясь передними конечностями о землю, а мы цепляемся зубами за воздух, чтобы не упасть вперёд на руки, в которых единственный и любимый АК. Такой способ ходьбы и бега весьма необходим для сохранения жизни при передвижении в окопах и под пулями врага.

От непрерывного наблюдения за взводом мурашей и тарабанившим на улице дождём меня погрузило в сон, и я снова увидел тот судьбоносный день...

Вернулся в тот раз домой рано, слегка навеселе, в отличном настроении не только от хмеля, но и от того, что мне удалось серьёзно поговорить с Алёнкой и расставить все точки над «і». Я чётко дал понять, что не собираюсь заводить в ближайшее время каких бы то ни было и с кем бы то ни было серьёзных отношений. И она поняла это, по крайней мере, я так

СТЕПАНОВ Алексей Игоревич. Родился и вырос в Равнеце. Там же окончил школу. Занимался лёгкой атлетикой, был чемпионом области. Учился в ишимском лицее №8 на помощника машиниста, сразу после его окончания был призван в армию. После армии получил водительские права, несколько лет работал на селе, а в настоящее время – сотрудник одного из охранных предприятий. Увлекается путешествиями, автостопом проехал более ста тысяч километров. Автор книг «Два берега одного города» и «Мой быстрый долгий путь». Дипломант Международной премии им. П.П. Ершова.

подумал, наблюдая, как она в слезах убежала прочь от меня в туфлях на огромных каблуках.

Я зашёл в двери, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить маму, при этом прекрасно зная, что она никогда не засыпает до моего прихода. Ждал привычного: «Миша, это ты?» Но не услышал, и это меня не на шутку встревожило. «Мама, ты дома?» – но в ответ была тишина. Пулей пролетел в зал и увидел маму, сидящую неподвижно на диване с зарёванными красными глазами и белым платочком в трясущихся руках...

– Мам, что случилось? – подбежал я к ней и, упав на колени, попытался поймать её взгляд.

– Миша... папа пропал... – зарыдала она. – Наверное, в плен попал... – неразборчиво, сквозь всхлипы пробормотала она.

– Подожди, не плачь, – начал я её успокаивать. – С чего ты взяла?

– Звонили из военкомата, сказали, что три недели уже Рому найти не могут... – с новой силой зарыдала мама. – После боя пропал...

Я сидел на полу рядом с диваном. От волнения тошнотворные массы подбирались к горлу, но отрезвили меня сильная и неожиданная мамина пощёчина и её укорительные слова:

– А ты всё жрёшь... всё напиться не можешь... Всё гуляешь?..

– Мама! – закричал я. – А что, мне тоже вслед за отцом голову сложить? Там же бои идут!

Я вскочил и выбежал вон из квартиры. Влив в себя ещё какое-то количество вина, через двенадцать часов уже лежал на верхней полке вагона, направлявшегося в Ростов. Весь в хмельной злобе, с кровной обидой на мать и упаковкой дешёвого вина, ехал, чтобы разыскать своего отца, сержанта неизвестно какой бригады, и доказать, что я не тварь.

И вот я уже пересаживаюсь с поезда в автобус. Вокруг меня какие-то странные, молчаливые люди, какие-то новые знакомые, имён которых в винном угаре не запомнил, подсказавшие мне, куда ехать и на какой автобус садиться. Помню тот душный, обдающий жаром июньский воздух Донецка, который встретил меня и чуть было не сбил с ног при выходе из попутки с кондиционером. И вот я шагаю по проспекту...

Кап!.. Кап!.. Да что это? Я проснулся в своём блиндаже, от капель проклятого дождя, которые падали прямо мне в лоб, стекали за шиворот, на плечи, в ботинки и везде, куда не следовало бы капать! «Проклятая хохляцкая земля... – промелькнуло в голове, и тут же: – Стоп! Отставить! Это наша, русская земля, родная!»

Передо мной вновь бегали по потолку мураши, обруливая свисающие капли воды. Глаза защипало, они заслезились от недосыпа и дыма, вырывавшегося из самодельной буржуйки, на которой сушились промокшие вещи бойцов. Вытерев капли со лба, я подвинулся в сторону, но не стал вставать и вылезать из-под тёплого бушлата. Глаза устало закрылись, и я снова погрузился в сон.

Мы стояли втроем перед командиром роты с позывным Иваныч на краю полигона, сразу после стрельб, ещё в начале курса молодого бойца. Ротный наш, Иваныч, очень интересный мужичок: худой, ростом с меня, коричневый от загара, с густыми усами на верхней губе, местный, из бывших военных. Хотя здесь бывших военных нет – все мужи-

ки Донбасса, кто хоть как-то был причастен к армии, теперь служили в народной милиции. Иваныч, насколько я знаю, пошёл в ополчение ещё в четырнадцатом. Для бойцов он вроде как отец, но мог вставить по первое число, не глядя ни на возраст, ни на заслуги.

И вот Иваныч пристально рассматривал нас, и когда его взгляд остановился на мне, он рывкнул:

– Выпрямиться! Стоять! Смирно! Что ты согнулся, как рыболовный крюк?

– Крюк! А-ха-ха! – раздалось за его спиной, – А у нас сегодня переда-а-а-ча «Любовь с первого взгляда», и я – Борис Крю... Крюк!

Это загоготал рыжеволосый, словно персонаж из мультлика «Рыжий, рыжий, конопатый...», с большим ртом и губами, боец из местных с позывным Станина. Смеясь, можно сказать, на пустом месте, но при этом держась за живот и закатываясь, он пытался снова выговорить слово «Крюк», но у него получалось лишь «Крю... крю... крю...», как у молодого рыжего поросёнка, чем вызвал задорный смех у всех окружающих, в том числе и у нас. И только Иваныч с серьёзным, невозмутимым лицом повернулся к Станине и спокойно произнёс: «Тебе что, поплохело?.. Ты вообще спал?»

Станина действительно вернулся с передка после двух бессонных ночей и вместо того, чтобы отсыпаться, приехал на полигон к Иванычу, шатался здесь, словно пьяный от недосыпа, приставая к новеньким со своими дурацкими советами и подколами, при этом не забывая стрелять сигареты. «Ну-ка, марш в расположение спать! – заорал Иваныч на него. – Отбой!» И уже через секунду Станина мчался в сторону распутицы, откидывая от подошв своих сапог большие куски чёрной земли. После этой дурацкой сцены за мной закрепился позывной Крюк, с которым ко мне обращались отныне все вокруг и который останется со мной на всю жизнь, до самой смерти.

Странно, на «гражданке» у меня было много кличек, которые мы называли «погоняла». Звали меня и Тощий, и Мешок, и Кощей, но вот здесь тебе даётся последняя твоя кличка, вернее, имя или, скорее, позывной, который точно будет описывать тебя и твою сущность. Это как люди, идущие в монахи, отрекаются от старого имени и берут себе новое, которое раз и навсегда меняет их судьбу.

Словно окончив просмотр второй серии, я вновь проснулся. Что-то вокруг было не так. Сначала мне показалось, что я оглох, но, немного придя в себя, понял, – это кончился дождь, проклятый и благословенный дождь! Проклятый, потому что шёл целый день и превратил всё вокруг в нашем лесу в кашу, а благословенный, потому что он на день отсрочил мой поход на передок, на первую мою боевую задачу.

При мыслях об этом у меня невольно затряслись руки, а в голове опять закрутился вопрос: «Что я здесь делаю? Пацаны вон здесь почти все местные, они свою землю защищают, свои дома, семьи, а я? Я даже в армии не служил – отмазался. И вот теперь здесь, приехал искать отца... идиот! Где? Как? Завтра я, скорее всего, не вернусь. Даже сюда доносится, как там шмаляют без умолку, та-та-та-та...»

От переживаний у меня скрутило живот. Но вылезать из-под тёплого бушлата и идти в мокрые и холодные кусты я не захотел. Живот пару раз болезненно пробурчал, но начал успокаиваться. Стараясь отвлечься от дурных мыслей, я вспомнил Алёнку и нашу с ней единственную ночь. Нет, она не была королевой красоты, походила на маленький овальный воздушный шарик. Не очень высокая, с полноватыми руками и ногами, но обаятельным личиком, на котором были обворожительные ямочки и пухлые губки, как у Джоли. А под аккуратными дугами-бровками блестели тёмно-карие глазища, и всё это накрывали шикарные, густые, но мягкие чёрные волосы ниже плеч! Э-э-эх, дурак! Я так по ней скучаю, по моей озорной толстушке-хохотушке... Всё! Хочу домой! Покуролесил – и хватит, надо сваливать! Лучше позорно бежать, чем лежать с кишками наружу в кустах... Я было дёрнулся, но, откинув бушлат, почувствовал холод снаружи и тут же натянул его на себя... Не, неохота, не побегу.

– Крюк! – услышал я снаружи. – Крюк, ты где?

– Здесь! – пересохшим горлом прохрипел я.

– Бегом к Иванычу!

– Иду... – буркнул я и стал выбираться из-под родного бушлата.

Вот и мой час пришёл! Надо запомнить эту дату – седьмое июля двадцать второго года.

Я знал, зачем меня вызвали, потому что с утра ждал, когда закончится дождь, и меня отправят «в путь». В блиндаже у Иваныча было очень тепло. С потолка ничего не капало, а на полатах лежали матрасы. Всё-таки это был офицерский блиндаж. Я попал сюда в первый раз и сразу начал оглядываться, как подросток на диком пляже – всё было интересно! Но вокруг были лишь голые деревянные стены, обшитые OSB-листами, изредка в углах украшенные небольшими плакатами и маленькими фотокарточками, разглядеть которые я и пытался...

– Крюк! Крюк, ты меня понял? – вдруг вывел меня из прострации Иваныч.

– Так точно! – отрапортовал я.

– Повтори!

– Завтра в пять ноль-ноль в группе Станины выдвигаемся в район Красного для наблюдения и подтверждения позиций немцев.

– Хорошо. У тебя как со зрением, всё нормально?

– Так точно! – заорал я.

– А со слухом?

– И со слухом всё в порядке! – снова заорал я.

– Не ори! А то у меня уже со слухом не всё в порядке... – пробурчал Иваныч и, повернув голову к Станине, добавил: – Может, этот сухостой и приживётся в твоей группе.

На что Станина тут же парировал:

– Сухостой с «зелёнкой» плохо сливаться будет, – и тут же загоготал. А потом, как-то вдруг резко успокоившись, грустно добавил: – Главное в разведке не зрение и слух, а чтобы масло в башке было...

В «масле моей башки» тут же закипело: «В разведке... блин, в РАЗВЕДКЕ!.. Во я, блин, попал, ну теперь мне точно конец!» До этой секунды ещё была надежда, что отсижусь в тылу, где-нибудь на кухне или на посылках – «принеси, подай, иди лесом, не мешай». Но теперь стало ясно – обломись, Мишаня, твоё дело – труба!

– Дай ему нормальную одежду и броник, – приказал Иваныч Станине. – А то ходит как кошка облезлый, в рванье. Всё, свободны!

Мы ударили кончиками пальцев правой руки по виску и вышли из блиндажа. Станина направился в сторону хозблока, если можно было так назвать землянку, в которой располагался временный склад. Я послушно побрёл за ним. Здесь вообще всё было временно – склад, казармы, штаб, лес. Всё было собрано на скорую руку, кое-как замаскировано, и никто не обращал внимания на трудности в виде капель с потолка или чадящую буржуйку. Нас закинули сюда всего лишь четыре дня назад, но мы знали, что скоро опять пойдём вперёд, а здесь всё бросим на разграбление местным.

– Ты меня слышишь? – остановившись и развернувшись ко мне, заорал прямо в лицо Станина.

– Что? – переспросил я.

– Я тебя спрашиваю, автомат у тебя нормальный, осечек не даёт?

– Нормальный, не даёт... – ответил, всё ещё находясь в околосонном состоянии.

Немного спустя мы зашли в «хозблок», и Станина, обращаясь к Вещевнику голосом старого гнусавого переводчика, процитировал фильм «Люди в чёрном»:

– Выдай-ка парню последний в его жизни чёрный костюм! – и, протянув ему руку, добавил: – Привет, братишка!

– Привет, братское сердце! – ответил тот.

Мне выдали зелёную полевую форму с защитными жёлтыми кляксами, броник, который оказался не таким уж тяжёлым, как я думал, и каску из жестянки образца 1941 года, но обтянутую тканью.

– А можно мне нормальную каску? – спросил я.

– Можно! – кивнул Вещевик. – Разрешаю! – и тут же они со Станиной раскатились громким гоготом над моим требованием.

– В бою добудешь и будешь носить... – смеялся Станина, при этом сам одетый по последнему слову солдатской моды. – Подшлемник есть? Нет? Дай ему!

И Вещевик бросил мне ещё чёрную вязаную шапочку лыжника, балаклаву: – Давай, мерь и расписывайся!

Переодевшись, получив дополнительно два рожка к автомату, кем-то любезно заряженных, и расписавшись в журнале, я побрёл в свой блиндаж. Поставив будильник на своих наручных электронных часах на три, завалился на полати и стал пытаться заснуть.

Спустя час ёрзаний понял, что уснуть сегодня не смогу. Отчасти это было связано с моим волнением, трясущимися руками и поющим сере-

нады животом, а отчасти от того храпа и сопения, которые издавали мои сослуживцы. Глаза слезились и чесались, словно в них насыпали песок, я их тёр, всё сильнее и сильнее надавливая кулаками, от чего они ещё больше начинали слезиться. Точно такое же состояние у меня было на первой сессии, перед экзаменами в институте. Тогда я учил до полуночи, а затем ложился спать, но вместо этого ворочался до утра и засыпал лишь за полчаса до будильника... Морфей опять играл со мной злую и предательскую шутку!

Закрыв глаза, решил немного успокоить своё дыхание и бешеное биеение сердца. Для этого стал глубоко и медленно дышать. Это помогло, я чуть успокоился, но в голову сами собой начали приходить мысли и почему-то складываться в письмо к маме:

«Здравствуй, мамочка!

Пишет тебе твой сын Мишка. Ты, наверное, меня потеряла? Не беспокойся, у меня всё в порядке, я нашёл хорошую работу и переехал в другой город. Писать отсюда неудобно, поэтому часто писать не смогу. Но не бойся, у меня всё хорошо, начальство меня ценит...»

Пи-пи-пи... запикал будильник в часах. Да как так-то?! Я только заснул... Блин!..

Пора вставать. У меня не выходило из головы письмо маме. Вот конченный урод! Она реально уже месяц не знает, где я... и где отец. Она вообще ещё живая там или нет? Раньше как-то некогда было думать о ней, о доме, постоянные круглосуточные тренировки, учения. Не бойся, мамочка, завтра вернусь с задания и обязательно тебе напишу. Теперь-то я точно вернусь с задания!

Быстро оделся и выскочил из блиндажа. На улице уже светало, у меня был час, чтобы подготовиться к выдвижению, и я по-солдатски быстро стал принимать утренние процедуры.

Полпятого. Мы впятером сидели за сколоченным дощатым столом и швыркали горячим чаем. Рядом сидели трое незнакомых, крепких, коренастых парней в современной военной «одежде», чуть похуже, чем у Станины, но в сто раз лучше, чем у меня. Причём все в НАТОвских шлемах, а на форме были не жёлтые кляксы, а какие-то мелкие разноцветные квадратики и прямоугольники, как в старой компьютерной игре.

Станина первый допил чай и повернулся ко мне.

– Значит, так. Это Серый, Топаз и Адлер. Запомнил?

Я кивнул головой. Станина продолжал:

– Ты за лентой первый раз. В строю идёшь четвёртым, чтобы перед и зад у тебя были прикрыты. Никуда не лезешь, ничего не трогаешь, не балаболишь, не чихаешь! Только смотришь, делаешь как все, чётко выполняешь приказы и запоминаешь. Слышишь «Воздух!» – падаешь, «Граната!» – прыгаешь в сторону и падаешь, «Замри!» – замираешь и смотришь по сторонам. Ясно?

– Да, – ответил я.

– Не «Да», а «Так точно!» – заорал Станина.

– Так точно, – повторил я.

Я смотрел на Станину с открытым ртом и широко открытыми глазами. Здесь не было уже рыжего, вечно улыбающегося двадцатитрёхлетнего пацана. Это был дядя, мужик, командир! И при этом я чувствовал силу и спокойствие, чувствовал себя в безопасности, потому что видел – он знает, что делает!

– Проверяем шмотки, чтобы ничего не шумело и не брякало, берцы не тёрли, ремни были затянуты...

В пять ноль-ноль за нами прикатил узик-таблетка. Мы дружно и молча нырнули внутрь. Машина довезла нас до края леса, выгрузила и сорвалась обратно. Впереди было заросшее поле с высокой, чуть ли не выше моего роста, травой. Раньше, вероятно, на нём выращивали пшеницу или ещё какую-то культуру, а теперь здесь были лишь мины и бурьян...

Станина повернулся к нам и вполголоса скомандовал:

– Прямо двигаем по тропе два километра, дистанция десять метров, держим друг друга визуально, особенно этого чудика, – и кивнул на меня. – Я первый, Адлер – замыкает...

Я ни капельки не обиделся на «чудика», и мы рысцой, в определённом порядке пустились по тропе. Примерно через два километра показалась окраина села Красное. Мы остановились, тяжело дыша, и Станина опять вполголоса скомандовал: «За мной!»

Резко свернув влево, в кусты, он повёл нас к Красному. Теперь я понял, почему меня месяц учили ходить в наклон на полусогнутых ногах. Нас не было видно ни с одной стороны, при этом я прекрасно видел, что у меня под ногами. Так пять «орангутангов» дошли почти до села. Станина дал сигнал «Пригнись!», и мы дружно упали на одно колено. Он оглядел всю местность в бинокль и, повернувшись к нам, зашептал:

– Впереди на окраине стоят разбитые гаражи, за ними трёхэтажка, дальше низина, не видно. Проверяем трёхэтажку. Если повезёт – занимаем, если нет – обходим. Сейчас идём к гаражам... За мной!

Мы послушно, куриным шагом, направились вперёд. Шли аккуратно, тщательно разглядывая каждый сантиметр, нередко переступая через неразорвавшиеся противопехотные мины «Лепестки». Чем дальше мы шли, тем ниже и ниже припадали к земле. К гаражам мы приблизились чуть ли не ползком.

Гаражи были кирпичные, построенные одним блоком из десятка боксов, расположенных воротами к трёхэтажке. В одном из них, примерно третьем от края, зияла большая дыра. Станина, вскинув автомат, осторожно пошёл вдоль стены к ней. Добравшись, быстро заглянул внутрь, затем убрал автомат назад и что-то достал из кармана. Снова, но на этот раз медленно и аккуратно высунулся в дыру. По щелчку перекусываемой проволоки я понял: там была растяжка. Раздался ещё один щелчок, Станина замер на пару секунд, затем убрал инструмент обратно в карман, достал автомат и полез в дыру. За ним все остальные. На наше счастье, ворота гаража хоть и были покорёжены, но стояли на месте, поэтому нас снаружи видно не было, а нам в щели ворот было видно почти всё.

– Аккуратно! – зашептал Станина. – Здесь может быть всё заминировано!

Мы стали внимательно разглядывать всё вокруг.

Выстрел, пробивший стену, видимо, был по касательной из танка или какого-то орудия с нашей стороны, потому что этим же выстрелом пробило три перегородки в гаражах, а в четвёртом вынесло ворота – они через десяток метров воткнулись в детскую песочницу. Их отчётливо было видно в щель ворот «нашего» гаража, так же, как и трёхэтажку. Окон в ней уже не было, на стенах кое-где виднелись следы от пуль и осколков: какие-то поменьше, другие побольше. Безжизненное здание во дворе окружали лишь брошенные жильцами вещи. Убегали, видимо, в большой спешке. Здесь валялись платья, огромные мужские трусы, трёхколёсный детский велосипед и пластмассовое ведёрко рядом с песочницей, из которой торчали те самые добротные, из толстеного железа гаражные ворота. О мирной жизни напоминала лишь небольшая собака, мирно спящая на солнышке под электрическим столбом с оборванными проводами.

Я услышал слева шум падающих камешков и резко повернулся к перегородке, вскинув автомат. Это был Станина, пролезавший сквозь дыру из соседнего гаража. Странно, я даже не слышал, как он пролезал туда, вот же тигр! Адлер рукой опустил дуло моего автомата:

– Тихо! Свои!

– В тех гаражах чисто, – отряхиваясь, прошептал Станина, – снял ещё две растяжки. Ленивые паскуды... А у вас здесь что?

– Вроде, никого нет, – зашептал я, – кругом тишина.

Ребята улыбнулись.

– А ты думал, что они тут с оркестром ходить будут? – ответил мне шёпотом Топаз и, повернувшись к Станине, продолжил: – Справа от нас у трёхэтажки, судя по всему, БТР стоял, следы свежие, и от пехоты следов немерено, как табун пронёсся. Я думаю, вчера мародёрили или сваливали куда-то. Вообще, если они бросили эту трёхэтажку, то либо дебилы, либо вообще ушли из Красного.

Станина подошёл к воротам и стал всматриваться в щель.

– Да-а-а, чё-то вчера они тут копошились... Эх, за трёхэтажку бы взглянуть...

– Так пошли... – начал было я и тут же услышал, как парни прыснули, но сдержали смех.

– Прямо в лоб? – шёпотом переспросил Станина. – Днём? Да, поди, ещё с криком «Ура»?.. Давай, вперёд, только нам дай отойти, – улыбаясь, закончил он.

Потом повернулся к Адлеру:

– Вон справа кусты, крапивка с мой рост, пидемо через ней, а там поглядимся шо е...

Я нахмурил брови, но парни вокруг знали, что Станина начинал употреблять украинскую речь перед встречей с врагом или когда в воздухе начинала витать опасность. Видимо, так он реагировал на выброс адреналина.

– Через крапивку?.. Стэн, а може до темна посидимо, побдим? – зашептал Серый, но это было больше в шутку, потому что все знали: вопрос идти через крапиву Станиной уже решён.

Все, в том числе и я, двинулись к «выходу», но Станина меня остановил:

– А ты куда? Остаёшься здесь, наблюдаешь и прикрываешь нас.

– Понял, Стэн! – ответил я.

Станина закатил глаза:

– Ещё раз меня Стэном назовёшь, получишь в рог! Так меня называть могут только свои... А ты ещё зелёный... Давай, смотри в оба, – прошептал он, щёлкнул по моей жестяной каске и полез в дыру.

«Зелёный?.. – обиженно подумал я. – Я ж тебя на пять лет старше...» Но в дискуссию с самим собой вступать не стал, а вместо этого прильнул к воротам и стал наблюдать.

В окнах впередистоящей трёхэтажки движений никаких не было, даже птицы облетали её стороной. Через десять минут мне наскучило разглядывать, и я решил посмотреть, как там Станина с пацанами. Заглянул в одну щель, в другую, но кустов с крапивой справа не было видно. Тогда я решил перелезть в соседний гараж, видимо, оттуда Станина срисовал эти кусты. Но в соседнем гараже ворота были наглухо закрыты, и никаких щелей в них не оказалось. Полез дальше, попутно разглядывая покрытые сажей и пылью верстаки, тисы и всякие инструменты, которые слезливо напомнили мне о мирной жизни. Особенно подростковый велосипед, видимо, упавший со стены после прилёта снаряда. Я таких велосипедов давно не видел – с «бардачком» и катафотами. Как в моём детстве! Только этот окрасился в чёрный цвет от сажи, но с читаемым гордым названием на раме – «Уралец». Тихонько переступая через разные предметы, незаметно для себя добрался до гаража с вынесенными воротами. В нём было очень светло, несмотря на чёрные, обугленные стены. Солнце заливало его светом через образовавшуюся на улице брешь, и я увидел, что мои руки и вся одежда совершенно чёрные. В голову мне пришла мысль о том, что сейчас надо будет выглянуть за угол проёма бывших ворот, и, чтобы меня не было заметно, провёл пальцами по лицу, нарисовав чёрные полосы. Теперь я как «коммандос» из старого видеофильма! И автомат у меня есть! Да, братва, я крут!!!

Неожиданный лай собаки вернул меня в реальность. Блин, походу Станина спалился, и собака, почуяв парней, сейчас их выдаст. Надо было что-то делать! Я аккуратно выглянул из-за угла и увидел те самые «крапивные» кусты и ту самую собаку. На моё удивление, она лаяла не на кусты, а на вход в дом. Я выдохнул. Наверное, какая-нибудь кошка забежала в подъезд, вот собака и надрывается.

А в кустах всё было ровно, никаких шевелений или движений. Немного расслабившись, стал разглядывать гараж и среди покрытых чернотой предметов, у противоположной стенки, увидел чистенькую, ярко-красную, новую, запечатанную пачку сигарет. Сам я давно не курю, но подгон для Станины или Иваныча будет знатный. Не раздумывая, без всякой задней мысли, пока собака отвлечена лаем на какого-то бешеного кота, я зашагал за сигаретами и тут же запнулся о кусок кирпичной кладки, чуть не упав со всего маху на пол. В глазах у меня потемнело, в ушах загудел металлический звон, и я почему-то стал задыхаться от боли в горле, как будто после удара по кадыку. Немного похрипев, я всё-таки снова смог вдохнуть. Тьма в глазах рассеялась, но вокруг были то ли туман, то ли пыль. Вдохнув второй раз, я понял, что это пыль отлетающей от стены

над моей головой штукатурки и падающей мне, стоящему почему-то на четвереньках, прямо на спину.

Инстинкт самосохранения кричал в моей голове: «Ползи!» Я не стал ему перечить и быстрым рывком прополз вперёд и, завалившись, спрятался за остатки кирпичного косяка гаража. Немного отдышавшись, резкими движениями стал бить себя по ногам – на месте, по рукам – на месте, между ног – вроде на месте. Значит, это не мина!

Где-то за гаражом раздавался громкий металлический звон, как будто кузнец лупит кувалдой по наковальне, быстро-быстро, как дятел по дереву. Я захотел заткнуть уши и понял, что на голове отсутствует моя каска, а вместо неё по лбу стекает, что-то тёплое и липкое – кровь. Взглянув в сторону, сквозь пыль увидел свою каску с двумя дырочками в верхней части – входное и выходное отверстие, видимо, от пули. Звон снаружи вдруг резко прекратился, оставшись только сплошным гулом в моих ушах. Схватился за голову – неужели прострелена... нет, пуля прошла сверху, по касательной, оставив только кровавую борозду среди волос.

Подавшись немного вперёд и протянув руку, схватил свою каску. Теперь я понял, почему у меня болело горло. Наверняка спалился, и кто-то открыл огонь из трёхэтажки из какого-то «громкого» оружия, наверное, пулемёта. И он бы точно снёс мне голову, если бы я не зашнулся и не упал. Пуля, видимо, угодив в каску, сорвала её с меня, разорвав на горле крепкий кожаный ремешок! Гул в ушах постепенно утих, и я услышал, как настойчиво, без перерыва, всё ещё лает собака. Всё-таки она лаяла не на кошку, а я... дурак...

Сейчас тот вражеский боец перезарядит оружие и пойдёт ко мне, чтобы добить, либо закидает гранатами, либо и то, и другое. Собака резко замолчала, и я услышал тихие, крадущиеся, хрустящие штукатуркой шаги. Что делать? Притвориться мёртвым? Добьёт! Открыть огонь? Автомат лежит подо мной, начну вытаскивать – услышит, закидает гранатами. Что делать?

Мандраж на секунду овладел мною, и я уже готов был поднять руки и начинать выползать с криком «Я сдаюсь!», но, собравшись, мысленно вдарил себе по щекам и выматерился.

Повернув голову в сторону, увидел ту самую красную пачку сигарет. В голове, как пуля, промелькнула мысль: «Эх, сейчас бы курнуть...» Поняв, что у меня нет ни спичек, ни зажигалки, да и не время, быстрым движением руки засунул пачку в карман. Оглянувшись вокруг, поймал себя на мысли, что эта пачка помогла мне успокоиться, отвлечься, и, когда тянулся за ней, то незаметно для себя перевернулся. Автомат теперь был сверху, на мне. «Не-е-ет, я ещё покувыркаюсь!»

Я выглянул из-за кирпичей и увидел, что плотно-преплотно, от первого до второго этажа трёхэтажки меня прикрывают те самые добротные ворота! И тот пентюх, что стрелял по мне, попадал именно по ним, отсюда и тот адский металлический звон. Пули рикошетом от ворот летели вверх, в стену, обрушивая на меня килограммы штукатурки. Скорее всего, он тоже новичок, не догадался подняться на верхний этаж, хотя я бы тоже не пошёл наверх: если начнётся шухер, оттуда сваливать downhill. Но всё-таки первый выстрел был в меня! Чётко в голову! Господи, я

сейчас бы уже мог лежать жмуриком, если бы не был таким кривозадым и не запнулся о кирпичи! Господи, прости меня, обещаю, если вернусь живой, то пойду в церковь и поставлю свечку, да чё там свечку – я покрещусь... так я вроде крещёный... я ещё раз покрещусь, Господи!..

Звон в ушах окончательно утих, и я отчётливо стал слышать хруст шагов по штукатурке. Наверное, вражина шёл либо ко мне, либо поднимался на третий этаж. Стоп! Шаги не от трёхэтажки, а сбоку, из гаражей. В проёме я увидел своих ребят. От радости я непроизвольно икнул, но Топаз мне показал свой кулачище и поднёс палец к губам. Я представляю, какая довольная-предовольная тощая рожа предстала пред их глазами! Да, я был счастлив видеть своих парней!

В проёме показался Станина, он на секунду выглянул из-за косяка наружу, чтобы оценить обстановку, и начал показывать мне знаки руками, по которым я понял, что мне нужно убрать свою дебильную улыбку с лица, собраться и быть готовым по команде, как таракану, бежать на четвереньках к ним. А ещё один из жестов обозначал, что я конченный ушлёпок! Станина, братик... согласен.

Ребята о чём-то пошептались, затем Адлер и Серый достали гранаты, выдернули чеку, и Станина пальцами стал показывать мне обратный отсчёт. «Три» – ребята бросили гранаты наружу в кучу со строительным мусором перед воротами в песочнице, «два» – тишина, опять тишина... взрывы, поднявшие стену пыли перед гаражами, «один»... Я пополз, точнее, побежал на четвереньках. Мне кажется, через долю секунды я уже перелазил в кирпичный лаз, где меня за шиворот и за штаны схватили парни и быстрым рывком перетасили в соседний гараж.

– Всё, ходу! – заорал Станина.

– Что? – переспросил я.

– Ходу, долбаный Рэмбо, ходу, за мной бегом!

Бойцы побежали к выходу, как на соревнованиях по бегу с препятствиями, и я тоже. Через пять секунд мы были снаружи и рванули по дорожке. Впереди нас с громким, противным лаем неслась та самая, неизвестно откуда взявшаяся собачушка. Метров через пятьдесят впереди вдруг раздался оглушительный взрыв. Мы упали. На дороге, по всей видимости, были растяжки. Сзади, из Красного, забахали глухие выходы из миномётов.

– Вперёд! Бего-о-ом! – заорал Станина.

– Куда? Там растяжки! – закричал Топаз.

– А сзади мины! Бего-о-ом, вперёд!

Мы быстро поднялись, я попытался отряхнуться, но, получив от Топаза удар кулаком в спину, помчался вместе со всеми вперёд. Сверху загудело.

– Мины! – заорал Станина.

Парни упали, вслед за ними и я. Бах! Бах! Бах! Оглушающе прогремело метрах в тридцати от нас.

– Слава Богу, не «польки»! – вполголоса произнёс Адлер.

– Вперёд! – опять заорал Станина.

Мы поднялись и помчались вперёд. Секунд через пять опять гул в небе, падаем уже без команды. Слышу, метрах в двадцати сзади – Бах! Бах! Через две секунды – ещё. Осколки с верещанием подлетают к нам, впиваясь в землю. Понимаем, что работают три миномёта.

– Твари ленивые, хорошо хоть больше растяжек не поставили... Вперёд! – слышу уже привычный вопль Станины.

Поднимаемся, несёмся что есть силы. Опять гул в небе. Падаем. Я с присущим мне везением врезаюсь мордой в землю. Щека загорелась болью и намокла от крови. Да и хрен с ним. Сбоку – Бах! Бах! Бах! Осколки верещат над головой. Топаз встаёт первым и... тут четвёртый – Бах! – в десяти метрах, слева. Над головой опять пролетели осколки, но в этот раз некоторые из них окончили свой полёт с глухими звуками – Тух! Тух! Топаз упал. Станина быстрым прыжком переместился к нему.

– Топаз, братик! Живой?

– Живой, командир.

– Повернись!.. Твою дивизию, нога хлещет...

Станина ловким движением достал из аптечки медицинский турникет и перетянул ногу Топазу. Затем, достав маркер и посмотрев на свои командирские часы, написал у того на лбу «06.15.», после чего быстро вколол ему обезбол.

– Серый, Адлер, ко мне!

Те послушно подползли.

– Вроде всё? Угомонились петушки! Берите Топаза. Я впереди, а ты, долбаный Крюк, замыкаешь... И вырасти на своей заднице глаза, не дай Бог кто-то нам стрельнёт в спину, загашу вместе с тобой!

Я кивнул. Ребята подхватили Топаза и зашагали вперёд за Станиной, вначале все втроем, прихрамывая и побряхтывая, но потом всё быстрее и быстрее, видимо, обезбол начал действовать на Топаза.

Через час мы добрались до леса, где нас уже ждала «таблетка», выванная Станиной по рации. Слава Богу, никто больше в нас не стрелял! Парни с Топазом загрузились в машину, а Станина подошёл ко мне и пристально уставился в мои глаза. Я виновато смотрел на него.

– Залазь, бегом! – закричал Станина.

Я на ощупь дополз до машины и залез внутрь.

Мы стояли в офицерском блиндаже перед Иванычем. Тот сидел за столом и курил, нервно стряхивая пепел в обрезок с водой от полторашки.

– Что с лицом? – спокойным голосом обратился он ко мне.

– Упал, – так же спокойно, потупив взгляд в пол, ответил я.

– Рассказывай, – на этот раз обратился Иваныч к Станине.

– В Красное зайти не смогли, – начал тот, – на подходе были обнаружены и атакованы миномётами... один... Топаз – триста. Там есть трёхэтажка на окраине, почему-то они её бросили, оставив какого-то одного лопуха. Скорее всего, заминирована. Можно поползать, посмотреть, если получится... хотя там мы и огребли, могут ждать!..

– Где? – невозмутимо продолжал Иваныч.

Станина подошёл к столу и на карте показал пальцем расположение объекта.

– А ты нахрена попёрся туда, куда не просят? – повернулся Иваныч уже ко мне.

– Я хотел вам сигареты достать, – пробубнил я.

– Что-о-о? Какие сигареты?

– Вот эти, – ответил я и, достав из кармана красную пачку, подал её Иванычу.

Тот взял. Затем оценил вес пачки рукой, видимо, соображая, что это не взрывчатка, открыл слюду упаковки и поднёс пачку к носу. После этого он быстрым движением рук открыл буржуйку и бросил пачку в неё.

– Дебил! – глядя на меня, пробормотал он.

По блиндажу потянулся запах горящего навоза.

– Да они что, уже сами туда гадят? – воскликнул Иваныч. – Все наружу!

Бойцы дружно и громко загоготали и послушно выбежали.

– Что это было? – спросил я у Адлера.

– Дерьмитная шашка! – продолжал гоготать Адлер. – Вэсэушники специально подкидывают на видное место такие пачки, а потом глушат любопытных и жадных. А табак из сигарет вытаскивают и набивают их коровьим навозом для смеха.

Я посмотрел на него и возразил:

– Я не жадный, вообще не курю. Я для Иваныча или для Станины! Откуда я мог знать...

– Ладно, иди отдыхай, нежадный, – сказал Адлер и толкнул меня в плечо в сторону располаг. Сам развернулся и пошёл к Станине.

Доплеться до места, я залез под свой бушлат. Хотя время было ещё к полудню, решил – лучше лягу спать, ну, или притворюсь, что сплю, чтобы не попадаться на глаза Станине. Уснуть у меня, естественно, не получилось. Тем более через десять минут ко мне подошёл Серый и начал на своей мове дёргать меня за нервы:

– Ну що, хлопець, не спиться? Ти не переживай, всяке буваэ. Не думай, ти ж перший раз там був!

Я отвернулся к стене.

– Даремно. Нам треба всим разом триматися. А на Станину не ображайся, вин не зи зла, просто вин за нас всих видповидаэ.

Я повернулся к Серому:

– Чего тебе надо? Я ни хрена тебя не понимаю! Я вообще здесь ни хрена не понимаю! Не понимаю даже, чего я здесь делаю!..

– А навищо ти сюди приихав?

– Отца найти хотел.

– Батька?

– Да.

– Вин тут?

– Он пропал без вести полтора месяца назад.

– Тут?

– Не знаю.

– Ну ось бачиш, а говориш не знаэш що тут робиш!

– Да где я его найду?..

– Де небудь та знайдеш!

- Как Топаз?
- Всё добре, ничего страшного. Скоро повернётся!
- Я молчал, не зная, что ещё сказать...
- Слушай, у тебя ручка с листочком есть?
- Буты.
- Принеси, пожалуйста, хочу письмо маме написать.
- Ось це добре... Зараз.

Он встал и не спеша выдвинулся за бумагой и ручкой. Местные вообще здесь всё делают не спеша. Как улитки, еле живые! Видно, жара на них так действует.

Вскоре, ну, как вскоре, через час он принёс мне ручку, листок и конверт. Дав какие-то напутствия опять на своей мове, он наконец-то удалился, и я смог уединиться, чтобы написать обещанное письмо.

Вот уже час я сидел перед пустым листом бумаги и всё никак не мог решить, что мне написать маме. Выбор стоял между двумя вариантами – написать правду, как есть, или пожалеть её нервы и написать, что уехал на вахту. Меня так даже вчера не трясло перед заданием, как сейчас! Моя душа металась: горькая правда или сладкая, успокаивающая ложь? Я уже чуть было не дошёл до «орла и решки», но бросать монету на судьбу матери – это чересчур. Конечно, можно сказать, что я на вахте, всё прекрасно, но одна ложь потянет за собой другую, а если со мной что-то случится, то это убьёт её без шансов. Если напишу, что уехал на СВО, то это тоже может убить её, хотя не факт – она же пережила побег отца. Зато дальше можно будет общаться с ней, не боясь проколоться во лжи, да и вообще каждое моё сообщение будет для неё в радость. Нет, а если сердце не выдержит? Господи, да что же мне делать? Кстати, я же ещё обещал Богу сходить в церковь! Да где ты тут церковь-то найдёшь? Ладно, это потом. А сейчас письмо... Письмо! В мучительных раздумьях я решил прогуляться.

На улице стояла просто изумительная погода, светило солнышко, но не было жарко, а вокруг испарялся вчерашний дождь. Воздух свежий, пахло почему-то скошенной травой, свежеспиленным деревом и грибами. Благодать! И этого всего я мог лишиться уже сегодня утром. Сейчас даже трава кажется зеленее, небо голубее. А впереди у меня ещё долгий путь, я думаю, очень долгий путь! Жизнь, я люблю тебя, да чего там люблю, просто обожаю! Прогулявшись, зашёл обратно в блиндаж и сел строчить письмо, как машинистка, не отрываясь от листа. Я сделал выбор!

Подписав конверт с письмом, понёс его к Иванычу. Как ни старался, но по дороге всё равно наткнулся на Станину. Он сидел на чурбаке и курил.

– Стой, – окликнул он меня. Я остановился перед ним, как школьник с картины «Опять двойка». – Ты извини, я погорячился.

– Да я и не обижаюсь. Ты прав. Я нарушил приказ, подставил тебя, Топаза, за это вообще под трибунал положено.

– Правильно понимаешь. А раз понимаешь, значит, не всё потеряно, масло в башке есть, – улыбнулся Станина и протянул мне руку, – останешься в нашей группе?

– А можно я буду звать тебя Стэном?
– А может и нет в этом котелке масла...
– Да ладно, я пошутил!
– В нашем отряде только я могу отпускать несмешные шутки. Вот первого немца убьёшь, там и посмотрим.
– Понял, товарищ командир, – взяв за руку Станину, отрапортовал я.
– А что у тебя за история с отцом?
– А-а-а, Серый уже рассказал...
– А у нас с пацанами секретов друг от друга нет.
Я поведал Станине свою историю. Тот взял все данные отца, пообещал по возможности помочь и удалился, уже издали крикнув:
– Только мне такие сигареты, как Иванычу, никогда не приноси, – и привычно загоготал.
Я улыбнулся, кивнул в ответ и направился к Иванычу отдать письмо. Тот встретил меня в своём блиндаже с хмурым, серьёзным лицом. Оторвавшись от карты, он молча забрал у меня конверт, бросил его на полку и снова склонился над картой. Я вполголоса спросил:
– Разрешите идти?
– Подожди, – остановил Иваныч. – Ты около трёхэтажки кого-то видел? Сколько бойцов было?
– Судя по количеству выстрелов, внутри был один «зелёный», лупил в мою сторону, не глядя... правда, один раз попал, чётко в голову, наверное, случайно.
– Случайно... – пробормотал Иваныч. – Да! Ты в санчасти был?
– Да нет, кого там, царапина...
– Я тебе дам «царапина», марш в медсанчасть!
– Есть, – ответил я и, развернувшись на месте, побрёл по указанному направлению.

Вечером, часов в шесть, Станина вызвал всех к себе. Он жил в блиндаже вместе с тремя сержантами. Зайдя внутрь, я онемел – он хоть и был меньше офицерской, но, если можно так выразиться, был упакован полностью, с евроремонтом. На полатах толстые матрасы, походные ортопедические, белое постельное бельё с шикарными подушками, стены оклеены обоями, которые, правда, невозможно было разглядеть из-за десятков приклеенных огромных плакатов и постеров с голыми дамами. Лишь у одной койки плакатов не было, а к стене была прикреплена маленькая ламинированная иконка с каким-то святым.

– Рядовой Крюк по вашему приказанию прибыл! – с нелепой улыбкой на лице, отрапортовал я, поднеся руку к виску.

– Проходи, бери табуретку, кружку, садись, – распорядился Станина.

Я сел, налил в кружку горячий чай из стоявшего на столе жёлтого чайника, взял шоколадную конфету из хрустальной вазочки. Обтерев руки об себя и сняв подшлемник, я уже было собрался пивнуть чай, как услышал раскатистое, трёхголосое, как лошадиное, ржание, да такое, что Адлер, тыча в меня пальцем, упал с табуретки... Я не мог понять, что происходит. Минут пять сидел молча, хлопая глазами, чем, видимо, вы-

зывал ещё более громкий смех, особенно Адлера, который, предприняв несколько попыток, так и не смог подняться с земли. Первым успокоился Станина, и то только потому, что начал уже икать.

– В мед...мед... в санчасти... ик... что ли, был? Уга-га-га... Ик...

– Да, – кивнул я. – И чё?

– Нахрена ты со своей царапиной... ик... туда попёрся? – продолжал гоготать Станина.

– Иваныч приказал, а чё? Я не понял!

Станина повернулся и, достав с полки небольшое зеркальце, подал мне. Я взглянул и тут же обомлел: мои волосы были зелёного цвета, они были просто залиты зелёнкой! Я слышал, что наши военмедики не очень любят, когда к ним обращаются по пустякам, и теперь до меня дошла фраза, произнесённая медбратом, который обрабатывал мне рану: «Ну всё, иди, ничего страшного, попка лягушачья!» Также понял, что Иваныч специально послал меня в санчасть – отомстить за пачку «ароматных» сигарет. Ну что ж, один – один. Ещё раз взглянул на свою причёску и тоже загоготал...

– Хорош... хорош ржать... всё! – начал успокаивать всех и прежде всего себя Станина. – Всё, тихо!

Все стали потихоньку замолкать. Адлер наконец-то поднялся с земли и сел на табурет. Станина продолжал:

– У меня для вас хорошая новость, мальчики и девочки... Сегодня ночью мы опять идём в Красное!

После минутной паузы первым не выдержал Серый:

– Що? Знову ми?

– Нет, блин, папа римский!

– А навищо?

– Затем, чтобы организовать наблюдательный пункт и определить точки входа в Красное.

– А-а-а...

– На-а!.. Это приказ! Вопросы только по существу!

– Как пойдём? С кем? Кто вместо Топаза? – спокойно и рассудительно, в отличие от эмоционального Серого, спросил Адлер.

– Я предлагаю идти опять через трёхэтажку. Это самая высокая точка, идём вчетвером, вместо Топаза пока никого не дали. Ещё вопросы есть? – коротко обрезал Станина.

Я решил, что коли мне тоже идти со всеми под пули, то я имею право голоса, такое же, как и все:

– Это верная смерть, там же тоже не дураки сидят и будут нас ждать. Но если больше никак, то тогда так... а чья это койка? – показывая на полаты с иконкой, решил спросить я.

– Да что вам далась эта койка, я не пойму?! – вспыхнул Станина. – Большого это койка, Большого! А насчёт того, что будут ждать, ясен пень – будут, но мы же об этом знаем, не пофартит – пойдём в обход!

– Так! Справжний херои, завжди идуть в обхид! – засмеялся Серый.

– Так! – улыбнувшись, поддержал его Станина. – В общем, если вопросов нет, то расход. Собираемся в четыре у меня. Сейчас всем на ужин и спать!

Охая и ахая, допивая чай, все поднялись и неспеша направились к выходу.

Четыре утра. Сидим на улице за столом так же, как вчера, пьём чай. Сегодня я выспался как никогда! Меня ничего не беспокоило и не тревожило, не было никакой дрожи в ногах, хотя думал, что второй выход за ленту будет более страшным, чем первый. Единственное, что засело у меня в голове, так это какое-то странное и непреодолимое желание взглянуть на бойца, позывной которого Большой. Не знаю почему и зачем, но надо. Это на уровне интуиции... Ну, что ж, сделаю это после возвращения с задания. Дальше по старой схеме: уазик-«таблетка», тропа, кусты. И мы опять крадёмся к гаражам. Только в этот раз в моей каске на голове две дырочки – входная и выходная.

Не доходя до гаражей, мы снова присели на колени. Станина спрятался за густой куст и стал пристально вглядываться в бинокль:

– Що робити, не знаю! Йти чи не йти... ось в чим вопрос. Де ви, собаки? Показитесь!

Минут десять он ещё глядел в сторону трёхэтажки, потом повернулся к нам и сказал:

– Я не знаю, що робити! Вроде никого не видать, але вони ж не зовсім дурни, вони нас там должны ждать.

– Так, що будемо робити, командир? – прошептал Серый.

– Будемо ждать! – принял соломоново решение Станина и опять начал разглядывать строения.

Минут тридцать Станина, Адлер и Серый по переменеке глядели в бинокль на трёхэтажку, но, насколько я понял, ничего там не увидели. Вдруг Станина с резким разворотом ко мне протянул бинокль:

– Ты же больше всех её видел вблизи, ну-ка посмотри, что изменилось или передвинулось, или не на своём месте...

Я взял бинокль и стал разглядывать трёхэтажную картинку. Гаражи, вроде, были такие же, как вчера, с дыркой в стене, ворот и песочницы отсюда видно не было, трёхэтажка стояла крышей вверх, без окон, и на этот раз без собаки. Птицы всё так же облетали её стороной. Но чувство, что там кто-то есть, не покидало никого из нас, причём я был уверен, что там сидит мой старый «зелёный» друг и, скорее всего, ждёт меня. Об этом я доложил Станине. Тот с какой-то обидой ответил мне:

– Чувствую, чувствую... Чё мне от твоих чувств... кто там сидит?

Но потом, взглянув на меня и схватив за голову, чуть ли не криком выпалил:

– Ну-ка иди сюда, дай свою башку!

И, осмотрев мою каску, заулыбался:

– Твою дивизию! Так это дырки от СВД, там снайпер сидит, а рукозатный его прикрывает! Это у них наблюдательный пункт! До гаражей они нас не срисовали, значит, нас не было видно.

– Ну и?... – оживился Адлер.

– Скорее всего, за вчера они всё переминировали, возможно, усилили прикрытие ещё одним, двумя бойцами, если было бы больше, то они уже спалились бы. В случае шума, скорее всего, есть ещё группа поддержки, которая прибежит на помощь или вообще в ноль снесёт эту трёхэтажку. У снайпера есть связь, по крайней мере с миномётчиками, которых он, походу, вчера и корректировал.

– Що будемо робити? – почему-то опять шёпотом произнёс Серый.
– Що, що! Йдемо до гаражив, дали через кропивку до будинку и в середину.

– Що? – тут уже не выдержал я. – В какую середину?

– В трёхэтажную! – с какой-то злостью ответил мне Станина. – Язык врага надо знать. Идём через крапиву и в здание! За мной!

Пройдя до гаражей, затем через заросли крапивы, двигаясь по одному шагу в минуту, сняв три новых растяжки и переступая через свежие «лягушки», мы добрались до боковой стены дома, где ещё вчера были следы БТР. Я понимал: раз мы ещё живы, значит, нас ещё никто не засёк.

У нас уже был режим тишины, и поэтому Станина знаками показал, что нас прикрывает Серый, а остальные идут в здание. Ещё раз оглядевшись вокруг и убедившись, что никого нет, мы быстрыми перебежками оказались у боковой стены, далее, зайдя за угол, начали забираться в разрушенный проём бывшего окна. Первый Адлер, потом Станина, потом я. Когда Станина затянул меня в окно, Адлер уже стоял у дверей «перевернутой» комнаты. Я сделал шаг и тут же захрустел битым стеклом под ногами. Парни, повернувшись ко мне, в бессилии только заскрипели зубами и показали мне по кулаку. Дальше я шёл след в след за Станиной, двигаясь тихо, как мышка, так, что слышал биение своего сердца. Мы вышли из квартиры и подошли к этажной лестнице. Адлер заглянул в открытые двери других трёх квартир и сделал знак, что всё чисто. Мы медленно, выставив вперёд автоматы, начали подниматься на второй этаж.

Двери всех четырёх квартир были открыты настежь. Адлер так же быстро и тихо заглянул в них – «чисто». Станина знаком показал мне, чтобы я остался здесь, на втором этаже, а сам вместе с Адлером начал красться вверх по лестнице на третий.

Вскоре я услышал наверху возню, кто-то кряхтел, кто-то мычал, слышался глухой топот ног, но через минуту всё затихло, и по лестнице потихоньку, но уже не таясь, спуускался Адлер, вытирая об рукав нож:

– Здание наше. Снайпера сняли. Проверь второй этаж, я – первый. Аккуратно – и не шуми!

Я на цыпочках, как балерина, стал осматривать квартиры. Кругом был разгром и бардак. Бытовой техники не было, из шкафов выглядывали только старые тряпки, кое-где в туалетах даже не было унитазов. Знатно здесь кто-то пошуровал! Обойдя три квартиры, я, уже расслабившись, зашёл в четвёртую. Оглядев пол на предмет растяжек и мин, направился в зал, который как раз выходил на гаражи. Зашёл в него чуть ли не присвистывая и приплясывая, но тут же окаменел... Сидя на стуле, но при этом развалившись на подоконнике и положив под голову руку, спал боец в камуфляжной одежде с повязкой из жёлтого скотча на рукаве.

Сердце моё забилося, я просто не мог сдвинуться с места... Мурашки пробежали по всему телу от головы до пят. Вот он, враг, живой, с автоматом, на расстоянии трёх метров, но спящий враг! Желает ли он мне смерти или нет – неизвестно. Может, он захочет сдаться? Тогда его надо

разбудить и спросить. А может, он мне вцепится в глотку и начнёт рвать её?.. Трясущейся рукою я потянулся к ножу и отщёлкнул ремешок. Руки не переставали трястись. Я понял, что не смогу это сделать. О! Надо позвать Адлера или Станину...

Но, придя в себя и тряхнув головой в дырявой каске, я выдохнул и, быстрым шагом подойдя к врагу, со всей силы ударил его. Враг вздрогнул, но остался лежать на подоконнике. Я закинул на себя стоявший у стенки его автомат и принялся завязывать пленному сзади руки найденным тут же в груди тряпок поясом от банного халата. В рот я ему сунул кляп из тряпки и перетянул полотенцем, заодно остановив сочившуюся на затылке кровь.

Ухватив «дружка» под мышки, я стащил его на пол. Меня всё ещё потрясывало, и я постоянно заглядывал ему в лицо, боясь, что он очнётся, а я буду не готов. Для пущей уверенности я привязал за спиной его согнутые ноги к связанным рукам и сел на пол, чтобы немного отдышаться и успокоиться. Вытирая пот со лба, услышал позади себя шаги и резко повернулся с автоматом к входной двери.

– Эу, эу, свои, – показав руки, вполголоса сказал Адлер. – Ни хрена себе, – заулыбался он, – поймал своего первого? Ты чё его разделал, как Бог черепаху?

– Адлер, братик, – запричитал я. – Я вообще не знаю, что с ним делать! Он сейчас очнётся, и мне надо будет его убить, а я не знаю как...

Адлер захрюкал, еле-еле сдерживая смех:

– Зачем убивать? Отвяжи ему ноги, он никуда не денется.

Я развязал узел между руками и ногами, и они громко плюхнулись на пол.

– Вы чё тут шумите? – услышал я сзади и опять резко с автоматом развернулся к входной двери.

Адлер тихонько рукой опустил ствол моего автомата:

– Тихо, тихо, свои. Ты, блин, когда-нибудь нас всех перестреляешь!

В дверях стоял Станина:

– Что за возня у вас?

– Да вот, Крючище своего первого языка взял, – улыбнулся ему Адлер, – теперь не знает, как его замочить...

– Кхе... – прыснул Станина. – Нахрена его мочить, рядовой?

– А что с ним делать? Он же сейчас очнётся!

– Балбес, приводи его в чувство и допроси! Только сначала утащи его в ванну, от окон подальше!

Я наконец-то окончательно взял себя в руки и, схватив «немца» за шиворот, потащил в ванную комнату. Там я подобрал с пола пластиковую бутылку с водой, видимо, принадлежащую этому же бойцу, и начал лить её прямо ему в лицо. Тот спустя секунды начал уворачиваться от струи, издавая мычание и стон. Наконец, он открыл глаза.

– Имя, звание, воинское подразделение? – заорал я.

Тут же в ванную вбежал Адлер:

– Ты чё орёшь?

– Да блин...

– Рот-то ему развяжи, он как отвечать будет?

Трясущимися руками я развязал ему рот. Волнение опять завладело мною. Если он сейчас закричит, то выдаст нас, и мне опять придётся принимать тяжёлое решение – убивать его или нет. Мой пленный тоже весь трясся от страха, глаза его бегали то на меня, то на выход. Я поднёс палец к губам и сказал:

– Тихо! Если будешь сотрудничать, останешься живой.

Он молча кивнул.

– Как твоё имя?

– Микола... Николай!

– Звание?

– Солдат... Рядовой!

– Подразделение?

– Тероборона...

– Какое задание выполнял здесь?

– Спостеригав, прикрывал тил...

– Что? Ты чё, собака, по-русски говорить разучился? Откуда сам? – замахнувшись кулаком, вспылил я.

– Тернопиль! – закричал мой пленный.

– Это что, Донбасс или западенцы?

– Тернополь! – чуть не плача, повторил Микола. И тут я увидел, как по его штанам потекла струя.

– Ладно-ладно, ты не бойся, мы не звери, всё скажешь, будешь жить! Азовец? – зачем-то спросил я.

– Ни, ни азовец, – опять затрясся пленный.

– Так какое задание выполнял здесь? – успокоившись и чувствуя полное превосходство и доминирование над допрашиваемым, которое оцепеняло и волновало, продолжал допрос я.

– Я наблюдал и стежив за сектором, – с трудом вспоминая русские слова, выдал Микола.

В ванную заглянул Станина:

– Что у вас тут за любовь? Долго ты ещё?

– Я не знаю? – ответил я. – Вроде, всё говорит.

– Подразделение? – глядя на меня спросил Станина.

– Тероборона, говорит.

Станина ухмыльнулся:

– Чешет, – и, повернувшись к пленному, спросил, – ты с нами или здесь останешься?

Тот выпучил на него глаза и простонал:

– Здесь...

– Ну тогда кончай его, пускай здесь остаётся! Всё, давай, уходим! – выпалил Станина и вышел из ванной комнаты.

На этот раз уже я выпучил глаза и сел на краешек ванной.

– Я с вами, с вами! – запричитал пленный.

– Тогда тихо! – поднеся указательный палец к губам, сказал я.

Микола пристально уставился на мою каску. Он внимательно и с тревогой разглядывал дырочки на ней.

– Развяжи мне руки, прошю! Я не втечу! – тоскливо заскулил он.

– Хорошо, – сжалился я.

Я развязал ему руки. Он встал и начал тереть запястья.

– Давай за мной! – приказал я и, повернувшись, стал выходить из ванной.

В эту же секунду я почувствовал жгучую боль в шее, которая опрокинула меня на пол. В глазах побежали круги, и я почувствовал, что кто-то пытается снять с меня автоматы. Если это произойдёт, то всем нам хана! Резким движением я перевернулся на спину и вцепился в оба автомата, как питбуль, не выпуская их из рук. Зрение медленно начало ко мне возвращаться, и я, как в тумане, увидел силуэт Микола, сидевшего верхом на мне. Усилием рук я направил ствол ему в голову. Он сопротивлялся и пытался надавить на мои руки, издавая при этом звериные хрипы и мычания. В мою голову пришло, что стрелять я не могу, так как подставляю остальных ребят. Быстро, на уровне инстинкта, отпустив автоматы, выхватил правой рукой нож...

Я в оцепенении сидел на полу и смотрел на него не в силах пошевелиться. Временами мне хотелось схватить его за шею, чтобы остановить кровь и спасти ему жизнь, но тут же приходило осознание своей беспомощности – я уже ничем не мог ему помочь...

«Микола, Микола... прости меня, брат...» – упал я в слезах, ударившись лбом об пол перед умирающим бойцом. Слезы покатились из моих глаз непрерывным потоком. «Прости меня, Микола! Я не хотел!..» – взвыл я на всю квартиру.

– Тихо, ты чё орёшь? – подбежал ко мне Адлер.

В это время Микола, последний раз вздрогнув, утомился раз и навсегда.

– Адлер, Адлер, брат, я убил его! – продолжал подвывать я.

– Угомонись... угомонись уже, хорош! Крюк, хорош... Здесь – или он тебя, или ты...

Не являясь профессором психологии, Адлер решил успокоить меня простым и доступным для него способом...

– Да не бей ты его по щекам! – где-то вдалеке услышал я голос Станины. – У него и так, походу, сотряс!

– Да какой сотряс, я так, легонько...

Полностью придя в себя, я тут же вывернулся наружу и услышал:

– Походу точно сотряс!

– Крюк, ты как? – вполголоса, на ухо, вопрошал меня Станина.

– Уйди!..

– Хорош, братан, хорош, давай, уходить надо! – опять на ухо говорил мне Станина и неожиданно вылил на меня бутылку прохладной воды. Вода смыла с лица чужую, уже запёкшуюся кровь, стягивавшую кожу. Открыв рот и прополоскав его, я выплюнул металлический вкус на пол. В голове шумело, как от тяжелейшего похмелья, всё ещё подташнивало, хотя уже было терпимо. Я пришёл в чувство.

– Вставай, братан, вставай, уходить надо! – шептал мне на ухо Станина, поднимая меня с Адлером под руки.

Они медленно вывели меня из квартиры и стали спускать по лестнице вниз.

– Тихо! – вдруг остановился Станина.

С улицы послышались вопли какого-то мартовского кота – «Мя-я-я-яу! Мя-я-я-яу!» Я ещё тогда не знал, но это был знак опасности, который натужно издавал Серый на улице.

Станина скинул с себя мою руку и громко зашептал:

– Так, всем приготовуватися до бою... Та прийди ти до тями вже, дурень!

Я, как учили меня на полигоне, снял автомат с предохранителя и передёрнул затвор, при этом продолжая искать фокус зрения.

Подталкиваемый сзади Адлером, я плёлся вперёд к выходу из окна в угловой квартире на первом этаже. Уже подойдя к окну и собираясь выскочить наружу, мы услышали выстрелы. Адлер припёр меня рукой к стене, а Станина, выглянув на улицу из проёма окна, быстрым движением выпрыгнул наружу. Тут же послышалась ещё одна стрелкотня, видимо, его. Каким-то отрезвляющим эффектом подействовал удар адреналина в голову:

– Адлер, я в порядке, пошли!

Адлер кивнул в ответ и тоже выскочил наружу. Послышалась новая стрелкотня. Я тоже резвым движением перепрыгнул через подоконник. Крепким хватом за шиворот Адлер вновь меня подтянул к стене.

Около угла стоял Станина и смотрел на нас. Адлер кивнул ему, я кивнул следом, показывая, что в порядке и готов к бою. Станина высунул автомат из-за угла и стал строчить из него. В это время Адлер ломанулся к кустам крапивы. Станина, выложив все патроны, прижал к себе автомат и через две секунды, поменяв рожок и передёрнув затвор, посмотрел на меня. Я кивнул, а он тут же, высунув из-за угла автомат, опять застрочил! Я что было сил рванул к кустам крапивы. Забежав в них, я споткнулся обо что-то большое и упал. Обернувшись, я увидел лежащего на земле Серого, тяжело дышащего и пускающего изо рта струйки крови.

– Серый, Серый! – зашептал я. – Братан, вставай, ты чё?

Он повернул ко мне голову, схватил меня за руку и, тяжело дыша, хотел мне что-то сказать, но вместо этого из его рта вылетали лишь брызги крови...

– Вставай, бегом, вставай! – наклонился ко мне Адлер.

Я подскочил.

– Поддерживай меня и Станину! – опять заорал Адлер и стал строчить из автомата в сторону Красного. Я увидел, как Станина рванул к нам. Адлер закончил рожок и повернулся ко мне, я кивнул и начал отрабатывать рожок из добытого автомата так же в сторону Красного. В это время Адлер и Станина, на секунду склонившись над Серым, схватили его за руки и потащили по крапивным зарослям.

Я доработал рожок. Тишина. Бросив чужой автомат, я достал свой и, пятясь назад, начал дальше работать в сторону Красного. В ответ слышал «бухи» с той стороны и свист пуль над своей головой. Крапива передо мной падала, подкошенная моими выстрелами, раскрывая меня по пояс.

– Заткнись и ко мне! – заорал Станина.

Я перестал стрелять и подбежал к нему.

– Берись! – подал мне Адлер прохладную и липкую от крови руку Серого. Я схватил за неё, и мы потащили его со Станиной к гаражам. В это

время Адлер побежал вправо, пуская короткие очереди и получая в ответ из Красного.

На пределе своих возможностей мы тащили Серого до гаражей и дальше по своим следам. Серый не подавал признаков жизни. Если вначале он ещё хрипел, то за гаражами уже стих и просто висел на наших руках. Звуки выстрелов Адлера ещё несколько минут доносились справа, потом тоже утихли. Пронеся Серого ещё сотню метров на адреналине, мы со Станиной упали в кустах, тяжело дыша и хрипя со свистом в горле на пару. В том, что Серый мёртв, сомнений уже не было. Я взглянул на Станину, а тот на меня и прохрипел: «Тащим до конца, до наших!» Я согласно кивнул. Минут через пять мы слышали выходы миномётов в Красном. Всё-таки сказалось то, что мы ликвидировали их наводчика – снайпера в трёхэтажке, били они хоть и часто, но далеко от нас. Минут через десять нас догнал Адлер. По руке у него текла кровь, но он уверил нас, что это царапина, и мы втроём по очереди потащили Серого к своим.

Мины летели и летели в нашу сторону, взрываясь то совсем близко, то удаляясь от нас. Станина всё время считал «выходы» мин и прислушивался, чтобы определить, с какой части Красного они выпущены. Несмотря на боли в спине, руках и ногах, обожжённые крапивой лица и кисти рук, мы тащили Серого по тропинке, регулярно меняясь, пока в одно мгновение Адлер тоже не упал в полубморочном состоянии. Кровь с его руки капала непрерывными каплями на землю.

– Адлер, твою дивизию! – воскликнул Станина, выхватил из разгрузки ножницы и разрезал рукав штормовки Адлера.

Рана оказалась не такой безобидной, пуля, видимо, застряла в плече, извергая поток крови. Станина достал из своей аптечки бинт и быстрым движением зажал и перевязал рану. Адлер застонал, но, посмотрев в сторону Станины, пробормотал:

– Я в порядке, в порядке!

Станина сунул ему под нос нашатырь, Адлер ударил по нему рукой и, окончательно придя в себя, снова пробормотал:

– Да в порядке я!

– Обезбол надо? – тихим голосом спросил Станина.

– Да ничего не надо, я в порядке, погнались!

Мы со Станиной ухватились за Серого и поволокли его дальше к лесу, за нами следом, пошатываясь, побрёл Адлер, то и дело оборачиваясь назад с автоматом и проверяя, нет ли за нами хвоста.

Почти ползком мы добрались до леса. В кустах я увидел «родной» уазик, из которого навстречу к нам выскочили ребята из группы эвакуации. Они кинули нам по пластиковой бутылке воды, а сами схватили Серого и потащили в машину. После, подняв и взяв под руки Адлера, также повели его туда. Мы, жадно глотая воду и обливая ею перегретые головы, заползали в машину сами.

Проснувшись и открыв глаза, я не понимал, какое сейчас время суток – утро или вечер. Я встал, умылся и сел на близстоящий чурбак. Как можно объяснить моё состояние? Представьте, что вы были в загуле несколько дней, и сейчас, придя в себя, вы думаете, что всё, что происходило тогда, это всего лишь сон. Этого не было со мной. Это был не я!

Но рано или поздно осмысление случившегося приходит в голову. Так оно пришло и ко мне, я схватился за неё и застонал.

В этом положении меня застал Станина. Он протянул мне руку, чтобы поздороваться и сел рядом на свободный чурбак.

– Сейчас утро или вечер? – первым пробормотал я.

– Семь утра... заведи уже себе нормальные часы, – ответил мне Станина. Затем, минуту подумав, он снял свои и подал мне:

– На, дарю!

У него были шикарные, противоударные и противохрензнаетещёчего часы. Я смотрел на них безразлично. Тогда, не выдержав, Станина кинул их мне на колени:

– Бери, я сказал.

Я молча снял свои дешманские, китайские, потрескавшиеся часы и подал Станине. Тот, ненадолго взяв их в руки и осмотрев, швырнул в сторону, в кусты. Взамен он достал из кармана другие часы и надел себе на руку.

– Брат, ты красавчик, ты вчера нас всех спас...

– Кто красавчик, я? У меня из пяти человек – два триста, один двести... Я всю группу положил... На хрена я в эту трёхэтажку полез?..

Я смотрел на него распахнутыми глазами, понимая, что надо его успокоить, но у меня не было ни сил, ни желания, ни умения это сделать.

– Но мы-то с тобой живы!

– И что, завтра с тобой вдвоём пойдём?

– Пошли! – не задумываясь, ответил я.

Станина повернулся ко мне и, пристально посмотрев в глаза, крепко-крепко обнял:

– Зови меня Стэн, братское сердце!

Так мы просидели минут десять, потом Стэн закурил.

– А Серёгу ты давно знал? – спросил я после долгого молчания.

– Какого Серёгу?

– Ну, Серого...

– Толян, его звали Толян. Он был у нас участковым на улице, по-русски говорить не умел. Анатолий Петрович Серко, лейтенант народной милиции ДНР.

– А почему он... ну... за нас воевал, ведь он чистый... ну...

– Что, хохол? А ты что, сюда приехал с хохлами воевать? Ну так и в меня стреляй тогда, чего сидишь?..

– Да ладно ты, успокойся, не заводись...

– А ты ещё не понял, с кем воюешь? Снайпер, которого мы вчера сняли, по документам русский Ванька был, из Луганска... а в башку тебе не задумываясь стрельнул. А Толян был настоящий украинец – добрый, отзывчивый, смелый, настоящий мужик!

Мы ещё сидели и молчали минут десять, потом я не выдержал и спросил:

– А у тебя почему позывной Станина? На станке, что ли, работал?

Стэн усмехнулся:

– Да нет... Я учебку проходил, а у нас инструктор был шепелявый, смешной такой, мы его постоянно передразнивали... молодые были... так вот, как-то я выхожу утром на построение, а у меня одна брючина задралась. Он дошёл до меня и орёт: «Станина! Станина!» Я понять не могу, а он: «Поправьте станину, боец!» Так я и стал Станиной из-за него... во-о-от... В марте он погиб, в Мариуполе, я слышал...

– Да-а-а, жалко!

– Да-а...

– А сам ты кем был на гражданке?

– Так мы тут почти все шахтёры, братское сердце, ну есть некоторые бывшие военные или милиционеры. А ты кем был?

Я долго молчал, раздумывая, как лучше ответить, а потом тихонько пробормотал:

– Да никем, братское сердце, вообще НИКЕМ!

На улице было раннее утро, приближался восход, и гробовую тишину изредка нарушали перепевки птиц и храп наших однополчан. Некоторое время мы сидели молча, но желание рассказать друг другу о себе переполняло нас. Первым не выдержал Станина:

– Мне тогда семнадцать лет было, мужики постарше все ушли, мы кондыбались на шахте, насколько позволяли силы... Потим прийшла звистка, що батько загинув... Я довго заспокоював матусю... але на гражданци бильше бути не змиг и пишов добровольцим...

Он посмотрел на меня своим пронизывающим взглядом с немим вопросом, всё ли я понял из его слов, но тут же прочитал в моих глазах, что да, я всё понял!

– Потим я був, типу, сином полку, мене довго не видправляли на серйозни завдання, и ось другий рик я тильки по-справжньому на вийни! Це повна дура, брате сердце...

Я, не ожидая от Стэна такой откровенности, вначале сидел в шоке, но потом робко поинтересовался:

– А как мать отнеслась к твоему... ну, к уходу?

– А как ты сам думаешь?..

Мы погрузились в раздумья, ёрзая на чурбаках в полной тишине. Я иногда поднимал голову на Станину, который сидел, вглядываясь в землю под своими ногами.

– У мене був брат... старший...

– Погиб? – перебил его я.

Станина взглянул на меня строгим взглядом, но ругаться не стал. Опустив глаза на землю, продолжил:

– Вин був старший за мене на два роки... служив тоди в армії... там... у тій армії! Після Майдану звисток вид нього не було... Но я знал, что он служит рядом, я до этого был у него в части... Короче, если бы захотел, то подав би звисточку про себе... або прибиг би до нас...

Я заметил, как у Станины тряслись руки, не сильно, но тряслись. Губы его тоже изредка подрагивали, а иногда я едва уловимо ощущал ком в его горле и видел влажные глаза...

– Когда я попал на фронт, самое страшное тогда для меня было...

Губы Станины затряслись, он резко отвернулся от меня и продолжил:

– Найстрашніше для мене, брате серце, було – зустріч з моим братиком... Адже він мене виростив, він любив мене, он ...

Губы Станины опять задрожали, он закрыл руками глаза. Всем видом Стэн пытался показать, что ничего не происходит, что всё в порядке, но я прекрасно знал: он плачет. Я хотел положить на его плечо руку, чтобы поддержать, но не стал. Чуть-чуть помолчав, я не нашёл ничего лучше, чем спросить:

– Ну и что, ты встретил его?

После некоторого молчания и как бы незаметного вытирания глаз Стэн ответил:

– Да... Я зустрив його...

Его взгляд вспыхнул каким-то огнём, какая-то одновременно и сила, и ненависть, и гнев были в нём.

– Да-а... Я встретил его... Их перебросили из Мариуполя на наш участок... Это были не воины, а нелюди, звери! Мы загнали их в один из домов, в селе... последним выжившим подранком оказался мой брат... Он даже не узнал меня. Когда я к нему обратился, он только пытался собрать в кулак все силы, чтобы броситься и впиться кому-нибудь из нас в глотку... Я специально подошёл к нему ближе остальных, чтобы он выбрал меня... и он выбрал меня...

Взгляд Станины был абсолютно отрешённым, задумчивым, он смотрел куда-то вдаль и при этом никуда не смотрел. Я не выдержал:

– И что было дальше, что?

– Ничего, братское сердце, ничего... – выдохнул из лёгкого дым Станина и, взглянув куда-то мимо меня, выдохнул: – Я убил зверя...

Мурашки побежали по коже, и волосы зашевелились на голове. Больше ничего спрашивать я не посмел, а только сидел молча.

Когда тишина совсем стала неудобной, немного собравшись с мыслями, я тоже решил открыть правду про себя:

– А я, друже, профукал свою жизнь... всю! Ни жены, ни детей, ничего не нажил! Жил в Сибири... Была одна девчонка... не знаю, может быть, и судьба моя... От мамки я сбежал... не было уже сил!..

Станина посмотрел на меня и выпалил:

– Мать – это святое! За мать – зашибу!

– Да нет, за мать я и сам зашибу... Вот сейчас жду письмо... Написал, как есть... Жду!

– Ясно... Здесь вообще главное ждать... чтоб тебя ждали... и дождались!..

Мы молча просидели ещё несколько минут... Вдруг сзади послышался хруст сухих веток. Резко и почти одновременно обернувшись, мы схватились за автоматы. Но, тут же успокоившись, опустили их к земле. К нам потихоньку, как бы подкрадываясь, шагала десятилетняя девочка. Это была наша знакомая и всеми любимая Олечка, с веснушками на щеках

и курносый носом, которая живёт с бабушкой на соседнем хуторе и частенько подкармливает нас пирогами, овощами, свежим домашним хлебушком. Вот и в этот раз у неё в руках была огромная и, видимо, сильно тяжёлая корзина, а на голове «горела» красная косынка.

– Что ты здесь делаешь, Красная Шапочка? – заулыбался Стэн.

– Я вам пирожки принесла, – ответила девочка.

В тот же миг мы не могли уже остановиться от оглушающего гогота, который начал выманивать наших сослуживцев из блиндажей.

Пирожки были с капустой, яйцом и грибами. Ни те, ни другие я терпеть не мог, Стэн тоже. Мы с ним дружно стали доставать пироги из корзины и раздавать подбегающим бойцам, которые через одного щеголяли своими чёрными трусами.

– Слышь, Жирный, ты уже подходил, пошёл отсюда! – прикрикнул Стэн на подбегающего полного парня.

– Станина, ну можно мне ещё один? – сложив брови домиком, умолял тот.

– Иди вначале штаны надень, а то ты своими парусинами семьдесят пятого размера уже половину парней сдул! – загоготал Станина.

Полный парень побежал в блиндаж, придерживая при этом свои трусы, которые явно не держались на резинке и предательски сползли на ходу вниз. Бойцы всё подходили и подходили к нам за пирогами, некоторые по второму, а некоторые и по третьему разу. И вот, когда на дне корзины остался последний пирожок, откуда ни возьмись, появился Иваныч и тут же, глядя на Станину, заорал:

– Сержант! Что здесь происходит?

Стэн, схватив последний пирожок из корзины, вытянулся и, поднеся руку с пирожком к виску, отрапортовал:

– Не могу знать!.. Я-то чё? Я ничё!.. Это вон, всё Жирный... – и повернулся в сторону полного парня, который, на ходу надевая штаны и ещё не понимая происходящего, прыгал на одной ноге к корзине.

Еле остановившись, он взглянул в пустую корзину, затем на затихших и вытянувшихся по струнке парней. Наконец, он заметил Иваныча, повернулся к Станине и с огромной обидой выпалил:

– Не Жирный я, не Жирный! Мой позывной Батон!

Что произошло в следующую секунду, трудно описать! Такого ржания, а именно лошадиного ржания, а не человеческого смеха этот лес ещё не слышал. Гоготали все: и рядовые солдаты, и Станина в полуприседе, и Олечка, и Иваныч, наклонившись к земле и держась за живот, и даже полный парень с позывным Батон, который понял, что он выдал. От такого шума птички стайками вспорхнули и полетели прочь.

Успокоиться все смогли только минут через пять. Молча, вытирая слёзы, стали наблюдать за Иванычем и Станиной. Станина спокойно протянул руку, подавая Батону последний пирожок. Тот схватил его и одним махом засунул себе в рот...

Когда все успокоились, то начали разбредаться по блиндажам и готовиться к завтраку. Стэн, наклонившись, поцеловал Олечку в щёку, и та, повесив пустую корзину себе на плечо, грустно побрела через лес домой.

– Через час я жду вас у себя, – указывая на нас со Стэном, приказал Иваныч.

Я вскинул правую руку к виску, Станина просто кивнул.

За час мы привели себя в порядок и даже успели попить чай с шоколадными конфетами. К Иванычу мы зашли вместе. Атмосфера в его блиндаже напоминала предгрозовое состояние, вот-вот должен грянуть гром. И он грянул!

– Ну, рассказывай, зачем ты опять поперся в эту трёхэтажку, затеял бой, угробил бойцов? Я сколько тебе могу говорить, чтобы ты был осторожен, не рисковал?

Всё это время я наблюдал за выражением лица Станины. Оно было похоже на раздувающийся шарик, который вот-вот лопнет. И он лопнул!

– Я? Я рискую?! А как, по-твоему, я должен выполнять задания? Дал мне полуобученных черпаков, этот вообще ни разу в людей не стрелял... Как и чем я должен работать? Связи нет, орём котами... вот и доорались... Бинокля нормального нет, глушаков нет, связи нет...

– Ты уже об этом... – хотел было вставить Иваныч, но Станина криком его перебил:

– Орём то петухом, то котом, скоро блеять будем! Броников нет! Этот с дырами в каске ходит! – при этих словах Стэн схватил рукой каску, которая висела у меня на спине, и предъявил Иванычу. Тот в свою очередь зашевелил губами, подбирая слова и издавая протяжный стон, потом, замолчав на секунду, повернулся ко мне и заорал:

– А ты чё, не можешь себе каску нормальную взять? Ходишь, как бичара, позоришь меня! Бегом к Вещевику!

Уже выходя наружу, услышал, как Иваныч, обратившись к Станине, спокойно говорит:

– Давай показывай, чё там.

Я вышел из блиндажа и побрёл к себе. На середине пути до меня дошло, что иду к себе, хотя мне надо идти к Станине. Развернувшись, увидел вокруг странную картину: в большинстве кустов на четвереньках стояли бойцы и извергали из себя рвотные массы. Очередь в полевые туалеты стояла в два ряда. Некоторые, не выдержав, убегали в кусты. Я понял – парней отравили!

Подбежал к одному из бойцов, потом к другому, но, сообразив, что ничем им помочь не могу, ринулся к Иванычу. Влетев к нему в блиндаж, я застал его и Станину за картой и, прижав правую руку к виску, забормотал:

– Там, там, они все, походу, отравились...

– Кто... где? – переспросил Иваныч.

– Да там все, скорее всего, отравились теми погаными пирожками! – указывая на улицу, закричал я.

Мы все втроем пульей вылетели наружу. Мимо с выпученными от удивления и страха глазами проплывал Батон. Иваныч схватил его за рукав, развернул к себе и громко спросил:

– Батон, ты живой?

– Я... Я? – всё ещё выпучив глаза, растерянно бормотал Батон.

– Нет, штурвал от корабля! Конечно ты! У тебя всё в порядке?

– Ну-у-у, немного живот крутит, а так вроде ничё...

– Тогда бегом за медиками, веди их сюда, скажи – массовое отравление, пусть берут, что надо, и бегом к нам! Пулей, Батон, пулей!

Батон рванул в сторону медсанчасти, одной рукой придерживая автомат на плече, другой – скатывающиеся с талии штаны. Станина увидел нескольких бойцов, которые бегали от одного отравленного к другому, не зная, чем помочь.

– Бойцы, ко мне! – скомандовал Станина.

Те бегом, собравшись в кучку, подбежали к нам.

– Так, ты! – начал в них по очереди тыкать пальцем, раздавая указания, Станина. – Бегом бери полторашки с водой и раздавай пацанам, пускай пьют, сколько смогут, а когда не смогут, пусть всё равно вталкивают воду в себя. Вы собирайте тех, которые уже без сознания, и складывайте вон туда, на полянку, под деревья. Крюк, бери остальных и помогайте медикам, вон они уже бегут.

– Так точно! – быстро отдали честь мы и разбежались по своим заданиям.

– Хорошо, – немного придя в себя, сказал Иваныч Станине, – а ты давай свяжись со штабом, надо сообщить и вызвать транспорт.

Станина дёрнулся уже было бежать, но Иваныч схватил его за рукав и остановил:

– Подожди-ка, стой!

Он стал вглядываться в даль, в сторону Красного, откуда бежали какие-то бойцы.

– Это группа Большого? – тоже вглядываясь между деревьев, спросил Станина.

– Да, они ночью уходили к Красному.

«Мины! Мины!» – еле различимо послышались крики от бегущих и машущих руками бойцов.

– Ми-и-ины! – повернувшись к остальным бойцам, заорал Иваныч. – Все в укрытие, мины!

Мы, все, кто чувствовал себя нормально, включая медиков, стали за-таскивать отравленных бойцов в блиндажи. Кто-то заползал сам, кто-то просто беспомощно застывал с потерянным взглядом, обхватив руками голову. Через две-три минуты послышались свист и гул подлетающих мин...

Я заскочил в блиндаж к Станине. Он был плотно набит людьми, как кильками в консервной банке, при этом большинству было плохо от отравления, но все перестали на это обращать внимание, как только мины начали приземляться. Вначале вдалеке, одиночно, потом всё ближе и ближе непрерывающим потоком: бах–бах–бах–бах! Я инстинктивно попятился назад от входа и упёрся во что-то мягкое. Обернувшись, я увидел огромного человека, мокрого и вонючего от пота, с густой чёрной бородой с проседью, пытающегося отдышаться от физической нагрузки. Я протянул ему руку:

– Крюк.

– Большой, – протянул мне руку в ответ огромный человек.

В это время одна из мин приземлилась где-то у нас над головой, издав

оглушающий «Бах!». Весь блиндаж присел на корточки, и я в том числе, покрываясь падающей сверху пылью. Стоять остался лишь Большой, который воспользовался открывшимся пространством и, протянув руку, сорвал со стены приклеенную иконку. Я, поднявшись с корточек, с любопытством повернулся к нему. Большой поцеловал иконку и посмотрел на меня:

– Это моя!

– Я знаю. А кто это?

Бах! Опять раздалось рядом, и в блиндаж стремительно залетело облако пыли и дыма, но на этот раз я уже не присел, а только немного наклонил вперёд голову.

– Николай Чудотворец! – ответил мне Большой.

Бах! Бах! Опять прилетело где-то рядом. Я решил надеть каску.

– Что это? – спросил Большой, указывая пальцем на дырочки в моей каске.

– Бандитская пуля! – улыбнулся я. – Надо каску поменять, а то опять прилетит.

– Это всё суеверие! – спокойным негромким голосом, покачав головой, возразил Большой.

Я теперь понял, что напоминает мне этот голос, и бесцеремонно спросил:

– Ты что, поп, что ли?

– Нет... Только надо говорить не поп, а батюшка.

– Понял!.. Ты просто говоришь как поп... в смысле батюшка.

– Я знаю, мне об этом часто говорят. Я не батюшка, но верующий человек, это называется воцерковлённый... А ты веришь в Бога?

– Да!.. Он мне недавно жизнь спас!

Большой после этих слов улыбнулся какой-то скромной, детской улыбкой, затем положил свою огромную руку на моё плечо и продолжил разговор:

– Ну и как ты решил отплатить ему за это?

– Не знаю. А что я могу сделать? Тем более здесь... Здесь даже церкви нет.

– Ну, во-первых, надо молиться, во-вторых, не сквернословить...

– Чего? Не сквернословить?

– Не материться!

– Да я... и...

– На, возьми молитвослов, но с отдачей... Если успеешь... Выучи хотя бы «Отче наш» и «Символ веры»...

– В смысле если успеешь?

– Да мы с тобой теперь... не скоро свидимся.

– Ты чё, экстрасенс, что ли?

– Кто? – засмеялся Большой. – Экстрасенсы – это от лукавого, а я, скорее, провидец, вижу иногда будущее.

– Офигеть! Классно!

– Ну, видеть я стал только неделю как и то только смерть или какие-то очень яркие события... – вздохнув и потупив взгляд в пол, пробормотал Большой.

Улыбка тут же пропала с моего лица:

– То есть я скоро умру, что ли?

– Не ты, – улыбнулся Большой и погладил меня по плечу. – По моей теории, такой дар, как у меня, даётся Богом уже перед смертью, не всем, а тем, кому он считает нужным, чтобы человек смог подготовиться, помолиться, исповедаться, причаститься, попросить прощение у ближнего...

Я смотрел на Большого широко раскрытыми глазами, как маленький ребёнок. Даже перестал замечать взрывы, которые не прекращались снаружи. Положив книжицу во внутренний карман, уже было открыл рот, чтобы задать Большому очередной вопрос, но на меня буквально наскочил верхом Станина, влетевший в блиндаж с улицы. Тут же снаружи опять раздалось: «Бах! Бах!», и всех накрыло очередное облако пыли.

Одежда Станины была сильно испачкана грязью, пылью и облеплена сухими листьями и травой. Он встал на ноги и, отряхиваясь, закричал:

– Вы чё тут зависли? Бегом за БК, сейчас петухи на нас попрут!

Оглядев всех присутствующих в блиндаже парней, громко добавил:

– Все бегом на выход. Получаем БК и на передок, быстро!

Подмигнув нам, он подбежал к выходу, выглянул наружу и так же быстро выскочил из блиндажа. Мы последовали за ним. Взрывы вокруг не утихали, хотя становились всё реже и реже.

– Бегом к Вещевику! – скомандовал Станина, а сам заскочил в следующий блиндаж вытаскивать оттуда очередную партию боеспособных солдат.

Мы с Большим ринулись на склад.

Набив разгрузку магазинами, а карманы патронами и гранатами, мы бежали к краю леса, туда, откуда нас всегда забирал родной уазик. Там была организована первая линия обороны: вырыты траншеи, подготовлены огневые точки. Я вспомнил, как мы ворчали на Иваныча, когда он заставлял нас рыть окопы. Тогда мы были уверены, что немцы на нас не попрут, наоборот, это им надо рыть окопы.

В траншее я оказался рядом с Большим, и не случайно. Я специально везде следовал за ним в надежде продолжить разговор. Он то и дело вглядывался то вправо, то влево и, наконец, заулыбавшись, замахал кому-то рукой, подзывая к себе:

– Мои! Живые!

К нам скоро подбежали четыре бойца и захлопали Большого по плечу.

– Занимайте позиции слева! – скомандовал он.

Бойцы послушно побежали по траншее налево. Большой, уперевшись ногами в переднюю стенку окопа, а спиной в заднюю, начал набивать магазины. Я последовал его примеру и, выдержав небольшую паузу, воспользовался относительной тишиной, чтобы продолжить разговор с Большим:

– Слушай, а вот, например, ты можешь сказать, когда кончится война?

Большой тихонько кивал головой, бормоча себе что-то под нос. Прислушавшись, я понял, что он читает молитвы.

– Большой, а, Большой! – не унимался я. – Когда кончится война?

Тот добормотал молитву и повернулся ко мне:

– Ну, как тебе сказать... Для кого-то скоро, а для кого-то нет!

– Ну, а в общем?

– В общем? Это только начало войны! Скоро воевать будет совсем невыносимо, начнётся совершенно другая война!

– Ядерная?

– Да нет. Но тоже кровавая! За солдатами будут охотиться роботы, в небе и на земле, в начале десятками, а потом сотнями, тысячами, целыми стаями. Страшно будет находиться на улице, да и в укрытиях тоже. Будут глазастые бомбы, прилетающие прямо в укрытия. Все люди для врага будут как на ладони. Роботы будут уничтожать технику и людей с помощью своего интеллекта. Кругом всё будет заминировано умными минами. А солдаты у врага будут воевать без страха и боли, как зомби, как заколдованные, упрямо, с ненавистью и жестокостью!

– Ты что, «Терминатора» посмотрелся? – улыбнулся я. – Откуда у хохлов роботы? У них скоро деньги на жратву-то кончатся, на что им роботов покупать?

– Им всё дадут! Десятки стран, продавшиеся и поклоняющиеся сатане, объединятся против нас. Вечная ненависть к русским и православию запеленит им глаза. Мы – последний оплот православия! Господь попустил нам эту войну за наше предательство.

– Какое ещё предательство?

– Мы и наши отцы предали свою страну, своё Отечество, свою веру. Отдались сатанистам, приняли их правила, развалили, разворовали и продали святую Русь! Наша сила в единстве трёх братьев: русского, белоруса и украинца. Пока мы не объединимся, нас будут считать ублюдками и отхожей ямой!

– А-а... – хотел было я продолжить беседу, но на меня откуда-то сверху опять спрыгнул Станина.

– Вот ты где, а я тебя ищу! – запыхавшись, выпалил он мне в ухо и, повернув голову в сторону Большого и улыбнувшись, добавил: – Святой отец, я опять опоздал на проповедь?

Большой тоже улыбнулся, и они стукнулись правыми руками. За разговором я даже не заметил, что взрывы мин за нашей спиной прекратились, а это означало, что вот-вот начнётся накат.

– Кто там у нас слева? – спросил Станина.

– Мои, – продолжая набивать магазины, ответил Большой.

– А справа?

– Справа не знаю.

– Пойду проверю, – озабочился Стэн и побежал по траншее.

– Ну а всё-таки я долго ещё проживу? – не унимаясь, обратился я к Большому.

Тот повернулся ко мне, посмотрел в глаза и выдохнул:

– Я не знаю, но могу с уверенностью сказать только одно, ты скоро увидишь своего отца... А вот он точно доживёт до генеральских погон! – как-то грустно заулыбался Большой, кивнув в сторону подбежавшего Станины.

Затем он вставил полный рожок в автомат, дёрнул затвор и громко крикнул:

– Ну что, с Богом!!!

Высунувшись из окопа, он стал выцеливать приближающегося врага.

За разговором мы чуть не прохлопали противника. Впереди, в относительной тишине я услышал надвигающийся хруст засохшей травы и шум какой-то техники – Урала или БТР. Забив патроны в последний магазин, я встал на возвышенность и высунулся из окопа. Впереди было высокое заросшее брошенное поле, через которое мы бегали к Красному. Но в этот раз оно прикрывало нашего противника. То слева, то справа, метрах в трёхстах от нас, над кустами выныривали жестяные каски, как у меня, только помеченные жёлтым скотчем, и тут же обратно пропадали. Наши траншеи были выкопаны между первой и второй линиями деревьев жиденького леса. Кто-то прятался с пулемётом в окопе за деревьями, кто-то, «закутавшись» в их корни, продолжал заряжать рожки патронами. Шум от вражеской техники становился всё громче и громче, и вот над растительностью показалась башня плывущего к нам по полю бронетранспортёра. Вскоре правее подплыл и второй вражеский БТР. Они остановились, как будто почуяли что-то неладное, и стали двигать башни то вправо, то влево. Сердце у меня бешено забилося, отдавая болью в висках и волнами гуляя по всему телу. Это был мой первый настоящий бой!

Бах! Раздалось справа. Кто-то из наших отработал ручным противотанковым гранатомётом РПГ-7. Мы стреляли из таких на полигоне. Граната полетела в сторону бронетранспортёра. У меня сложилось такое впечатление, что все, в том числе и враг, затаились, наблюдая за полётом гранаты. В стоявшей тишине было слышно лишь урчание и цоканье двигателей вражеской техники. Граната же, пролетев в нескольких сантиметрах от башни БТР, взорвалась где-то позади него, разочаровав нас и приведя к ликованию противника.

«Огонь!» – завопил Станина, и с шумом, словно салюты и петарды в новогоднюю ночь, вокруг застрочили автоматы. Кто-то стрелял, не переставая, не целясь и не экономя патронов, видимо, новички, кто-то, наоборот, стрелял одиночными, долго примеряясь к невидимым «мишеням». Я решил вначале не торопиться, чего палить попусту? Вглядевшись в даль, увидел, как пара солдат короткими перебежками, падая и прикрывая друг друга выстрелами, направляется к нам.

В это время со страшным грохотом заработали пулемёты на бронетранспортёрах. Кто-то, больно сдавив шею, дёрнул меня за шиворот вниз. Это был Большой. Я было открыл рот, чтобы возмутиться, но тут же закрыл его после того, как куски деревьев, щепки и ветки от очередей пулемётов стали прилетать к нам в траншею. Огромные пули с шумом проносились над нашими головами, врезаясь то в землю, поднимая её и облако пыли вверх, то в деревья, вырывая из них куски и щепки. Большие деревья, не выдержав, со скрипом падали на землю, а маленькие отлетали в сторону со всей кроной, оставляя после себя разорванные пеньки. Мы сидели с Большим, прижав голову к коленям. Очереди из выстрелов продолжались нескончаемым потоком. Я приподнял голову, посмотрел налево и направо, все сидели в таких же позах, как и мы, а я думал, что стреляют именно по нам. Нет, стреляют по всей траншее, и, видимо, оба БТР по очереди. Краем глаза слева я увидел, как один смельчак из-под заваленного

дерева целится из РПГ. «Бах!» – раздался выстрел, и смельчак нырнул вниз, в окоп. Через секунду послышалось – «Бабах!». Я хотел подняться, посмотреть, но Большой опять за шиворот дёрнул меня вниз, сунув под нос кулак. Я кивнул. Грохот от пулемётов замолк. Из траншеи быстрым движением высунулась пара бойцов с РПГ. Недолго целясь, они выстрелили и опять нырнули вниз. Снова раздались взрывы. С поля послышался рёв перегруженных моторов, как будто закричал дикий раненый зверь. Большой высунулся наружу, за ним и я. Справа горел с чёрным густым дымом подбитый БТР. Слева, напротив нас, на пределах оборотов двигателя пытался развернуться второй бронетранспортёр. Рядом с ним пролетела очередная граната от РПГ... мимо! Наконец, повернувшись боком и выбросив из выхлопных труб струи чёрного дыма, БТР с рёвом полетел к своему подбитому напарнику.

Большой, уперев приклад в плечо, начал очередями поливать заросли. Остановившись на секунду, он заорал во всё горло: «Ого-о-онь!» – и продолжил стрельбу. Только сейчас, по шевелению травы я увидел, что вражеская пехота подползла уже совсем близко. Я стал стрелять короткими очередями по каждому шевелящемуся кустику. Один магазин закончился, второй, но шевеления не прекращались. Над головой засвистели пули – это противник уже подполз так близко, что стал прицельно открывать по нам огонь. То слева, то справа падали убитые и раненые сослуживцы.

«Не высовываться!» – заорал сначала влево по траншее, потом вправо Большой и нырнул на дно окопа, естественно, не забыв прихватить меня за шиворот. «Готовим гранаты!» – опять заорал он и стал вытаскивать свои из разгрузки и карманов. Я всё повторял за ним. Он привстал так, чтобы не высовываться из окопа, бросил со всей силы две гранаты и, подняв над головой автомат, выпустил по врагу весь рожок. Я со всеми остальными делал то же самое. Перезарядились. Повторили. Ещё раз перезарядились. Опять повторили. Тишина, только кое-где одиночные выстрелы, даже бронетранспортёра не слышно. Сидим на корточках на дне траншеи. До меня доходит, почему вокруг такая тишина: стрельба над головой из автомата не прошла даром, оглушило. Я невольно громким голосом, с ухмылкой обратился к Большому:

– Ну и что дальше? Молиться?

– Да-а-а, подход противника мы прощёлкали!.. Что дальше, что дальше... молиться – это обязательно, а дальше только вперёд! – так же громким голосом ответил Большой, отстегнул нож на ремне и взял его в руку. – А там уже, как Боженька рассудит.

Большой выглянул из окопа. Потом, встав на колени, воткнул нож напротив себя в одну из досок, которыми была обшита траншея, и начал шёпотом молиться. Я разглядел на ручке ножа вырезанный православный крест. Большой читал молитву с горячим усердием, сжав руки перед собой в один кулак и закрыв глаза. Я сидел рядом и не мешал ему, только про себя непрерывно повторял неизвестно откуда взявшуюся в моей голове фразу: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

Через какое-то время Большой закончил молитву, произнеся вполголоса: «Аминь!» Затем открыл глаза и так же вполголоса, с каким-то

напряжением всего тела, как будто с яростным желанием шёпотом докричаться до небес, произнёс: «Господи! Отверни от нас врагов наших, сожги их огнём гнева твоего! Умоляю тебя!» Над головой, как по указке, поднялся порыв ветра. Странно, но он дул откуда-то из леса, сквозь деревья. На поляне послышались крики. Я выглянул немного наружу и обомлел. По всей видимости, от взрывов наших гранат загорелась сухая трава и кусты, а поднявшийся порыв ветра раздул пожар, превратив его в огромный огненный вал! Вражеская пехота поднималась с земли, не выдерживая жара и задыхаясь от дыма и устремилась прочь от нас и «Божьего гнева». Я посмотрел на Большого. Он всё так же стоял на коленях перед крестом, держа перед собой руки, и рыдал. Я схватил его за плечо:

– Большой, ты чего? Они бегут, Большой, убегают!

– Господи! – завопил тот навзрыд. – Господи, прости меня и их, ибо не ведаем, что творим, Господи!

Я выглянул из окопа. Дым белой стеной закрывал убегающих людей.

Стало тихо. Только бронетранспортёр, который убежал от нас, спрятался за своим подбитым побратимом и тихонько рокотал. Большой поднялся с колен, вытащил из доски свой нож, поцеловал изображённый на ручке крест и убрал его на пояс. Оглянувшись и, видимо, придя в себя, он наклонился над рядом лежащим раненым и стал оказывать ему помощь. Я не мог похвастаться таким хладнокровием. Меня трясло, но я держался. Чтобы успокоиться, трясущимися руками я стал набивать патронами магазины автомата, которые совсем недавно так быстро освободил. Вокруг вроде бы всё было спокойно, но чувство тревоги и какого-то нехорошего ощущения не покидало меня и, должно быть, Большого тоже. Он то и дело замирал на мгновение, вслушиваясь, потом с тревогой разглядывал небо и дымящееся впереди поле, после чего помогал раненым, как будто боясь что-то не успеть.

Предчувствие нас не обмануло. Где-то на левом краю окопов послышалось: «Мины!»

«Мины!» – подхватила живая цепочка по траншее, и уже через секунду с гулом и свистом нам на голову стали падать эти проклятые мины.

Бах! Бах! Бах! Вначале рядом с траншеей. Бах! Бах! Бах! Всё ближе и ближе к нам. В этот момент зашевелился забытый всеми вражеский бронетранспортёр, взревел и, покотившись вдоль леса, с грохотом начал поливать нас смертоносным «дождём». Справа, в траншее, метрах в тридцати, я случайно увидел Станину. Он, укрывшись за деревом, метился из РПГ в сторону этого нахала. Башня БТРа практически пропала из вида, но Станина всё метился, не обращая внимания на прилетающие рядом мины. Бух! – наконец, он выстрелил. Прошло две-три секунды, и я увидел, как башня БТР подлетела в воздух от взрыва! Бабах! – раздалось опять. Это сдетонировал боекомплект!

«Есть!» – заорал я от радости, словно маленький ребёнок. Но тут же рядом, прямо в траншее, прогремел взрыв мины, который швырнул волной в меня сидевшего неподалёку бойца. Мы отлетели с ним метра на три, упав на землю: я на спину, он на меня. В ушах зазвенело непрерывное «пи-и-и-и-и...», лицо было осыпано тёплой землёй, дыхание от удара сбилось и застряло где-то в груди.

Я хотел очистить лицо свободной левой рукой, но она не слушалась, наверное, придавило. Убрал землю правой. В глазах всё плыло, зудело и щипало от грязи. От монотонного писка в ушах заболела голова. Прошло несколько секунд, и я уже не мог пошевелить ни ногами, ни телом, даже правая рука бессильно лежала рядом с головой. Я только чувствовал толчки земли от раздающихся рядом взрывов мин, сотрясающих и подкидывающих на несколько миллиметров вверх всё вокруг, в том числе и меня. Всё, что я смог сделать, так это запрокинуть голову назад, восстановив своё дыхание.

Сзади, мутно, как в тумане, я увидел грязное лицо Большого с кусками земли в его красивой бороде. Он лежал в траншее головой ко мне и пристально, не моргая, глядел мне в лицо добрым и умиротворённым взглядом. В голове у меня всё окончательно поплыло, глаза закрылись, и я понял – это всё!

Коридор со светом, ярким, как от большого зенитного прожектора, открылся передо мной вполне ожидаемо. Я стоял в полной тишине, казалось, с глупой улыбкой и широко открытыми глазами, пытаюсь разглядеть спускающихся ко мне ангелов и услышать чудесную райскую музыку. Но почему-то высшие силы медлили. Свет погас так же неожиданно, как и появился. И вокруг меня образовалась непроглядная и холодная тьма. Такой тьмы я никогда не ощущал на земле. Я не видел ничего: ни себя, ни звёзд; вокруг всё было чёрное, без всяких полутонов, только холод, чувство страшного, колючего и обжигающего холода. Мой рот раскрылся, чтобы издать вопль ужаса, но в этой холодной темноте даже звук не мог пробить себе дорогу. Я беспомощно открывал и закрывал рот, как рыба, лежащая на берегу, но звук так же, как и она, я издать не мог.

«А есть ли у меня рот? И руки? И голова? Я их не вижу, может быть, их теперь вообще нет? Только стусок души...» – такая мысль пришла мне, видимо, туда, где раньше была моя голова и мозг. Так вот почему я ничего не вижу, не слышу и не могу говорить – просто нечем! «На мне нет креста! В смысле на мне не было креста, когда я погиб, вот почему меня не взяли в Рай! На мне нет креста!» Сначала тревога обуяла меня, потом она переросла в страх, а потом и в неудержимый ужас. Ужас от того, что я беспомощный, что теперь я уже не смогу что-то сделать, чтобы спасти себя.

Стоп, я ощущаю тревогу, страх и ужас, то есть чувства, надо срочно переключиться на что-то светлое, доброе... любовь! Надо переключиться на любовь! Но как? Молитва, нужна молитва! «Это, как его... Отче наш... Символ веры... Спаси меня, Господи!..» В это же мгновение откуда-то издали стал доноситься и нарастать звук. «Класс! Звук я уже слышу!» Всё громче и громче пустоту вокруг меня заполнял звук, но это был какой-то неприятный звук, тот проклятый писк – «пи-и-и-и-и», который был всё громче и громче и, дойдя до самой высокой точки шума, вдруг превратился в «Крюк! Крюк! Очнись!».

Резкий запах привёл меня в чувство. На уши давил какой-то громкий шум, монотонное и металлическое бряканье, противное и знакомое. Это был звук родного уазика! Я не чувствовал ни ног, ни рук и был уверен, что всё ещё мёртв. Но немного погодя я всё больше убеждался, что ещё

жив, потому что после смерти не может быть такой адской головной боли! Через несколько минут боль притупилась, и я смог открыть глаза.

Да, я был в уазике. Хотя фокус в глазах не настраивался и всё вокруг видел будто сквозь мутную пелену, я всё-таки определил тёмно-зелёную металлическую крышу машины. Рядом со мной на полу лежали ещё несколько раненых бойцов. Уазик мчался с дикой для себя скоростью, видимо, через лес по просёлочной дороге, то и дело подбрасывая нас на очередном ухабе. Две тёмные фигуры, лиц которых я разглядеть не смог, склонившись над нами и пытаясь удерживать равновесие, оказывали медицинскую помощь лежащим рядом бойцам. Я стал всматриваться в лицо «соседа». Точно, это был Большой! Он пристально смотрел на меня, улыбаясь своей доброй улыбкой. В очередной раз покачав на ухабах головой, он вдруг мне подмигнул. Я накрепко все силы, пытаясь заговорить с ним, но потерял сознание.

Очнувшись я от адской головной боли. Приоткрыв нестерпимо зудящие глаза, я не смог ничего вокруг разглядеть, только белый свет вокруг. Еле разлепив сухие губы, смог прошептать: «Есть здесь кто-нибудь?» В ответ звучал лишь монотонный проклятый писк в ушах, вернее, не в ушах, а где-то внутри головы, у темечка. «Эй! Есть здесь кто-нибудь?» – прохрипел я на этот раз чуть громче. Ответа опять не последовало. Туман в глазах начал потихоньку рассеиваться, и очертания предметов становились всё более чёткими. Неясно, расплывчато, но я всё-таки определил стоящую рядом, через проход, кровать, на стене висела какая-то картина или плакат, у изголовья – рыжая тумбочка, следом старая деревянная табуретка. Смочив горло слюной, я хотел закричать, но у меня опять получилось лишь чуть более громкое хрипение:

– Да меня кто-нибудь услышит или нет?

Ко мне наконец-то подошёл человек в белом халате, видимо, доктор, с очками на носу, которые я хоть и не чётко, но уже мог разглядеть. Он подтянул к себе табуретку и сел рядом со мной:

– Ну что, бгатец Михаил, меня зовут Иван Агистагхович. Как себя чувствуем?

– Пить! – смог лишь прошептать ему в ответ я.

Доктор поднёс к моим губам стакан с водой, и я жадно начал глотать живительную влагу, выливая половину наружу и даваясь большими глотками.

– Достаточно! Пока достаточно. Ну так как, бгатец, как себя чувствуешь?

– Голова болит! – уже не шипением и не хрипом, а пусть негромким, но всё-таки голосом простонал я.

– Неудивительно, неудивительно... – пробормотал доктор.

Он пристально посмотрел мне в глаза, раскрыв их своими худыми пальцами, потом заглянул в рот. Затем достал из кармана какой-то пакетик, высыпал из него в стакан белый порошок.

– Давай выпьем сейчас пилюльку, и голова пойдёт! – улыбаясь, сказал он и опять дал мне пить. – А я зайду к вам чегез часик, там и поговоим!

Он ещё раз пристально взглянул на меня и, поставив на место табуретку и стакан, удалился прочь.

Я хотел приподняться, чтобы встать, но резкая боль во всём теле не дала мне этого сделать. Невольно застонав, решил, что лучше будет ещё полежать, и стал разглядывать комнату уже почти полностью вернувшимся ко мне зрением.

Это определённо была палата в больнице или военном госпитале. Стены, как раньше, в моём детстве, были выкрашены в два цвета: сверху белый, внизу светло-салатовый, а между ними тоненькая ярко-красная полосочка – бордюр. По углам стояли четыре кровати, включая мою. Застелена, но не заправлена была ещё одна кровать напротив, но на ней никого не было. Я стал всматриваться в противоположную стену, на висевший на ней плакат, а не картину. Это была репродукция старого агитационного листка с красноармейцем – «Ты записался добровольцем?», только вместо звезды на будёновке красовалась буква «Z», а в руке был «калашников». Рядом с соседней кроватью так же, как и у меня, стояла тумбочка с открытой настешью дверцей. Странно, но ни на тумбочке, ни внутри ничего не было, наверное, пациент тоже недавно заселился и ещё не обжился.

Утром я проснулся от музыки. Она тихонько играла в наушниках у прелестной девушки в белом халате и огромных больничных кожаных тапках, вытиравшей пыль с тумбочек. Хотя музыка больше походила на жужжание насекомого, некоторые слова можно было разобрать. Это была старая песня группы «Кино», в которой Виктор Цой так ждал перемен. Девушка увидела мою улыбающуюся и наблюдающую за ней физиономию и, одарив меня улыбкой, сняла наушники.

– Я вас не разбудила? – смущаясь, с украинским акцентом, каким-то детским голосом спросила она.

– О, нет... я уже сам проснулся! – прохрипел я сухим горлом.

– Я у вас вытерла пыль, сейчас буду разносить еду и кормить, – опять защебетала девушка. – Вы будете завтракать?

– Пожалуй, только чай, – опять прохрипел я и добавил: – Два чая!

– Хорошо! – проговорила девушка и выпорхнула из палаты.

Я огляделся. Постель Большого была заправлена, но его самого в палате не было. Остальные кровати так и стояли без матрасов и постельного белья. Капельницу из моей руки уже вытащили, но место катетера ужасно зудело. Во всяком случае, сегодня мне стало гораздо легче, чем вчера. Я смог немного поднять голову, чтобы оглядеться. Мои руки и ноги были забинтованы. Крови не видно, значит, раны действительно поверхностные и не очень серьёзные, только слева на груди небольшое рыжее пятнышко, чуть выше и левее сердца.

В соседних палатах раздавался громкий стук ложками о тарелки, в открытую дверь из коридора врывался аппетитный запах столовской еды. В это время выпорхнула та самая очаровательная сестричка с двумя кружками чая и поставила их на тумбочку.

«Прекрасно! – завертелось у меня в голове. – Я только что хотел спросить, как её зовут. А чай? Как я должен пить чай? Вот стрекоза!»

С этими мыслями я решил во что бы то ни стало подняться на кровати, но, напрягая руки и ноги, чувствовал в них жгучую боль. Сделав пару неудачных попыток, сдался. Хотя всё равно был удовлетворён: поднять руки и ноги смог, а значит, скоро встану с кровати. В это время в палату опять заглянула сестричка и, смущаясь, пропела тихим голосом:

– Извините, может, вы хотите, чтобы я вас напоила чаем?

– Ну либо напоите, либо принесите мне соломинку метра в полтора длиной, я сам его пососу.

Сестричка вначале недоумевающе выпучила на меня глаза, а потом раскатилась на всю палату звонким смехом.

– Меня Наташа зовут, – направляясь ко мне, сказала она.

– А я Крюк... в смысле Миша.

– Очень приятно, Миша. Давайте я вас подниму, и будем пить чай.

Она резким движением усадила меня на кровати и подложила под спину подушку, я только успел два раза крякнуть от боли, но виду не подал.

Наташа поила меня чаем, и мы начали болтать о всякой ерунде: о погоде, о сортах чая и кофе и даже о проклятых мухах. О, как я соскучился по этим непринуждённым беседам с женским полом, как мне этого не хватало! Я понял, что за последний месяц разговаривал только с мужиками и только на военные темы. А здесь это девчачье щебетание с милым украинским акцентом, как весенний ветер, ворвавшийся в окно после долгой зимы, вскружил мне голову, заставив задыхаться от переполняющих меня чувств и воспоминаний о беззаботном времени, родном доме и о своём уютном и цветущем зелёном городке. Я готов был расцеловать эту чудесную сестричку и крепко-крепко прижать к себе, этот маленький кусочек мирной жизни!

Концерт брякающих ложек постепенно стихал, и вдруг за стенкой я услышал звуки гитары. Это были незамысловатые и всем известные три аккорда. Я с удивлением посмотрел на Наташу.

– А, это Цыган, – поставив ударение на первый слог, тут же ответила мне она на немой вопрос.

– Цыган?

– Да, это наш раненый, местный, родом из Красного, позывной «Цыган».

– Интересно!

– Он классный! Песни сам сочиняет и сам поёт.

– Даже сам поёт? У-у, какой молодчина!

У Наташи покраснели щёки. Такое чувство, что они чаще красные, чем привычного и естественного цвета, очень уж скромная эта Наташка. Хотя розовые щёчки ей очень идут, и я понял, что мне нравится специально смущать её, приводя к их пленительному покраснению.

– Ладно, я пошла посуду собирать, а вы пока отдыхайте!

– Есть отдыхать! – кивнул головой я, на что Наташа улыбнулась и, ведя в сторону глаза, прихватив пустые стаканы, выпорхнула в коридор.

Через какое-то время в палату зашла другая медсестра возрастом примерно как у Наташки, но с видом и строгостью не меньше, чем у министра здравоохранения. С этой я болтать не осмелился, да и она молча и без интереса к общению воткнула мне капельницу в руку и удалилась.

Следом за ней в палату крадучись и прихрамывая зашёл какой-то смуглый, с торчащими в разные стороны кудрявыми волосами жгучего чёрного цвета парень лет двадцати пяти. Он подкрался к моей кровати и, заглядывая в лицо, прошептал:

– Братское сердце, не спишь?

– Нет, – ответил ему я негромко.

– Цыган, – протянул мне руку паренёк, но, осмотрев мои забинтованные конечности и воткнутую в руку иглу капельницы, тут же отдёргнул обратно.

– Крюк, – опять негромко ответил я.

Честно говоря, Цыган пришёл как раз вовремя. Две кружки чая дали о себе знать, и я уже начал ёрзать на кровати. Обратиться к нему с деликатной просьбой после нескольких секунд знакомства было крайне неудобно, и я решил подойти издалека.

– У тебя нога?

– Ага, а у тебя контузия, что ли? – разглядывая бутылёк капельницы, ответил Цыган.

– Ну да, лёгкая. И осколочные... тоже лёгкие... Слушай, глянь там утку под кроватью.

Цыган заглянул под кровать и, улыбнувшись, прошептал:

– На месте!

«Вот тормоз!» – подумал я, но вслух сказал другое:

– Слушай, я тут чая напился, и теперь... ну-у... мне это выходит боком!

– Боком?

– Да, боком. Вернее... В общем, чая я выпил аж два стакана, и теперь...

– Слушай, у меня печенье есть, я могу принести...

– Не надо печенья, мне другое надо, блин... по-маленькому!

– А-а-а, Наташку позвать, что ли?

– Да, блин...

– Да всё, всё, шучу я так, братское сердце, расслабься, сейчас всё сделаем, хотя, с другой стороны, пока сильно не расслабляйся.

Я выдохнул, а Цыган быстрым движением рук пристроил ко мне утку и, строго взглянув, спросил:

– Точно по-маленькому?

– Блин...

– Да всё, всё, ухожу, – засмеялся Цыган и похромал к выходу.

Через пять минут он зашёл обратно и, убрав утку под кровать, плюхнулся на койку Большого:

– А у тебя тут просторно, никого нет. На той неделе выписали сразу человек пятнадцать. Тебе тут не скучно одному?

– Почему одному, нас двое, – ответил я и кивнул на койку Большого.

Цыган задрал голову и уставился на плакат.

– Ну да, шикарная компания! Слушай, а хочешь, я буду к тебе заходить, у меня и гитара есть. Скоро тебе эту дрянь ставить перестанут, и мы с тобой сообразим мал-мал, – опустив взгляд с плаката на меня и стукнув пальцами по горлу, сказал он.

– Знаешь, я завязал с этим делом.

– Да ты шо? Совсем?

– Да, думаю, насовсем.

Цыган соскочил с кровати и протянул мне руку:

– Уважаю, братан! – но, опомнившись, отдернул её обратно. – Ладно, я поскакал, но ещё загляну.

Прихрамывая, Цыган «поскакал» в коридор, напоследок подмигнув мне и аккуратно закрыв дверь.

«Какой хороший парень этот Цыган!» – подумал я.

Остаток дня решил провести плодотворно. Весь день пытался справиться с руками и ногами, поднимая, опуская их и разводя в стороны. К вечеру уже мог свободно шевелить ногами, пользоваться правой рукой и, поднимая тело, садиться на постели, хотя всё это мне давалось с жгучей, но уже терпимой болью.

До самого вечера Большой так и не появился в палате. Я спросил о нём у Наташки, но она только развела руками и сказала, что не видела никакого Большого. Цыган тоже ко мне больше сегодня не заходил, хотя частенько из коридора и других палат доносились бряканье его гитары и громкий смех.

«Что ж, постараюсь разузнать обо всём завтра, а сегодня спать! День был длинный, но очень интересный!» – решил я и, проводив взглядом в окне закат, под унылое падение лекарства в капельнице заснул.

Было ещё темно. Дверь в палату открылась с громким скрипом. Я открыл глаза, пытаюсь в темноте разглядеть хотя бы силуэт входящего, но никто не входил. Кругом была оглушающая тишина, как тогда в «аду», и я отчётливо слышал, как на всю палату бьётся моё сердце, всё чаще и чаще. Вдруг в коридоре звонко, на всю больницу, заиграла гитара. Я вздрогнул от неожиданности – это была цыганочка.

В дверях, приплясывая, появился силуэт человека, а за ним входил другой, с гитарой, с торчащими в стороны кудрявыми волосами. Танцующий силуэт, то приседая, то вскакивая, то бесшумно ударяя себя в грудь, то разведя в стороны руки, медленно, под цыганочку приближался к моей кровати.

– Тихо! Вы чего? Цыган, тихо! Вы всех разбудите! – с пересохшим горлом захрипел я.

Парочка неугомонных музыкантов, не обращая на меня никакого внимания, вышла на середину палаты, где их сквозь окно осветила своим светом луна. Лицо Цыгана я узнал сразу, а вот лицо «танцора» показалось мне знакомым, но в слабом свете луны и в быстрых танцевальных движениях я его не узнал.

– Тихо, мужики! Вы же всех разбудите! – вновь прохрипел я. – Цыган! Слышишь меня? Цыган!

И тут, докрутив очередной «пируэт», резким движением ко мне наклонился «танцующий» и, прижав свой белый и холодный лоб к моему лбу, глядя в упор какими-то бесцветными, как будто выцветшими зрачками, улыбаясь, прохрипел: «Микола я, Микола, а не Цыган!» – и пустился ещё быстрее танцевать цыганочку.

В глазах у меня пролетела та страшная сцена в трёхэтажке, когда я и Микола...

– Не-е-ет! – закричал я. – Нет! Уходите!

Что было сил, я дёрнулся и с криком сел на кровати, обливаясь потом. Открыв глаза и увидев пустую палату, понял, что это был всего лишь сон. Повернувшись к кровати Большого, обнаружил её опять пустой. Луч света от луны так же, как и во сне, освещал центр палаты. В дверь, включив свет, вбежала Наташка:

– Вы чего кричите? Приснилось что-то?

– Да-а, нет! – часто дыша и продолжая обливаться потом, прохрипел я пересохшим горлом.

Наташка подошла к тумбочке и налила из графина, который я почему-то раньше не замечал, стакан воды. Присев на краешек кровати и подав мне стакан, она зашептала:

– Нате, попейте!

Я стал жадно, с громкими звуками в горле глотать воду.

– Может, вам оставить свет? – поставив пустой стакан на тумбочку, спросила Наташка. Я кивнул головой и прошептал:

– Посиди со мной... Хоть чуть-чуть.

Наташка в ответ тоже кивнула головой и, взяв мою руку, принялась её наглаживать. Сидя на месте, еле заметно она стала покачиваться и тихонько напевать звуки, похожие на колыбельную.

Я лёг на кровать, тяжёлое дыхание сменилось на сопение, глаза закрылись. Вдруг передо мной побежали картинки. Это снова была больница, кругом слышались выстрелы, вопли ужаса, плач. Я увидел, как в угол палаты кем-то брошенная падает Наташка. На её лице раны от ударов, кровь бежит из носа, заливая и так уже багровый халат. Она кричит, что есть силы, от страха! К ней подходят трое военных с шевронами в виде украинских флагов на рукавах и с кривыми улыбками на лице. Они переглядываются друг с другом, что-то говоря на украинском и вроде как на польском языках. Потом двое из них наклоняются к Наташке и хватают её, орущую от ужаса, за ноги, разрывая на ней уже совсем красный от крови халат...

Вновь с криком я открыл глаза и выдернул кисть из рук сидящей на краешке моей кровати и задремавшей Наташки.

– Тише, тише, тише... – зашептала как младенцу по-матерински она и, взяв обратно мою руку, вновь начала её гладить.

– Ничего, ничего! – шептала она. – Здесь многим ужасы снятся... Проклятая война!

– Наташа... Наташа... – с трясущимися губами пробормотал я и, глядя в её карие глаза, заплакал.

– Тише, тише, тише... – опять зашептала она. – Всё уже, кошмар ушёл, всё хорошо!

Она, закрыв глаза, опять стала покачиваться, поглаживая мою руку и тихонько напевая еле слышно свою колыбельную.

Я пристально, с каким-то неопишуемым ужасом, роняя слёзы, смотрел ей в лицо. Из головы не выходила страшная картина. Мне хотелось кричать, взять Наташку за плечи, разбудить, чтобы она бежала. Бежала

прочь вместе с доктором из этой проклятой больницы! Но в бессилии, стиснув зубы, лишь тихо мычал с комком в горле, обливаясь горячими слезами.

Лишь только минут через тридцать я смог успокоиться и под нежные поглаживания руки и мурлыканье колыбельной уснул. Больше в эту ночь мне ничего плохого, да и хорошего, не снилось.

Моего лица коснулся тёплый свежий ветерок, и я открыл глаза, увидев «любимую» капельницу, торчащую из руки, и приоткрытое окно с качающимися от влетающего в палату ароматного воздуха занавесками. Я открыл рот, пытаюсь надышаться этой свежестью. За окном пели птицы, встречая очередной летний солнечный восход. «Какое прекрасное утро!» – промелькнуло в моей голове. Я снова вспомнил о доме, о своём цветущем и благоухающем фимиамом сибирских деревьев и цветов городе, и слёзы вновь сами собой покатались по моим щекам. Последнее время я стал слишком сентиментальным...

Чуть взбодрившись, не стал терять время даром и принялся выполнять физические упражнения ногами и свободной от капельницы правой рукой.

Госпиталь потихоньку просыпался. То в одной стороне коридора, то в другой слышались шарканье по полу тапочек, стук дверей и скрип кроватных пружин. В палату ко мне вбежала «строгая» сестра и, дежурно выпалив: «Доброе утро!» – вытащила иглу, схватила стойку с капельницей и выскочила вон, так и не дождавшись моего ответного утреннего приветствия. В открытую дверь потянуло запахами супа и котлет, которые я сегодня намеревался употребить в двойном количестве.

– Можно? – учтиво постучавшись в дверь, заглянул Иван Аристархович.

– Да, конечно! – ответил я ему с довольной после двойного завтрака физиономией.

Доктор, усевшись рядом с моей кроватью на табуретку, начал листать бумажки:

– Та-ак, дуг мой, как у нас дела?

– Да ничего, пойдёт.

– Встаёте? На прогулку ходите?

– Нет... Вы же приказали лежать, отдыхать.

– Я? Ну да, ну да... А вы и гады поваляться?

– Я не гад... Ой, в смысле не рад, наоборот...

– Ну так что ж, встаём и в процедурку шагом марш! Встаём, встаём!

Я, собрав все силы в кулак, дёрнулся и, к моему удивлению, без больших болей и усилий поднялся на кровати, а потом и на ноги. Перед глазами немного поплыло, но недолго, вскоре фокус настроился.

В палату зашла «строгая» сестра и встала рядом с Иваном Аристарховичем. Тот, глядя на меня, заулыбался, потом, повернувшись к сестре, дал указания:

– Хогошо, просто хогошо! В процедурку его, бинты снимаем, на плече пегевязка.

– Поняла, – как-то равнодушно кивнула та.

– Хогошо, молодой человек! Вам гулять на свежем воздухе, дышать... А то бледный, как попка у моего внука! – уже повернувшись ко мне, приказал доктор и засмеялся. Затем, как обычно, вытерев губы платком и что-то подпевая себе под нос, он пошёл в следующую палату.

Я сидел на скамейке в сколоченной из досок веранде-«грибке» и наслаждался чистейшим, ароматным от цветов и зелени воздухом и окружающим меня пейзажем. Наконец-то с меня сняли противные бинты, и я разглядел свои раны. Это были даже не раны, а ранки и царапины на руках и ногах от мелких осколков. На лице тоже были две царапины, на лбу и на щеке, обильно покрытые зелёной. Со слов сестры из процедурной, мне очень повезло! Я мог остаться без глаз или без зубов, а что ещё страшнее, по её мнению, и без «очень важного органа»! Но, на мою удачу, все эти осколки принял на себя солдатик, которого бросило на меня в окопе и который, скорее всего, тогда погиб. Единственная серьёзная рана на левом плече, опять же со слов сестрички, затягивалась хорошо, и я должен буду через пару недель стать как малосольный огурец!

– Ой, ой! – услышал я стоны у входной двери госпиталя. Это Цыган, повиснув на Наташке, выплывал на улицу.

– Чего ты заойкал-то?

– Ой, что-то у меня сегодня нога ноет, ой!

Цыган увидел меня и, покрепче прижавшись к Наташке, приказал:

– Тащи меня к Крюку!

Та покорно и не сопротивляясь, как обычно покраснев на обе щеки от Цыганских прикосновений, потащила его ко мне.

Цыган, ойкая и причитая, как старый дед, уселся в «грибке» напротив меня и, взяв в зубы сигарету, скомандовал Наташке:

– Так! И принеси мне мою гитару, она на кровати лежит!

– Щаз-з, только шнурки поглажу, – с украинским произношением буквы «г» ответила та и, развернувшись, зашагала к дверям.

– Ну, Натусик! Ну, голубка моя! – тоже с украинским говором заканючил Цыган.

Наташка, не останавливаясь и не оборачиваясь, показала в его направлении фигуру из трёх пальцев и зашла в госпиталь.

Цыган, подкурив сигарету, повернулся уже ко мне и с улыбкой сказал:

– Любит меня девка, ой, как шибко любит!.. Здорова, братское сердце! – и протянул мне ладонь. Мы пожали друг другу руки, и он продолжил:

– Гляжу, с тебя сняли повязки.

– Ага, наконец-то, аж тело задышало... А ты её любишь?

– Кого?

– Наташку.

– Да ты шо! Она ешо ребёнок! Так, от нечего делать загоняю её в краску. Видел, как её пухляши краснеют?

Я кивнул в ответ головой.

– А ты чего спрашиваешь? Задумал, поди, шо? Смотри, я её в обиду не дам, на раз по щам пропишу!

– Да нет, чего ты? Она мне как сестрёнка! Я и сам за неё в роговой отсек нарезать могу!

Мы посмотрели друг на друга и громко рассмеялись. Тут из госпиталя выпорхнула Наташка с гитарой в руках и, протянув её Цыгану, смущаясь и краснея обеими щеками, защебетала:

– На... а то погрёшь ешо без своей брякалки! – и уже было собралась бежать обратно, но Цыган ухватил её за руку и остановил:

– Наташ, сядь, посиди с нами чуть-чуть...

– Да некогда мне!

– Ну, чуть-чуть, пять минуточек. Я тебе песню спою. Вон, виж, и Крюк тебя просит!

Наташка посмотрела на меня, я утвердительно кивнул.

– Ну ладно, если пять минуточек...

Она села рядом с Цыганом, вначале прижавшись к нему, но потом, взглянув на меня, демонстративно отодвинулась на пионерское расстояние.

Цыган бросил сигарету и каким-то необычайным перебором стал извлекать из гитары волшебные романтические звуки. Взглянув Наташке в лицо, он звонким, но глубоким голосом настоящего цыгана затянул романс: «Я встретил вас, и всё было...»

Да, они, наверное, и правда какие-то колдуны, эти цыгане. Я находился в оцепенении и в полном восторге от услышанного, от красоты голоса и звуков гитары. Я представляю, что творилось сейчас с Наташкой, которая, как зачарованная, с влюблёнными глазами, застыв на месте, сидела и не могла оторваться от Цыгана. Но вскоре, как бы очнувшись от колдовских чар, она соскочила и, почему-то крикнув на Цыгана: «Дурак!» – побежала в госпиталь, естественно, с раскрасневшимися щеками. Цыган громко рассмеялся, а потом с серьёзным видом забренчал на гитаре другую песню.

Цыган пел самоотверженно, с какой-то болью в сердце, с дрожью в голосе и одновременно с силой и напряжением, как будто это касалось его лично, его жизни, его прошлого и будущего.

Он замолчал. А я вспомнил Большого и его слова про Союз, про Бога, про то, что эта война – наказание за предательство.

– Слушай, Цыган, а ты давно видел Большого?

– Кого большого?

– Ну, моего соседа по палате, позывной Большой.

– Ты шо, Крюк, сала обожрался? Какого соседа? Ты же с самого начала один лежишь... как цыганский барон.

– В смысле? Со мной в палате лежал Большой... и я... я же с ним разговаривал... о-о-о, блин... нет, ну, в смысле, мы с ним разговаривали... это, что ж, всё галюны, что ли?

Прошло десять дней. Цыгана намеренно выписали, и после его проводов одна половина пациентов ходила с головными болями от похмельного синдрома, другая, непьющая, с облегчением выдохнула и надеялась наконец-то спокойно, в тишине долежать предписанный врачом срок. Мне тоже пообещали выписку на днях после того, как снимут швы с раны на плече. На улице стояла невыносимая жара, и «ходячие» пациенты вместе с персоналом госпиталя частенько лежали на траве в тени жи-

деньких деревьев, прячась от палящего солнца. Ничего, кроме сводок по телевизору и радио, не напоминало о том, что в нескольких десятках километров отсюда есть линия так называемого боестолкновения, всё ещё проходящая между нашими окопами и окопами ВСУ.

Я несколько раз пытался дозвониться до мамы, но её мобильный телефон был недоступен, а на домашнем никто не снимал трубку. К сожалению, телефонные номера соседей на память не помнил, и поэтому последние две недели пребывал в полном неведении и тревоге за маму.

Время подходило к ужину, я сидел под деревом в позе йоги и в сотый раз перечитывал молитвослов, когда-то подаренный мне Большим и теперь имевший в самом своём центре отверстие пятиугольной формы от поразившего меня осколка. Основные молитвы, такие как «Отче наш», «Символ веры», «Богородица Дево, радуйся!», я от скуки давно уже выучил наизусть и теперь был готов предъявить их при входе в ад. Но действительно ли я видел в тот несчастный день ад или это всего лишь плод моего больного воображения, так же, как и Большой в палате? Однозначно сказать не мог и гадал по этому вопросу до сих пор.

Я уже дочитал и собрался было выдвинуться на ужин, как увидел Наташку, бегущую мне на встречу в своих огромных тапках.

– Миша, Михаил! – кричала она. – Там к вам пришли, идите скорее!

– Кто? – подскочил я с земли.

– Там ваша мама приехала, скорее!

Я ринулся в госпиталь.

– Она в вашей палате ждёт! – крикнула мне вдогонку Наташка.

Я пулей забежал на второй этаж в свою палату. На кровати сидел самый близкий на сегодняшний день для меня человек – моя мама! Я подлетел к ней, упал на колени и, уткнувшись ей лицом в живот, громко-громко, навзрыд зарыдал. Мама тоже заплакала, поглаживая меня по обросшей голове, то и дело целуя в косматую макушку.

– Мишенька, Мишенька, мой сыночек! – сквозь слёзы приговаривала она. – Что ж ты, обалдуй, наделал, зачем ты так уехал, ничего не сказал?

– Я хотел папку найти! – ревел в ответ я.

– Папку!.. Обалдуй мой! Я чуть не умерла. Хорошо хоть письмо от тебя пришло! – подвывала мама.

Минут пять мы рыдали, крепко прижавшись друг к другу. После я вытер покрасневшие глаза и стал всматриваться в неё, а она в меня. Мне показалось, что она как-то быстро состарилась, стала маленькой, осунулась. На голове у неё поседела уже вторая половина волос, а от бывшей благородной причёски не осталось и следа, волосы вроде были старательно уложены, но тут и там всё же торчали клочками в разные стороны. А худоба на загоревшем смуглом лице подчёркивала усталые синяки под глазами и глубокие морщины, изрезавшие её щёки. А ведь ей всего лишь пятьдесят!

Мама смотрела на меня пристально, как будто боясь не успеть наглядеться. Она тихонько прикоснулась к моему лицу и провела рукой по шраму на щеке. Из глаз у неё снова побежали слёзы.

– Мама, хватит, ну что ты плачешь, я ведь живой, почти здоровый, не надо!

– Хорошо, хорошо, сыночка, не буду!

– Что там дома?

– А что там дома, Мишенька? Четыре стены да потолок. Папы нет, тебя нет. Вот как только узнала, где ты, взяла отпуск за свой счёт и прилетела... Подожди, чего это я? Я же тебе пирожки привезла, твои любимые, с ливером.

Мама достала из спортивной сумки завёрнутые в полотенце пирожки и подала мне. Запах моего детства и родного дома опять чуть не заставил меня заплакать, но я сдержался и, взяв пирожок, почти полностью запихнул его в рот, наслаждаясь любимым вкусом. Следом второй, потом третий. Люди находятся в таком блаженстве, когда найдут клад или выиграют в лотерею, а я просто попал в nirвану от маминых пирожков с ливером!

Я жевал, а мама гладила меня по голове и рассказывала последние новости из дома:

– Соседка, баба Маша, умерла, на той неделе похоронили. А Витька, помнишь, Иванов, с нашей ограды? Приехал домой с перебитыми ногами, но живой. Говорят, ничего, ходить будет, только хромать. Но он и так прихрамывал, кто его только на СВО взял?

Мама достала из сумки бутылку с газировкой, аккуратно налила в стакан и подала мне, чтобы я запил.

– А Васька? Васька вернулся? – взяв в руки стакан, спросил я.

– Нет, ничего не слышно. Как уехал, так ни слуху, ни духу.

– А как же ты меня нашла? Я ведь точный обратный адрес не писал, только подразделение.

– А-а-а, вот я уже, видно, совсем старая стала! Мне же помог один человек со связями в военкомате.

– Какой человек?

– А вот этот, – ответила мне мама и кивнула на дверь.

В дверях стояла Алёнка и смотрела на меня. Я поднялся на ноги. Несмотря на усталый вид, Алёнка выглядела просто шикарно: аккуратно покрашена, в короткой до колена юбке и белой тоненькой блузке. Мне показалось даже, что она стала намного стройнее, чем обычно, просто супермодель. Я протянул к ней руки, и она ринулась в мои объятия, крепко, всем телом прижавшись ко мне.

Мы стояли, обнявшись, она что-то неразборчиво шептала около моего уха, и даже боль в плече не могла разогнать ту стаю прекрасных бабочек, летающую в наших животах и над нашими головами. Мне хотелось поднять её на руки и кружить по комнате, неистово целуя её в долгожданных, крепких объятиях. Но нашу идиллию разрушила мама, одним махом разогнав всех бабочек по углам:

– Ну хватит, хватит, вечером пообжимаетесь!

Мы сели втроём на кровать. Мама тут же протянула очередной пирожок с ливером, от которого теперь я, естественно, отказался:

– Мама, у нас сейчас будет ужин, спасибо, конечно, тебе большое!

– Да какой ужин? Хватит жевать в этой вашей столовке, давай собирайся, я там по дороге знаю нормальную забегаловку! – категорично возразила мама.

– Да-да, очень приличная еда, мы кушали, – поддержала её Алёнка.

– Эх, спелись! – только и смог промямлить я.

Я сходил в подвал, взяв на складе у местного «вещевика» более или менее нормальную гражданскую одежду. Ну, как взяв, – выменяв на оставшиеся пирожки с ливером. И, отпросившись попутно у Ивана Аристарховича в увольнение, отбыл к месту дислокации забегаловки.

«Да-а, давно я так не сидел за столиком в приличном месте с приличной компанией! – промелькнуло в моей голове. – «Гражданка», «гражданка», как я по тебе скучаю!»

Мама взяла графин с водочкой, но, к её удивлению, я отказался от рюмки, чем в этот раз она была неожиданно огорчена. Я старался больше налегать на мясные блюда и салаты, которые не ел уже два месяца! Женская половина общества, без зазрения совести употребив по несколько сотен грамм алкоголя, смотрела упорно мне в глаза, разлив по щекам розовый румянец.

Первая не выдержала мама:

– Ну что ты, сыночек, как думаешь дальше?

– Что дальше?

– Ну, вообще, дальше жить.

– Не знаю, а что?

– В смысле не знаю? Ты что, собираешься вернуться назад, на войну?

– Ну да! А что, у меня есть выбор?

– Конечно! Ты ведь добровольцем пошёл, поэтому в любое время можешь уйти. Хватит уже, навоевался!

Я в оцепенении, хлопая глазами, уставился на маму.

– А отец?

– А что отец? Ты уже два месяца здесь и хоть что-нибудь узнал?

Мама закрыла руками лицо и тихонько заплакала. Я протянул к ней руку:

– Мам, ну перестань!

– Да иди ты... – ударив по моей руке, всхлинула мама.

– Ольга Владимировна, не плачьте! – неожиданно издала звуки слегка заплетающимся языком Алёнка.

– Ладно, ладно, всё, не плачу! – потеряв накрашенные глаза, пробормотала мама.

Алёнка знаками показала ей, что тушь на глазах размазалась, и мама, встав из-за стола, пошла восстанавливать стрелки.

Алёнка взяла меня за руку своими горячими ладонями и стала пристально глядеть в глаза так же, как намедни мама, боясь не успеть насмотреться. Тепло её ладоней, поплыв по рукам вверх, дошло до головы, и в ней побежали быстрым комиксом перед глазами картинки.

Я увидел Алёнку во дворе моего родного дома. Она такая же, как и сейчас – красивая, хорошо одетая. Держит за ручку детскую коляску, потихоньку покачивая и заглядывая внутрь. К ней в спешке, с широкой улыбкой подошёл незнакомый мне молодой человек в костюме и галстуке, поцеловал её в щёку, а затем, помахав рукой в коляску и Алёнке,

поспешно зашагал прочь с кожаным портфелем в руке. Алёнка, махнув ему рукой в ответ, стала прогуливаться вдоль дома. Остановившись у моего подъезда, она радостно заулыбалась и вытянула вперёд руки. Навстречу к ней из двери вышла мама со счастливым видом. Они крепко обнялись...

– Миша! Миша, ты меня слышишь?

Еле уловимый гул в ушах пропал, и я, как бы очнувшись ото сна, увидел, что ко мне обращается Алёнка.

– Что?..

– Уснул, что ли?

Я потряс головой и, сфокусировавшись на Алёнке и улыбнувшись, ответил:

– Ты меня просто загипнотизировала! – и от всей души поцеловал её.

Из дамской комнаты вернулась мама и, усевшись за стол, забормотала:

– Слушайте, что-то мне нехорошо! Видимо, алкоголь не высшего качества, ключница гнала. Я пойду в гостиницу, полежу, а вы сходите погуляйте...

Она как-то хитро подмигнула Алёнке, кинула из сумочки на стол две тысячи рублей и направилась к дверям.

– Мама, тебя проводить? – крикнул ей во след я. Она в ответ махнула отрицательно рукой и вышла на улицу. Переглянувшись с Алёнкой, мы решили последовать её совету.

В этом небольшом посёлке оказалась только одна центральная асфальтированная улица с тротуарами – и та небольшой протяжённости. Неспешным шагом её можно пройти за полчаса, но наш путь с Алёнкой занял намного больше времени. Мы ворковали, как голубки, предаваясь воспоминаниям, часто даже икая от смеха и перемазав лица мороженым в попытке накормить друг друга. Передвигаясь от скамейки к скамейке, спасаясь от знойной жары в тени деревьев, мы то и дело застывали в поцелуе, вжимаясь друг в друга в крепких объятьях.

Незаметно подкрался закат. Вокруг стало свежо, запищали назойливые комары. Мы остановились у небольшого магазинчика, Алёнка ненадолго забежала в него и выскочила с бутылкой красного вина.

– Я приглашаю тебя в гости! – с порозовевшими щеками, глядя мне в глаза, каким-то соблазняюще тихим голосом сказала она.

Я почувствовал, что мои щёки тоже порозовели, сердце бешено забилося в груди, и я заикаясь ответил:

– В гостиницу? К маме?

– Нет, дурачок, я сняла частный домик, тут недалеко. Пойдём?

Не знаю, как это выглядело снаружи, я пытался казаться спокойным, но внутри у меня был такой круговорот, бушевали такие смерчи! Волнение крепко схватило моё сердце, которое выскакивало из груди. Я опустил взгляд на её грудь и несуразно промямлил:

– Ну, пошли, наверное...

В домике было всё чисто убрано и по-деревенски добротуно. На стенах висели ткани с вышитыми красивыми узорами, в углу на полочке стояли

иконы, тоже украшенные белой тканью с красной вышивкой. Но это была не старинная мазаная изба с соломой на полу. В гостиной стояла современная мягкая мебель, шкаф-стенка, а в ней большой, правда, кинескопный телевизор. В спальне так же всё было украшено вышитыми тканями, на полу разноцветная плетёная дорожка и шикарная двуспальная кровать с большой пирамидой из подушек разного размера.

Проходя мимо икон, я как-то невольно перекрестился, сказав про себя: «Господи, спаси и сохрани!» Это получилось на автомате, откуда это у меня, я не понял, но заострять на этом внимание тоже не стал. Алёнка с громким стуком поставила вино в центр стола и собралась было достать из холодильника какую-нибудь еду, но, услышав мой отказ пить, подошла ко мне и резким движением сняла с меня футболку. Боковым зрением в зеркале увидел свой торс. За эти два месяца я здорово подкачался. Моё тело превратилось из тощего мешка с костями в красивое, загорелое тело Аполлона. Но эти мысли оборвала Алёнка, которая, взяв меня за руку, дёрнула и повела в спальню.

Первые яркие солнечные лучи осветили мне лицо, я открыл глаза, на часах было шесть. Я лежал на обалденной мягкой кровати. На улице то в одной стороне, то в другой голосили петухи. На моей груди спала Алёнка, посапывая и щекоча красивыми мягкими чёрными волосами с невероятно обольстительным запахом полевых цветов.

В жизни каждого есть ночь, о которой он вспоминает всю жизнь. Это была ночь, которую я точно никогда не забуду! Можно назвать её ночью любви, хотя я никогда не признавался в этой самой любви Алёнке, в принципе, так же, как и кому-либо.

В моей голове было полное ощущение, что я нахожусь в своём родном городе, вокруг мир и благодать, нет никакой войны, а есть только я и посапывающая Алёнка, которую так не хочется будить. Как же мне хотелось продлить эти блаженные мгновения мирной жизни! Я стал понемногу склоняться к тому, что, может быть, на самом деле плюнуть на всё и вернуться домой с мамой и Алёнкой, зажечь спокойной семейной жизнью, построить дом, посадить дерево и нарожать детишек? Не оглядываться, не пригибаться и не падать на землю от громких звуков, посреди улицы не торопясь кушать мороженое, да просто сидеть по полчаса в тёплом туалете с телефоном, чтоб вас всех...

Как я ни оберегал сон Алёнки, она всё-таки проснулась. Но не из-за меня, а из-за сирен колонны машин скорой помощи, пронёсшихся перед нашим окном.

– Что такое? – щуря на солнце глаза, спросила Алёнка.

– Вставай, что-то случилось! – аккуратно убрав её руку со своей груди и спрыгнув с кровати, крикнул я.

– Что случилось?

– Не знаю. Я – в госпиталь, а ты беги к маме, посмотри, всё ли у неё в порядке.

Алёнка кивнула мне в ответ и стала вылезать из-под одеяла.

Одевшись по-армейски быстро, я стал так же быстро умывать лицо и шею в умывальнике. Моё сердце забилося, когда я увидел Алёнку, укутанную в простыню и выходящую из спальни. Она что-то хотела сказать,

но я подскочил к ней и в каком-то невероятном порыве стал её целовать. Пришёл в себя опять от сирен, пролетающих за окном скорых.

– Всё, я пошёл! – чмокнув напоследок Алёнку в щёку, сказал я.

– Я к маме, а потом прибегу к тебе! – закричала она мне вслед.

Я изо всех сил побежал к госпиталю. Около входа стояли машины скорой помощи. Из них вытаскивали раненых бойцов по два, по три человека, из одной – аж четыре. Разгрузившись, скорые, включив сирены, улетали обратно в неизвестном направлении. Санитары и медсёстры за-таскивали раненых на носилках внутрь, им помогали ходячие больные. Подбежав к входу, я выхватил ручки носилок у Наташки.

– Что случилось? – заглянув в её зарёванные глаза, спросил я.

– Не знаю, – всхлипывая, ответила она, – вроде как из-под Красного везут!

Я побежал с носилками внутрь, сзади, за мной, спотыкаясь, еле поспевал молоденький санитар, видимо, ещё студент, не успевший закончить медицинское училище.

– Ты где был? – услышал я впереди до боли знакомый картавый голос.

– Я отпускал тебя до вечера!!!

– Здесь я, здесь! – пробегая мимо Ивана Аристарховича, откликнулся я.

– Давай этого на третий этаж и мухой обгатно, таскать некому!

– Есть! – крикнул я и мухой понёсся на третий этаж, волоча за собой носилки и прицепившегося к ним санитара.

Передохнуть мне удалось только через двадцать минут. Я сел в «грибок», тяжело дыша и вытирая со лба и шеи пот окровавленной от чужих ран футболкой. В дверях показалась Наташка, выводящая на улицу легко раненного в плечо бойца. В госпитале было столько народа, что Иван Аристархович решил «лёгких» и «старолежащих» выводить на улицу, на свежий воздух. Я подбежал к Наташке и перехватил раненого.

– Ведите его на скамейку в тенёк, – скомандовала она мне.

– Слушай, а Цыгана здесь среди них нет?

– Я не видела, а Вы? – обернулась ко мне с испуганным взглядом Наташка.

– Нет. И я, слава Богу, не видел!

Мы дошли с раненым до скамейки и уселись рядом.

– Что случилось? – спросил я у него.

– Что? – заорал тот, глядя на меня.

Я помотал головой, понимая, что человек оглушён и расспрашивать его бесполезно. Мы оба опустили взгляды в землю и сидели так молча, пока в дверях опять не показалась Наташка с очередным хромящим «лёгким» раненым.

К восьми часам подошли мама с Алёнкой. У мамы медицинское образование, и хотя она работала детским врачом, тут же побежала в госпиталь узнать, чем может помочь.

– Что произошло? – спросила меня запыхавшаяся Алёнка.

– Да не знаю я. Вроде какое-то наступление... кого на кого, я так и не понял. У половины ноги пооторваны, у остальных – огнестрелы автоматные, пулемётные...

– Да-а-а, весело тут у вас! – выдохнула Алёнка.

– А у вас? – вспыхнул я.

Мне было неприятно от неё слышать это разделение на наших и ваших. У нас – это где? А у вас – это где? Вроде живём в одной стране, одним народом! Или уже нет?

– Чего ты? – обиженно заныла Алёнка. – Что я тебе такого сказала?

– Да ничего, ничего, родная, это я так.

Я прижал её к себе, чтобы успокоить, и случайно измарал её белую блузку кровью.

– Ну вот, теперь не достигаешься! – огорчённо продолжала ныть она.

– Иди домой, иди, я всё равно пока буду занят. Вечером придёшь. Хорошо?

– Хорошо! Я приготовлю ужин.

– Конечно, приготовь.

Я поцеловал Алёнку в щёку, и она побрела домой, то и дело оглядываясь и помахивая мне рукой.

Последний раз я столько таскал на своём горбу месяц назад, когда мы два дня разгружали и загружали грузовики с боеприпасами. К вечеру спина стала непрестанно ныть, так же, как и рана на плече под швами. Футболка и джинсы были покрыты засохшими кровяными пятнами, но вещевик, который их мне дал, увидев это, даже не заругался.

Раненых после обеда перестали подвозить. Наверное, перенаправили в другие места, потому что у нас уже не было места. Кто, где и как сегодня будет ночевать – абсолютно непонятно. В больнице собрались все врачи с округи, но их всё равно не хватало, поэтому мамыны руки пришлось очень кстати. Вышла она на улицу только часов в шесть вечера. Подойдя ко мне, плюхнулась рядом на скамейку. Руки у неё тряслись, лицо было бледное, но в отличие от меня она была чистой, наверное, умылась внутри. Мама посидела несколько секунд и, закрыв лицо руками, громко зарыдала. Я её крепко обнял, но никак не мог успокоить, она всё рыдала и рыдала. Я гладил её поседевшие волосы и руку. Она повернулась и, взглянув своими зарёванными глазами мне в лицо, всхлипывая, сказала:

– Миша, Мишенька, я прошу тебя, поехали домой. Сейчас я возьму направление у Ивана Аристарховича в нашу больницу и поеду! Там Алёночка, хорошая девочка, будете дружить, заведёте деток, а?

При этих словах ком подкатил к моему горлу. Да, я должен признаться себе, я хочу домой, хочу к Алёнке. Да уже согласен на этих деток! Но что меня держит? Почему я не могу произнести это вслух? Ведь это естественно для нормального человека, и ничего такого в том, что я просто хочу жить, тут нет! Я опять обнял маму и зашептал:

– Хорошо, мамочка, хорошо...

– Здравствуйте! – неожиданно услышали мы спокойный низкий голос в стороне от нас.

Мы с мамой одновременно повернули головы и увидели батюшку, идущего от раненых к нашей скамейке. В суете я даже не заметил его и другого батюшку, немного поодаль стоящего у небольшого стола с какой-то металлической вазочкой, книгой и иконами. Батюшка был не старый,

лет сорока пяти, с густой бородой, чуть полноват, но с красивым светящимся лицом.

– Здравствуйте! – вытирая слёзы, ответила мама, я кивнул головой.

С детства я с уважением отношусь к священникам и где-то даже побаиваюсь их. Я всё время считал, что они будут сильно меня ругать за то, что я не хожу в церковь и не молюсь. Хотя раньше, когда был маленьким, я молился перед сном, по-детски, как умел, выпрашивая у Бога здоровья для мамы и папы и мир во всём мире. Позже это дело как-то само собой прошло. Ровно тогда я и начал пить вино и гулять по девкам... Отца теперь, наверное, нет, да и мира тоже... осталась одна мама... Видимо, пришло время опять начинать молиться.

– Зачем ты плачешь, душа моя? – усевшись рядом с мамой, спросил батюшка, растягивая слова, с местным говором.

– А вы что не видите, что тут происходит?

– Я, родная моя, это уже восемь лет вижу... Не надо убиваться, слезами делу не поможешь! У тебя кто-то ранен или погиб?

– Да, нет, слава Богу, вот он, мой сыночек, живой и здоровый!

– А муж?

– А мужа я четыре месяца не видела...

– Не унывай, душа моя, на всё воля Божия!

Мама посмотрела по сторонам, на раненых, и с какой-то издёвкой произнесла:

– Я вижу...

– А ты давно исповедовалась и причащались, душа моя?

– Да я уж и не помню.

– Надо, надо... Пойдём, я с тобою поговорить хочу, душа моя.

Батюшка взял маму за руку и повёл к столу. Мама не сопротивлялась, наоборот, было такое чувство, что она ждала этого разговора.

Ко мне на её место подсел раненый с перевязанной левой рукой:

– Здорова, братское сердце! – протянул он мне правую.

– Здорова! – ответил я и пожал её. – Ты, случайно, не из роты Иваныча? – спросил я раненого.

– Из... бывшей роты Иваныча. Ты тоже?... А я смотрю, физия знакомая. Ваню! – опять протянул мне руку раненый.

– Крюк! – снова пожал её я. – Рассказывай, братское сердце, как там? Как Иваныч, Станина?

– Ты что, вообще не в курсе?

– В курсе чего?

– Так Иваныча ещё месяц назад миной убило, царство ему небесное. Когда петухи на нас с бэтэрами полезли.

– Это когда народ пирожками траванулся?

– Да-да! Я еле-еле тогда выжил, это было что-то.

– Понятно! Я был там, с тех пор здесь и лежу.

– А, ну вот. Иваныча тогда убило, а вместо него через неделю к нам попал лысый упырь, майор Павлюк, крыса тыловая! Три недели ходил, орал, глаза выпучив, по делу и просто так, а позавчера, видать, приказ пришёл Красное брать, так этот ухарь собрал нас всех и без сапёров, без артиллерии, без разведки, вообще без всякой поддержки, чуть ли не шеренгами отправил брать Красное...

Вано отвернулся в сторону и, отдышавшись, продолжил:

– Оказалось, тарасы давным-давно поле заминировали. Потом, когда подошли к дальнему бэтэру, на нас посыпался такой шквал огня... автоматы, пулемёты, миномёты...

Вано опять отвернулся в сторону. Продолжил он, уже стиснув зубы и всхлипывая:

– Вытаскивать нас под обстрелом было невозможно. До ночи лежали... потом по темноте, кто смог, тот выполз к нашим...

Вано снова отвернулся, потом, махнув рукой, встал и побрёл к другим раненым, вытирая слёзы.

– Вано, скажи, а Станина... Станина живой? – крикнул я ему вслед.

Вано обернулся:

– Да! Станина-братишка и ещё два человека только и вытаскивали пацанов с поля, не обделались. Станина человек двадцать вытащил...

Меня как будто накрыло артиллерийским залпом. В ушах вновь зашумел тот противный и уже давно забытый писк. Что это? Как это? Что делать?

Вернул меня в чувства пробегающий мимо Иван Аристархович.

– Так, Михаил, чегез час снимаем швы и на выписку... Если есть где пегеночевать, то будьте добгы... сами видите, что твогится...

– Хорошо, Иван Аристархович, у меня есть, где переночевать.

– Ну и славненько, славненько... – похлопал он меня по плечу и, уже удаляясь, на бегу, закричал в сторону Вано: – Сидогенко, бегом на пегевязку!

К скамейке не торопясь подошли мама и батюшка. Они на ходу ещё о чём-то разговаривали вполголоса, потом мама сложила ладошки одна на другую и тихонько произнесла:

– Батюшка, благословите!

– Бог благословит, душа моя! – ответил батюшка и, что-то произнося шёпотом, перекрестил маме голову, как-то странно сложив пальцы руки, а потом дал ей поцеловать свой огромный нательный крест.

– Ну а ты, душа моя, – повернулся ко мне батюшка, – побеседовать не желаешь?

Я соскочил со скамейки и вытянулся, как будто ко мне обратился офицер. Но что-то внятное вымолвить не смог. Батюшка продолжил:

– У тебя контузия, что ли, душа моя?

– Да была у него контузия, прошла! – опередила меня мама. – Ну, чего ты молчишь, язык проглотил, что ли?

– Я бы... батюшка... хотел бы исповедаться и причаститься...

– И причаститься? – как-то с иронией протянул вопрос и улыбнулся батюшка. – А ты готовился, вычитывал правило, постился?

– Нет, – опустил я глаза. – Но я видел, как вы других...

– Другие завтра в бой идут, душа моя, им можно и без подготовки, они живот свой на божий алтарь кладут, как агнцы... Ты тоже завтра в бой собираешься?

Батюшка своим вопросом поставил меня в тупик, но, с другой стороны, дал шанс одним ответом навести порядок в своей жизни и в своей душе.

Кто я? Тварь, которая жаждет и дальше понапрасну коптить небо, или мужик, Человек с большой буквы, достойный уважения не только людей, но и Бога? Я посмотрел на маму, которая так же, как и батюшка, ждала, всем своим видом и выражением лица показывая, на какой ответ она надеется. Несколько секунд она не отрывалась от моих глаз, после чего у неё по щеке побежала слеза:

– Отцовский характер! Он так же смотрел на меня, когда уходил...

– Мама!

– Не надо, сынок, я всё поняла! – остановила меня мама.

– Но я не могу, мам, там мои пацаны, ты видишь, что творится, я нужен им!

– Я поняла, Мишенька! Я всё поняла... Ну, что ж, вот ты и вырос... стал настоящим человеком... теперь ты сам всё решаешь. Я только об одном тебя прошу, береги себя! Вернись ко мне... к нам с Алёнкой, не оставляй нас одних!

– Будь уверена, мамочка, вы не останетесь одни... – с грустью в голосе произнёс я и крепко обнял маму, которая опять принялась рыдать. Я стал успокаивать её, поглаживая седые волосы и приговаривая:

– Не надо, мама, не надо... Всё будет хорошо!

ПРОЗА

Кристина ВЫСОЦКАЯ

ПРОСНИСЬ!

Я не смешлива, даже улыбаюсь редко. Меня мало что веселит, только если девчонки что-нибудь смешное сотворят. Я грустная девочка, а грустных девочек никто не любит. Во всяком случае, я так думаю. Но меня это не страшит. Мне в рот засовывали газету, неужели меня можно напугать грустью?

Лететь в самолёте – это такое восхитительное состояние! Железная птица мчит в небесах и вспарывает брюхо облакам. И ты над миром, в полном сакраментальном одиночестве. Слышно только приятный гул железа и бряканье тележки, которую катит стюардесса. Мне повезло вдвойне: рядом со мной никого, со всеми кто-то, а со мной никого. Я люблю пустое пространство вокруг себя, отсутствие запахов и шумов.

Я лечу в город, который, говорят, в сердце каждого, кто там побывал. Петербург. Меня будет встречать Петербург. И он. Это самое неправильное решение в моей жизни, зачем я это делаю? От принятого решения подташнивает, я ещё перед вылетом поняла, что не будет ничего хорошего от встречи с этим человеком, но всё равно полезла в эту историю. Заварила кашу и теперь мне её лаптем не перехлебать. Сейчас я просто надеюсь, что не стану героем криминальной хроники, что из Невы не вытащат девушку, предварительно задушенную. Или по частям. Вот если бы самолёты работали так же, как пригородные электрички: долетел до конечной, заправился, загрузился пассажирами и полетел обратно...

Я сижу в самолёте до последнего, никуда не тороплюсь, потому что ничего великого меня там не ждёт. Меня ждёт старый, никому не нужный человек с отвратительными намерениями. Он будет трогать меня и даже не важно, как и за какие места, а я должна терпеливо ждать, когда же снимут моё кино. Но я больше не могу тянуть, мне надо выходить и идти. У меня нет багажа, я с рюкзачком, всего на день – за этот день мне надо успеть всё. И вот я шагаю туда, где радостные люди встречают радостных людей. Крадусь и возле туалетов встаю за какую-то колонну, чтобы увидеть его в толпе и рассмотреть, приготовиться, чтобы не упасть в его престарелые объятия внезапно. И я его выхватываю в толпе, он стоит возле какой-то грузной дамы в шляпе.

Всё ещё хуже, чем я думала. Это полная катастрофа. Он высокий и очень худой, лицо его невероятно сморщено, большой нос, лысеющая голова, маленькие цепкие карие глаза, на вид злые, тонкие губы, которые он поминутно облизывает, и от этого они ещё больше сохнут.

Я даже отсюда вижу, как он волнуется, всё его лицо ходуном ходит, и его слегка потрясывает. На нём штаны, которые когда-то очень дав-

ВЫСОЦКАЯ Кристина Анатольевна. Родилась в 1987 году в городе Талица Свердловской области. Окончила отделение журналистики филологического факультета Тюменского государственного университета. Публиковалась в альманахах «Врата Сибири», «Берега», «Мы молодые», в журнале «Сибирские огни». Победитель областного конкурса молодых авторов, лауреат премии журнала «Сибирские огни». Живёт и работает в Тюмени.

но были вельветовыми, сейчас они стёрлись и просвечивают на коленях; куртка белая, клянусь, в дырах, из-под куртки выглядывает рубаха в клетку – были такие рубахи в девяностые из плотного материала. Я думала, они все давно погибли, но нет, наше прошлое нашло место в нашем настоящем. Может, мы просто не заслужили другого настоящего. И вот эта рубаха, которой двадцать лет, и футболка с растянутым воротом, выглядывающая из-под неё... весь этот комплект заставил меня почти плакать от жалости и отвращения к нему. А в руках он нервно теребил красную розу в целлофане, которая была перевязана золотистой ленточкой.

Он увидел меня, увидел и засиял, раскинул рваные рукава и обнял. Запах... я очень чувствительна к запахам, запах был навыворот.

– Малыш приехал, – шептал он мне в ухо, – мой сладкий долгожданный малыш.

Я ненавижу, когда меня называют всяческими ванильными словами: малыш, котик, зайка, детка, крошка. Мне нравится моё имя, причём в его первоизданном варианте: Нина. Нинель я прощаю только своим девочкам.

Он разглядывал меня, внимательно всматривался в лицо, что-то бормотал, вызывая такси, потом мы шли к этому такси, он торопился, споткнулся, упал на одно колено, уставшие брюки дали трещину. В такси он одной рукой прикрывал дырявое колено, другой держал за колено уже меня. И не переставая лепетал.

– Я сварил тебе каши манной, жиденькой, купил хлебушка, чаёчку заварил, некрепенького...

И всё в уменьшительно-ласкательном суффиксе. Я не знала, что сегодня женщину соблазняют жидкой манной кашей. Я надеюсь, что она хотя бы не с комками.

– Сначала мы с тобой позавтракаем, потом займёмся очень интересным делом, – тут он по-идиотски хихикнул, погромче, так, чтобы таксист услышал. Он и услышал... и посмотрел на меня как-то с сожалением и вопросом. И нам с таксистом стало стыдно, стыдно за этого старого немогущего идиота. А кроме него, мне стало ещё стыднее за себя. Он старый дурак, но себя-то я считала не такой уж и душой, правда, так или иначе, оказалась в такой омерзительной истории. Я убрала его руку с моего колена и попросила ко мне не прикасаться. Он помрачнел, обиделся и отвернулся к окну.

Я не успевала поймать всю красоту, которой сверкал город в этот августовский день. Богатство зданий – я больше никогда не увижу их впервые. Вообще, впервые этот город мне больше никогда не откроется, и мне бы хотелось, чтобы Петербург для меня открывался не с этим человеком, чтобы впечатления не были испачканы этим зловонным режиссёром. Но мне нужно будет влюбиться в этот город несмотря ни на что.

Мы доехали в полном молчании. Машина остановилась на улице Гороховой, я её помню ещё из «Обломова», и для меня это был сбывшийся миф, как будто меня перенесли в другую галактику, где живут и ходят такие же люди и они просто не знают, что Илья Ильич спал на диване в доме №5. И сейчас я войду в этот дом через массивные двери, и ещё не известно, что со мной произойдёт в этой исторической части города.

Он буквально впихнул меня в подъезд, и в нос ударил стойкий запах какого-то прелого лука и извѣстки. Он за руку тащил меня вверх по лестнице, которая показалась мне круглой, было темно и совсем неприятно.

– Войдѐм в квартиру – не шуми, молчи, первая дверь направо наша, сразу в неё заходи, – скомандовал он. И тут я увидела, что он страшно психует, как будто вспомнил что-то неприятное, что-то, что придётся прожить. И когда на третьем этаже открылась дверь, то я поняла, откуда этот навязчивый запах лука. Он впихнул меня в квартиру, в которой было множество дверей по обе стороны коридора. Неужели коммуналка? Я никогда их не видела, только читала в каких-нибудь романах, и вообще, мне казалось, что их уже не существует, осталось пережитком советского прошлого. Но это снова наше грустное настоящее. В прихожей я запнулась о какие-то башмаки, но не успела я и «мяу» сказать, как он затолкал меня в правую дверь и нервно сказал ждать.

Нина Юргенсон рано повзрослела. Ей пришлось. Никакого отца у неё никогда не было, и она никогда у матери про него не спрашивала. Наверное, если бы он когда-то был, а потом ушёл или умер, то была бы горечь потери, а так просто несуществующий человек. Может быть, на почве абсолютной безотцовщины у Нины сформировалось особенное отношение к мужчинам: их как бы тоже не было. То есть Нина прекрасно понимала, зачем они нужны, но для неё эта область оказалась слепой зоной. Кроме того, у неё совершенно не было времени на изучение всех этих гендерных вопросов. Она работала.

В 1995 году мама Нины осталась без работы. Время было нехорошее, большая страна неслась в пропасть, людей увольняли – сокращали пачками, и Валентина Юргенсон попала в эту экономическую молотилку. Надо было на что-то жить, и она – хороший повар – пошла мыть подъезды. Восьмилетняя Нина толкалась рядом с матерью, сидела на заплѣванных лестницах, читала вслух Маршака молчаливой Валентине и слушала свой подвывающий живот. Голод. Нина запомнит его на всю жизнь, нещадный прожорливый голод был её бурлящим спутником. И уже взрослая она не перестанет запасаться маслом, крупами и макаронами. А пока были только голые макароны и перловка – скользкая, как сопли, и клейкая. Но Нина была к себе сурова и безжалостна, ела то, что давала мать, и ни на что не жаловалась.

В девяносто девятом Валентина заболела какой-то непонятной болезнью: то ли желудок, то ли сердце. Никто её толком не лечил, она месяцами лежала в больницах, выходила и через неделю опять попадала на больничную койку. Нина стала абсолютно самостоятельным человеком. В управляющей конторе было совершенно плевать, кто будет елозить грязной тряпкой по подъездному полу, и Нина пошла работать вместо матери. К тому же подвалила халтура. В те времена шли какие-то нескончаемые выборы всех и во всё, и двенадцатилетняя Нина разносила листовки, газеты, быстро толкала их в почтовые ящики, а потом бежала мыть бесконечные хрущёвки.

Училась Нина не очень хорошо, школу пропускала, предпочитая взять ещё дом-другой вместо уроков, но английский и литература были её любимыми предметами, и если с алгеброй и геометрией дело было совсем

плохо, то сочинения она писала превосходно и на английском говорила не хуже учителя. В школьной библиотеке взяла учебник немецкого и решила выучить язык самостоятельно. И учила. Упорно, с фанатизмом.

Кое-как Нина перевалилась в восьмой класс. И вот в её жизни случился тот случай, который называется счастливым и который случается совсем не с каждым. Нина шоркала старыми подштанниками лестницы, по которым поднималась статная дама с благородной сединой и осанкой.

– Девочка, – проговорила дама, – я вижу тебя не в первый раз, это не хорошо, что ты моешь полы в подъезде. Это грязь. Где, в конце концов, твои родители? Брось ты эту тряпку, идём со мной.

Есть такие люди, которые могут приказать что-то одними глазами, и вот эта статная дама была таким человеком. Уставшая Нина поплевалась за ней на пятый этаж.

– Снимай свои резиновые сапоги и вымой руки – на несколько раз! – крикнула дама из кухни.

Нине было ужасно стыдно, потому что её носки были дырявыми. Дырявые линялые голубые носки. Она сразу шмыгнула за стол и спрятала ноги. А на столе была копчёная колбаса, сыр, белый хлеб, запашистый чай, масло... в общем, всё то, чего Нина уже и не помнит, когда видела, не то что ела. Хотелось наброситься на всё это, но было стыдно. И дама видела этот стыд и сама подкладывала в тарелку к Нине еду. И Нина ела. Сначала схватило желудок, но потом внутренности начали привыкать, стало не так больно. Она жадно жевала, а дама задавала вопросы, на которые Нина честно отвечала. Я Нина Юргенсон. Мне четырнадцать лет. Мама в больнице, отца нет, помощи никакой и неоткуда, вот так.

– Меня зовут Анна Владимировна, я преподаю английский, французский, немецкий. Я вижу тебя не первый раз. Не должна четырнадцатилетняя девочка шкрябать пол в подъезде голыми руками. У тебя даже перчаток нет, бог его знает, что на этом полу было, кто туда плевал! Но знаешь, тебе как будто нечего терять, это хорошо. У меня есть идея. Приходи ко мне завтра в четыре.

Анна Владимировна сложила в пакет остатки колбасы, сыра, откуда-то взялись яблоки и апельсин. Всё это Нина на следующий день отнесёт матери в больницу. Но не апельсин её впечатлил и не какая-то там идея, которая у этой женщины возникла, а то, что она преподаёт сразу три языка. Вот это уровень! Такой человек может многому научить! И на следующий день Нина уже в полчетвёртого толклась возле подъезда с чистыми руками и в зашитых носках.

– Танцуй, девочка моя, – улыбалась Анна Владимировна, – тебе улыбнулось счастье, долой вёдра и тряпки! Ты с завтрашнего дня в няньках у близняшек.

И крайне удивлённая Нина выслушала интересную историю. Анна Владимировна Кольцова занималась языками с дочерьми одного богатого человека, девочки были непростые. Когда им было по четыре года, мать бросила их. Она всегда была немного странненькая, а потом поехала в Индию и не вернулась, приступила к поискам просветления. Ирина и Маша остались с отцом. Он, человек много работающий, даже не пытался вернуть сумасшедшую жену, нанимал няnek, но они долго

не держались. Девочки почему-то устраивали маленькие гадости, могли подбросить чего-нибудь в сумку или тарелку. Прижилась только Надя-повариха и уборщица Света.

– Я знаю Кирилла, отца девчонок ещё со школы, была его учителем. Сейчас учу девочек языкам. Им по восемь лет, они умные, хорошие девочки и хотят любви. Ты тоже умная и хорошая девочка и тоже хочешь любви. Минус на минус даёт плюс. Попробуйте стать плюсом друг для друга.

Нина не знала, что сказать. Она – сама ребёнок – должна присматривать за двумя детьми. Но это была возможность вылезти из той липкой трясины, в которой она сейчас возится. И уже на следующий день она стояла на улице Семакова перед красным кирпичным домом, в котором жила семья Бутоновых. В красивой прихожей её встретила пышная женщина за пятьдесят, румяная, весёлая. Следом за ней выскочили две стрекозы, красивые и шумные. Нина оторопела, ей стало страшно неудобно в этом доме, с этими богатыми людьми совершенно иного качества и уровня. Но уже через месяц она не помнила своей жизни до Ируси-Маруси.

Девочки оказались замечательными, удивительными во всём. Даже внешность их поражала. Они были совершенно разные, но при этом совершенно одинаковые. Маша отличалась каштановыми волосами и голубыми глазами, а Ирина – со светлыми волосами и карими глазами. Живые, подвижные, Маруська прекрасно играла на фортепиано, а Ирина рисовала какие-то фантастические пейзажи и портреты. Природа богато одарила близняшек, и так случилось, что эти две малышки перешли в руки Нине, которая сама ещё ничего не понимала. И они вместе стали учиться жить.

Кирилла, отца семейства, Нина видела нечасто. Его устраивало, что молодая нянька справляется, дети её полюбили, а ещё он очень хорошо платил. Нина сначала даже не знала, что делать с такими деньгами. А потом быстро научилась. Забрала мать из больницы, купила ей путёвку в санаторий, в доме появилась еда, новая одежда, приличный диван, телевизор. Как-то понемногу жизнь налаживалась.

С утра Нина сопровождала девочек в художественную и музыкальную школы, развозил их водитель Николай. Оттуда – на обед и уже в гимназию. Обрато они добирались своим ходом. В летний период, когда заканчивалась школьная пытка, они могли позволить себе пошататься по городу, который тогда ещё утопал в грязи. Но это было не важно, им было хорошо втроём. Они покупали пломбир, сидели на заросшем травой крутом берегу Туры, говорили обо всём на свете и были счастливы. Потом приходила Анна Владимировна. По понедельникам был английский, в среду французский, а в пятницу – немецкий. Нина сидела вместе с Ирусей-Марусей на этих занятиях, потому что Анечка – так девочки называли Анну Владимировну – преподавала превосходно. Она возводила язык в культ, в самое важное, во всяком случае, на тот момент. Анечка вела предмет, и Нина поняла, кем она хочет стать и чем хочет заниматься.

Была у Нины ещё одна большая страсть – кино. Мир кинематографа пленил, она наивно считала, что всё происходящее с ней – это часть фильма. Просто какой-то талантливый и суровый режиссёр, Балабанов,

например, снимает кино про одну девочку, которая сражается за право жить. И когда-нибудь в её жизни появится настоящий режиссёр, который откроет для неё мир кино, волшебный и притягательный. А пока за отсутствием режиссёра Нина жила свою суровую жизнь и писала тайные рассказы в тайную тетрадь.

С началом учебного года стало сложнее, школу надо было хоть как-то посещать, и это навело на Нину смертельную тоску, из всех предметов её интересовали только иностранные языки. Радовало, что маме гораздо лучше, и работать ей больше не придётся. Но в какой-то момент Нине стало стыдно за деньги, которые она получает. Ей казалось, что Кирилл платит деньги просто так, что она их не заслуживает, ведь девочки стали ей родными.

Нине исполнилось пятнадцать ещё в конце августа, было небольшое чаепитие с тортом в доме Бутоновых. В качестве подарка был презентован Нинин портрет, точный и смешной, и конверт, толстенький такой, что именинница даже боялась его открывать. Она хотела поговорить с Кириллом, и он как будто понял. Отвёл на кухню, устало сел на стул. Нина стояла напротив, как виноватая школьница с двойкой и мялась.

– Никогда так не смотри, Нина, ты не битая собака, – Кирилл сделал паузу, – ты сильный, стойкий человек, мужественный и очень достойный.

– Я не понимаю, за что получаю деньги. Мне стыдно...

– Я даже слышать не хочу эту чушь. Мои дети счастливы, они с тобой и они тебя очень любят. Считай, что я плачу тебе за счастье своих детей. И никогда не сутулься, держи спину прямо. Ты не сиротка безродная.

Больше они к этому разговору не возвращались. Нина училась не сутулиться и привыкать к тому, что деньги можно получать за счастье.

В две тысячи четвёртом году она поступила в университет на факультет романо-германской филологии, к тому моменту языки Нина знала, Анечка готовила её к поступлению. Сейчас времени стало гораздо меньше, с утра и до трёх часов Нина пропадала сначала в университете, потом бежала в библиотеку напротив, и хотя уровень у неё был хороший, всё равно нужно было учиться, учиться... Кроме того, она взяла учеников, троих школьников, потому что девочкам уже не получалось уделять так много времени. В общем, ближе к двенадцати ночи она просто падала.

Но учиться ей очень нравилось, и у неё наконец-то появился первый друг, Саша, одноклассник. Отличный парень, добряк, умница, но была большая проблема: его активно сжирала болезнь Бехтерева. И если на первом курсе он передвигался самостоятельно, то на второй пришёл уже с тросточкой. Но Саша храбрился, не сдавался, иногда они с Ниной гуляли после пар, она познакомила его с Ирусей-Марусей и Анечкой, навещала, если он лежал дома и не мог подняться из-за болей.

А потом случилась беда: Анечку парализовало после инсульта. Нина пришла к ней в субботу, проведать, нашла дверь открытой. Первая мысль была: ограбили – и лучше бы ограбили. Анна Владимировна лежала в прихожей, рядом валялась сумка с продуктами. Скорая приехала через десять минут, а когда все уехали, Нина сидела в прихожей на полу рядом с разбросанными апельсинами и чувствовала себя совершенно разбитой. Всех было ужасно жалко.

Но были и хорошие новости. Речь частично возвращалась, хотя тело было недвижимым. Выяснилось, что никаких родных у Анечки нет, даже дальних родственников. Нине нужно было приспособиться жить в новых реалиях. После учёбы она бежала в первую очередь к Анечке, помыть её, перестелить кровать, покормить. Она рассказывала ей последние новости, улыбалась изо всех сил, но очень хотелось плакать. Плакать было нельзя. Расставание всегда было острее встреч, было стыдно оставлять её одну, и Нина поняла, что долго она в таком режиме не протянет. Тогда она просто перевезла любимую Анечку к себе. Забота легла на маму Валю, и дела сразу пошли лучше. Она делала массаж, растирания, и заработали левая рука и нога. Это было счастье и маленькая победа. Кирилл присоединился к проблеме, нанял физиотерапевта, эрготерапевта – прогресс был очевиден.

Зимой две тысячи шестого Сашу положили в больницу. Его кололи, делали массаж, компрессы, на какое-то время страшные боли в спине и суставах уходили, но потом возвращались с новой силой. Нина его навещала, как только представлялась возможность. Он лежал худой и белый, измученный бесконечными болями, но всегда улыбался, рвался в университет и признался, что влюблён в первую красавицу курса Алёну. Алёна была дурой, съедала все ягоды, которые жизнь ей подкидывала, а косточки легко сплевывала. Но Нина старалась ничего не говорить Саше, а только кивала с идиотическим выражением лица.

– Ты ничего не понимаешь в женщинах, Юргенсон, – смеялся Саша, – если женщина очень красива, то она имеет право на всё. Вот ты, например, красивая до неприличия, тебя все боятся из-за этого. А я тебя очень люблю.

И Саша снова улыбался своей светлой улыбкой. А Нина хотела ему сказать, что она не только в женщинах, но и в мужчинах-то ничего не понимает. Все они были для неё как-то на одну колодку – не интересные. Не было такого, чтобы она, Нина, увидела ЕГО и ахнула. Ни разу.

После этих тёплых встреч с Сашей она была совершенно разбита, как будто внутренний мотор, который держал её в тонусе, останавливался. Она плелась домой на Льва Толстого перекусить, и потом к ней приходили её ученики, которые перешли к ней по наследству от Анечки.

С Ирусей-Марусей языками сейчас занималась сама Нина. Она же была на их отчётных концертах, выставках, школьных мероприятиях. Они давно называли её «мама» и хотели, чтобы Нина переехала к ним. Но это было невозможно, и девочки это понимали. Нина каждую неделю водила их к Анечке, и они, изрядно вытянувшиеся дылды, забирались к ней на кровать и щебетали в оба уха свои новости. Это и была жизнь.

Но тут у Нины с новой силой вспыхнула её давняя любовь. Любовь эфемерная, и оттого ещё более мучительная, и имя ей было – писательство. В начале апреля две тысячи седьмого им, студентам-иностранцам, у которых и своих аудиторий было достаточно, зачем-то поставили пару немецкого на отделении журналистики. Нина знала, что есть какой-то странный отросток на первом этаже филфака, пару раз проходила мимо, оттуда доносились звуки гитары и пение. Странные журналисты со своим мирком, неформальным, панковским, рокерским. Одним словом, они творили

что хотели. А тут Нину швырнули в этот поэтично-музыкальный поток, и он её захлестнул. Когда пара кончилась и её группа понеслась вверх по лестнице, Нина осталась. Она попала в другое измерение. Стены в этом глухом коридоре были оклеены какими-то стенгазетами, посвящёнными какому-то Леониду Андрееву, о котором Нина слыхом не слыхивала, в конце этой кишки была сооружена инсталляция из металлических труб, проволоки и досок. Короче говоря, чушь несусветная, но такая заманчивая и красивая. И люди, которые там учились, были совершенно другие, такие же, как эта штука: красивые, свободные, очень счастливые и, Нина была совершенно уверена, невозможно талантливые.

Ещё в школе она писала короткие рассказы, чем-то напоминающие Экзюпери и Рэя Брэдбери, но никому их не показывала. Во-первых, ей было стыдно, а во-вторых, показывать особо было некому. Мама была далека от этого: голодные девяностые и в целом не очень благополучная жизнь запечатала в Валентине всё, что отвечает за эфемерное, и открыла исключительно продовольственные шлюзы. Она запасалась продуктами, готовила, жарила, парила, закатывала банки кабачковой икры и лечо. Анечке показывать было неловко, она бы раскритиковала в пух и прах и была бы совершенно права. И Нина держала в тайне свою несбывшуюся любовь, даже Саше не говорила, что продолжает немного писать про всякое.

Ей хотелось написать большое произведение о жизни, может, о той, которую проживает она сама. Фрида Кало писала только себя, потому что ей как неподготовленному художнику сложные композиции были не под силу, и начать с себя было проще. А ещё Нине казалось, что она, в общем-то, как будто и так одна – о ком как не о себе ей говорить. Таким образом, образовалась стопочка исписанных от руки листов, которую Нина решила кому-нибудь показать. И вот она стала регулярно на переменах посещать этот глухой коридор и ждать... кого?

И он появился. Крупный седой человек в сером костюме с папкой в руке. Нина выяснила, что он ведёт пары по русской литературе, зовут его Юрий Алексеевич Колпаков и поймать его можно в районе девяти тридцати. И она поймала. Ждала, когда закончится пара и схватила за рукав на выходе их аудитории.

– Это что за фигура! – радостно воскликнул Колпаков.

– Меня зовут Нина Юргенсон. Мне надо с вами поговорить, это важно и срочно.

Тогда ещё Нина не знала, что есть у неё такой талант – уговаривать одними глазами. Не знала она тогда, что у неё голос с редкими обертонами. Это всё она узнает потом, а пока она просто ужасно хотела заполучить этого массивного литератора. Уже через десять минут они сидели на кафедре русской литературы, и Юрий Алексеевич лениво перебирал листы.

– Почему от руки? Почерк чудовищный, – недовольный он внушал ужас, – оставь это.

Он глянул на расписание, которое висело на стене, и велел приходить в четверг в три часа в аудиторию четыреста один.

– Опоздаешь – можешь больше на глаза не показываться.

И Нина не опоздала. Она не пошла на теорию перевода и уже в два часа сидела на диване между фикусами и ждала, когда закончится пара. Когда студенты высыпали в коридор и Нина зашла в аудиторию, её ослепил свет. В огромном пространстве его было так много, что она даже не сразу увидела профессора. Он сидел за партой, Нина села напротив. Её листочки были сплошь красными, но, как ни странно, никакой экзекуции не последовало.

– Это не плохо, – обстоятельно начал профессор Колпаков, – местами, конечно, можно в урну, но в целом с этим можно и даже нужно работать. У тебя довольно интересный метод и стиль письма. Ты не повествуешь, ты как будто пишешь готовый сценарий. Слог хороший, жирный, насыщенный, но местами ты проваливаешься, и будто другой человек пишет. Тебе надо это дело контролировать, я попробую тебя научить. Будешь приходить сюда каждый четверг. И вот тебе задание на первую неделю: то, что исправлено красным – проработай. Только я не понимаю, зачем это тебе...

Нина тоже не понимала, но жить она без этого уже не могла.

Красным, к слову, было исправлено почти всё. Нина была счастлива до одури, но не знала, как к этому подступиться. Вечером, когда мама и Анечка уснули, она села за листочки и начала разгребать свою писанину. С этого дня подобное разгребание старого и нагромождение нового стало для неё работой. Тяжёлой, но обязательной работой. Они встречались с Юрием Алексеевичем, как и договаривались, по четвергам, иногда искали свободные аудитории по корпусу, иногда сидели на кафедре, что тоже очень нравилось Нине. Всё-таки литература – это чистой воды магия.

За это время Нина сильно похудела и как-то посерела. В связи с новыми литературными обстоятельствами она спала по четыре часа в сутки, утром еле поднималась и тащилась на пары, потом девочки, потом ученики, подготовка к парам, помочь с Анечкой, а уже потом до посинения писать, писать, писать... В таком полудохлом состоянии её обнаружил Кирилл. Пересекались они нечасто, и он заметил эту резкую перемену, призвал к ответу. И Нина рассказала ему о своём увлечении.

– Я не могу тебя осуждать, Нина. Всё, что ты делаешь в своей жизни, ты делаешь хорошо и на совесть, но мне казалось, у тебя очень рациональные и практичные мозги, я всегда считал твой выбор будущей профессии очень удачным, но вот это всё литературное очень некстати, очень ненужное.

– Вы не совсем понимаете, – ринулась Нина в лёгкую атаку, – я люблю языки, но я люблю и литературу, а вдруг мне удастся написать сценарий к фильму, и его снимут? Вы представляете, какая это будет удача!

Кирилл посмотрел на Нину не то с осуждением, не то с сожалением.

– Проснись, девочка! Просто проснись! И занимайся тем, чем должна и можешь.

Кирилл, надо отдать ему должное, приглядывал за Ниной. Во-первых, надо было наблюдать за тем, кто наблюдает за твоими детьми. Нужна сильная, здоровая деваха. Нина за здоровую уже не сходила. А потом Кириллу казалось, что он как бы в ответе за неё, было у него такое внут-

ренное ощущение. У него были женщины, но он никогда не показывался с ними ни дочерям, ни тем более Нине. Странное это было ощущение, он как будто немного стыдился тех образцовых красоток, которые вились вокруг него, богатого, красивого, умного. Суровая, сообразительная и такая хмурая Нина как будто бы засмеяла его и его ланей. Он не хотел, чтобы она его с кем-то видела. И Кирилл смотрел на Нину, и в голове у него бродили странные мысли: была бы она постарше, совсем ещё девочка...

После этого короткого диалога у Нины осталось неприятное послевкусие. Как будто бы и ничего плохого не произошло, но было ощущение, что её ткнули носом в какое-то безобразие. Она-то всегда считала, что её поступки правильные, взрослые, взвешенные. И это приключение с литературой она тоже считала хорошим стартом куда-то. Может, как раз проблема была в том, что неясна была конечная цель этого мероприятия. Размечтавшись о каком-то кино, она начала терять самое важное. Но даже несмотря на разговор с Кириллом и свой внутренний диалог, она не собиралась бросать литературу. Напротив, ещё сильнее вцепилась в идею со сценарием. Другое дело, что близился июнь, на носу были каникулы, а Нина как ужаленная бегала по четвёртому этажу и думала, как попроситься к Юрию Алексеевичу на летние уроки. Но так случилось, что он предложил сам.

Колпаков поймал Нину возле кафедры, отвёл к окну, сначала внимательно разглядывал её худое посеревшее лицо.

– Я каждый день провожу пары у филологов, журналистов, и девяносто процентов из них ничего из себя не представляют и уже не будут представлять. За них заплатили, и они учатся. Я не осуждаю, такое тоже бывает и очень часто. Ты – другое дело. Ты удивительным образом сочетаешь в себе литературу и коммерцию. С этим необходимо работать, но я не хочу, чтобы ты возвела это в культ. Сейчас сосредоточься на сессии...

– У меня уже всё автоматом, – перебила его Нина, почти выкрикнув.

Профессор Колпаков тяжело вздохнул. Помолчал и сдался.

– В начале июля у меня закончится вся эта свистопляска, я уеду на дачу, только иногда буду приезжать на вступительные. А ты будешь приезжать к нам раз в неделю.

К нам?

Он оставил Нине свой номер телефона и адрес. Совсем рядом с городом, на электричке минут двадцать. И едва дождавшись июля, Нина ехала рано утром до станции «Подъём» в вагоне пригородной электрички, набитой дачниками, лопатами, кустами... И в этот момент была она почти счастлива. А потом шла по мокрой июльской траве с идиотским тортом в пошлых розочках и рюкзаком в садовое товарищество «Незабудка», название которому наверняка дал какой-то поэтический человек. Ей нужна была улица Восьмая линия, название которой дал уже какой-то номенклатурный тип. Ещё издали она увидела крупную фигуру в широкополой шляпе, и стало совсем весело.

Юрий Алексеевич летом жил на даче со своей женой Софочкой, красивой, интеллигентной, но при этом очень работающей и хлебосольной женщиной. Она тоже была доктором, но физико-математических наук, преподавала в этом же университете, разводила цветы, обожала дачу

и кулинарию. Детей у них не было, но зато был роскошный чёрный сибирский кот Чапаев и золотистый ретривер Гаврюша. И в такую разношёрстную семью попала Нина.

Пока Софочка порхала над своими драгоценными грядками и банками, Колпаков и Нина сосредоточенно оттачивали литературное мастерство. Прогресс был, и довольно приличный, но работы предстояло много. Сейчас Нине нужно было не только писать, но и читать. Юрий Алексеевич выдал ей список книг, которые необходимо осилить: Андреев, Маркес, Толстой, Бунин, Павич и ещё много серьёзных и легендарных фамилий. Не то чтобы Нина была не читающей, она любила книги, но область познаний была слишком традиционной. Раскольников, Печорин, Базаров – одним словом, постылая школьная программа. А горизонт надо было расширять. Сейчас все свободные минуты Нина погружалась в книгу как в обморок, и невозможно было оторваться, ей открылся новый мир, и она ужаснулась своему невежеству. Оказывается, в свои двадцать лет она не знает ничего!

Нина записалась в Центральную городскую библиотеку на Луначарского и ходила туда как на работу. Тучная дама на взрослом абонементе каждый раз ухмылялась.

– Вы что же, девочка, кушаете эти книги, что ли?

– Если бы было можно...

Каждый «священный» четверг Нина ехала в «Незабудку», где её ждала семья Колпаковых и всегда какая-то вкусная еда. Несколько раз Нина брала с собой девчонок, и они визжали от восторга. Мероприятие с поездкой в электричке, потом путь до дачи, который они проделывали непременно босиком, потом они падали в гастрономические объятия Софочки. Пока Нина корпела над текстами, Софочка брала Ирусю-Марусю, Гаврюшу, и они шли гулять через лес до пруда, потом обратно, покупали в дачном магазине вкуснейший белый хлеб, который почему-то немного пахивал солярой, и уничтожали булку, едва вернувшись в дом. На обратном пути в электричке девочки почти спали, и как только они доползали до кровати, тут же отключались, не помыв ноги.

Три года подряд в августе Нина ездила с девочками за границу. Великолепные путешествия в Турцию, Кипр и Черногорию были сказкой. Нина глотнула другой воздух, возвращалась оттуда новой, отдохнувшей, загорелой. На август Кирилл запланировал Грецию, Нина должна была ехать с девочками, и она всё думала, как отказаться. Но отказывать не пришлось: девки подняли такой рёв, что Греция отменилась сама собой, и они вплоть до сентября ездили на «Подъём» к Софочке и дяде Юре. Кириллу нравилось, что девочки растут в глубине жизни, при всех ресурсах, которыми он располагал, Ирусю-Марусю не избалованы, не капризны, они настоящие. Ах, если бы он мог сделать так, чтобы забрать Нину у всех и отдать её девочкам! Но тогда это была бы уже не та Нина. Странная она девочка...

Несколько раз Нина встречалась с Сашей. Летом дела у него обстояли значительно лучше. В тепле его кости как бы расправлялись, страшные боли и спазмы проходили, и он двигался лучше, жизнь становилась качественно другой. Они гуляли, болтали. Нина, наконец, рассказала о своих литературных приключениях, он искренне удивился и обрадовался.

– Моя подруга – писательница, – гордо провозгласил Саша.

– Как ты думаешь, это иллюзия? Я просто мечтательная дура? Может, мне спуститься с небес на землю? – Нина вопрошающе заглядывала ему в глаза.

– Не усложняй. Нравится – делай. Почему обязательно нужно всё превратить в сложное? У тебя получается? Получается! Вот и пиши. Арифметика же простая, Нин.

И в этой простой арифметике Нина пыталась уживаться. Мама и Анечка, девочки, дача, Саша и распечатанный четвёртый курс. К этому времени Нина сильно окрепла в языках и взяла ещё одну халтуру – переводила на заводе по производству полимерных материалов. Поначалу это несколько поставило её в тупик: технические термины Нина знала слабо, пришлось подтягиваться на ходу, но опыт был для неё значим, и деньги там платили хорошие. Ей нравилось, что она добытчик, что она, наверное, всё-таки сильная и всё сможет. А если честно, то выбора у неё особо не было, кто-то должен был приносить в дом хлеб, колбасу, молоко и ещё много чего необходимого. До кризиса, который обрушит мировую экономику, оставался год, и было время пожить.

Когда Нина заканчивала четвёртый курс, к ним в университет приехали преподаватели из Литературного института имени Горького, они проводили какую-то вольную лекцию по Набокову у журналистов, и Колпаков втолкнул в аудиторию Нину. К счастью, к тому времени почти весь Набоков был прочитан, ходил в фаворитах, и так удачно совпало, что Нина поймала волну и держала уверенный диалог с миниатюрной дамой, седой и стриженной под мальчика. У дамы был низкий прокурорный голос, серые цепкие глаза и маленькие пальцы в перстнях. Она хотела было помучить Нину терминологией, но потом поняла, что девочка не простая, изрядно нафаршированная литературой, и стала говорить на равных. К концу пары они были без ума друг от друга и немедленно продолжили беседу в коридоре.

Даму звали Элеонора, она была заведующей кафедрой русской литературы и славистики, в Набокова была влюблена окончательно и бесповоротно, и когда Нина начала по косточкам разбирать «Камеру обскура», госпожа заведующая затаилась и вцепилась в кудрявую красивую девочку. Она почти прижала Нину в коридоре с требованием немедленно бросать этот провинциальный университет и мчаться в Москву. А Нина молчала мысли в голове: как бы рассказать этой миниатюрной даме обо всех препятствиях, которые стоят у неё на пути. Сошлись на том, что обменялись телефонами. И Нина не то чтобы забыла эту историю, но она как-то стёрлась в суматохе дней, и стёрлась бы окончательно, если бы Элеонора не позвонила Нине однажды майским днём и не сообщила, что она, Нина, очень заинтересовала одного очень талантливого режиссёра, и он очень хочет поскорее с ней познакомиться. Элеонора каждый раз напирала на слово «очень».

У Нины сердце заколошматило где-то в висках. Вот оно, надвигается, то самое, про которое она думала – будет в её жизни кино.

– Я ему уже дала твой телефон, так что не отвертись. Ты прекрасно знаешь этого человека, – и Элеонора назвала имя и фамилию. Нина

понятия не имела, о ком идёт речь, и фильм его легендарный, который взорвал весь Союз в восемьдесят девятом, Нина не смотрела.

Режиссёра Нина не знала, о фильме таком не слышала. Тут было одно из двух. Либо Нина была бездарью беспросветной, либо режиссёр был так себе, липовый. Но с другой стороны, зачем Элеоноре вешать лапшу на уши? В общем, история была интересная. И режиссёр этот позвонил. Нина не ожидала, она мыла полы и очень буднично и раздражённо ему ответила.

– Это Морковников, я от Элеоноры, мне бы с Ниной Юргенсон поговорить.

Нина бросила тряпку и села на задницу. С этой позиции и началось их знакомство.

Режиссёр Игорь Морковников оказался настоящим, и он действительно когда-то в конце восьмидесятых снял блестящий фильм, ставший культовым. Но после этого взлёта у господина режиссёра снесло башню: гордыня и величие победили, и остальные его фильмы прошли мимо славы, хотя были очень достойными. Девяностые не щадили никого, не пощадили и Морковникова. Он писал хорошие сценарии, выступал в качестве продюсера, но взлететь на Олимп так и не получилось. Жил он в Петербурге, перебивался какими-то случайными заработками, халтурами и как-то сводил концы с концами. Была у него бывшая жена и двое сыновей, с которыми он почти не общался. И когда его давняя знакомая Элеонора позвонила ему с предложением поработать над молодой и перспективной девочкой из провинции, Морковников сначала тухло принял информацию, но телефон взял. Потом эта идея показалась ему интересной, он почему-то причислил этот случай к своим будущим заслугам и снизошёл до какой-то там Нины. А потом он нашёл эту девочку Нину на просторах интернета в одной из социальных сетей и совсем воспрял.

Нина выросла красивой, с длинной гривой кудрявых волос, зелёными глазами, вытянутыми к вискам, задорным носом и чувственным ртом. Высокая, с чуть кривоватыми ногами, которые только добавляли пикантности, невозможно тонкой талией и столь неправдоподобно маленькой ступнёй для её роста – тридцать пятый размер. Колоритная, броская, яркая Нина почти свела с ума старого режиссёра.

Сначала они долго говорили по телефону – познакомились. Потом он попросил Нину прислать полную биографию, потом список всех фильмов, которые она посмотрела, и книг, которые прочитала. И если со списком литературы всё было в целом неплохо, то с фильмами – полная катастрофа. Морковников дал Нине первое задание: ей нужно посмотреть фильмы из присланного списка и написать к ним сценарный план. Что такое сценарный план Нина знала, фильмы же были сплошь незнакомые, режиссёров этих Нина вообще не знала. Брессон, Гринуэй, Антониони, Хоппер. Нине вновь предстояла большая работа – и в первую очередь над собой. Параллельно они вели нескончаемую переписку, в которой было множество вопросов и ответов.

Нина смотрела фильмы, они ей не нравились, она их не понимала, писала тексты, которые писать не хотела, но это было нужно, нужно для неё, для её дурной мечты. Юрию Алексеевичу она рассказала об этом случившемся режиссёре, он попросил быть осторожнее.

– Я понимаю, что это тоже опыт, и он, вероятно, тебе для чего-то нужен. Но ты лезешь в нехорошую историю и не жди, что я это одобрю. Ты молодая и очень наивная девочка, почему-то решила, что так просто через какого-то сомнительного режиссёра исполнишь столь же сомнительную мечту. Чего ты в итоге хочешь? Приехать к нему, а он уже со съёмочной группой ждёт тебя у трапа?

– Он меня не приглашал.

– Так пригласит. Жди. Но не жди чудес, Нина.

И Нина дождалась приглашения. Она, как всегда, быстро закрыла весеннюю сессию, взяла ещё два ученика. Кирилл знал об этом и как бы между прочим предложил Нине открывать свою школу иностранных языков. Поле на тот момент было относительно непаханое, непочатый ресурс, а Нина была готова. Он по-деловому посадил её перед собой для серьёзного разговора.

– Тебе год остался до окончания университета, ты прекрасно знаешь три языка, я уверен, что сейчас ты уже можешь начинать учить китайский, он очень нужен. И арабский. Нина, не упускай шанс, я помогу тебе со всеми юридическими и материальными вопросами. С моими ресурсами и твоими талантами конкурентов у нас не будет, или почти не будет. Тебе надо начинать играть по-крупному.

Предложение было потрясающее, то, от которого невозможно отказаться. И Нина не стала отказываться, она просто немного оттянула время. Ей казалось, что должно произойти что-то очень важное в жизни, судьбоносное. И в конце июля Морковников пригласил в гости – предметно обсудить вопросы, пройти экзамен, который он ей приготовил. Что-то нехорошее шевельнулось у неё внутри, но ведь если где-то страшно, то именно туда надо шагать. И Нина шагнула.

На протяжении этих месяцев у них была оживлённая переписка, они обсуждали её тексты, фильмы, режиссёров. В какой-то момент Морковников начал называть Нину Красной Шапочкой, а себя Серым Волком, писать о том, как ему нравится эта игра, какие возможности перед ними открываются, если Нина приедет к нему. Ей казалось, что она попала в какое-то кино, наполненное сюрреализмом, всё вокруг стало иррациональным, не поддающимся здравому объяснению. И мозги у неё как будто отключились.

В то же время Морковников писал очень мудрые вещи, грамотно анализировал эту жизнь, рассказывал, как надо правильно, а что правильным не является. Его письма были наполнены тайнами, намёками, полутонами, и вот так Нина превратилась в кролика, которого придушивал скользкий старый удав.

Режиссёр деликатно намекнул ей, что денег у него на билет нет, что он как бы выше этого брэнного, мерзкого, и Нина безо всякого сомнения купила билеты сама. Седьмого августа она должна была вылететь, а восьмого вернуться. Никому, кроме мамы, ничего не рассказала. Ну, как рассказала, наврала, что едет просто город посмотреть. Впрочем, Валентина очень спокойно приняла эту новость. Нина... она такая, сама знает, что лучше. В конце концов, это всего на день. Пусть развеется. И вот так она сошла с самолёта и попала в пыльное логово этого старого облезлого Волка.

Я стояла в середине крохотной грязной комнатёнки, сквозь заляпаные окна едва пробивался свет, на драной тахте лежал красный ковёр, круглый стол был застелен скатертью в пятнах, как будто винных. Вдоль стены возвышались стопки книг, перевязанных верёвками. Книги были хорошие, почти все фамилии на корешках оказались знакомы. Обои на стенах были моими ровесниками, выцветшими, местами они отваливались. И запах был такой же, как от него. Какая-то запрещённая растительность и старость. Нищая, сиротская старость. Я стояла в центре этого ночного кошмара и не понимала, как это могло со мной произойти, как я до этого докатилась. Надо было бежать немедленно, но меня сковал какой-то липкий страх, какая-то неловкость. Неловкость за историю, в которую я влипла. Как будто ноги были не мои, а какого-то немощного насекомого, и они увязли в липкой луже, в краске.

За стеной брякала какая-то посуда, наверное, это Морковников с манной кашей спешит покорять моё сердце. Я не ошиблась. Он радостный зашёл в комнату с тарелкой, я клянусь, алюминиевой, и такой же ложкой, поставил на стол и велел есть.

– Я за чаёчком, малыш, – и шмыгнул в коридор.

В тарелке был серый клейстер, отдалённо напоминающий кашу. Не успела я зарыдать от ужаса ситуации, как он зашел с чаёчком, сел напротив меня, стал разглядывать всё с той же идиотической улыбкой.

– Ты почему не кушаешь? Не нравится? Я старался, чтобы завтрак был питательным...

Мне хотелось плеснуть эту баланду ему в физиономию, но это было бы слишком картинно. Я не выдержала.

– Вы обещали мне экзамен, какой-то там женский демонизм, цвета Антониони, – мне хотелось его убить.

Вместо экзамена он достал с башни книг стопку альбомных листов, на вид желтоватых, ткнул меня чуть ли не носом в какую-то печать на последней странице и гордо сообщил, что его сценарий готов, но история эта настолько секретная и ответственная, что пока он не может сообщить мне всех деталей. Ясно только одно: скоро он летит за границу, и я лечу с ним. Становилось уже даже не смешно. Никакой перспективой от него и не пахло, пахло сумасшествием. И ни о каком экзамене речи не было. И я поняла, что и не будет. Я самая настоящая идиотка.

Вдруг он вскочил.

– Который час, который час?! Нам пора, нас ждёт один очень важный человек. Надевай сапожки, идём.

Он так же агрессивно вытолкнул меня из квартиры, как и втолкнул, всё в тех же потёмках. Почти на ходу я обувалась в свои «сапожки», которые были кедами, почти кубарем скатилась на первый этаж и вышла на свет Божий. У меня был день, чтобы полюбить город, потому что в первый раз я в него не влюблюсь больше никогда.

С Гороховой мы вышли на Сенную площадь, оттуда на набережную Фонтанки, затем на Измайловский проспект, набережную Обводного канала. Он охотно рассказывал про историю домов, которые встречались по пути, потом мы зачем-то сделали крюк и вышли на Рижский проспект, оттуда на улицу Декабристов. Там он остановился, долго пытался отдышаться, хотя шли мы небыстро. Потом достал телефон, позвонил.

– Фёдор Никитич, ну что, примешь нас? Да, как и обещал, – он нелепо засмеялся и подмигнул мне, – всё, поднимаемся!

Мы вошли в такой же тёмный подъезд, где-то наверху щёлкнул замок. На третьем этаже была открыта дверь, стоял бородатый косоглазый худой мужик с распахнутыми объятиями. Этот мужик восторженно и удивленно охал и ахал в мою сторону, многозначительно мигал Морковникову.

У этого персонажа жилище было куда лучше: на стенах в рамках висели фотографии с такими знаменитыми людьми, что даже фамилии их произносить страшно. Квартира состояла из двух комнат, в одной из которых уединились эти двое. Говорили они недостаточно тихо, и я кусками слышала их разговор.

– Не скажу, что ручная, скорее, диковатая, но поправимо, обрабатывать можно. Провинциалка, готова на всё, – важно оттарабанил Морковников.

– Не спугни, а то получится как с Леной. Та с двумя детьми и то сбежала, – предупреждал Фёдор Никитич. – В нашем возрасте надо думать о том, кто тебе одеяло подоткнёт.

Сюрреализм продолжался, неловкий липкий страх не отпускал меня. Страх и непонимание происходящего, нарисовалась какая-то Лена с двумя детьми, которая сбежала. Возник образ Синей бороды, который коммуналку на Гороховой забивает трупами женщин, не успевших сбежать. Хотелось плакать.

Они ещё о чём-то разговаривали, до меня долетали отдельные громкие слова: «штаты», «Тюмень», «пользовать». Очень хотелось уйти отсюда, и мы действительно скоро ушли. Напоследок, как мне показалось, этот косой бородач хотел меня обнять, но замялся. Пока мы шагали до Исаакиевского собора, Морковников рассказывал обо всём величии человека, которого только что видела. А я видела только невозможное величие этого сооружения, как будто попала на другую планету.

– Фёдор Никитич влиятельный человек, он за руку с самим здороваётся, ты должна запомнить этот день, этот день твоего восхождения, – и Морковников поднял правую руку вверх.

Я действительно запомню этот день. На всю жизнь. Только я так и не поняла, с кем там здороваётся за руку Фёдор Никитич и кто он вообще такой! Окутывая всё идиотской неуместной тайной, Морковников, вероятно, хотел произвести на меня впечатление.

Мы шли бесконечно долго, одна красота сменялась другой, и я не успевала всё запоминать. И тут мне открылась Зимняя канавка. Когда-то давно в книге я увидела фотографию этого места и с тех пор мечтала потрогать эти камни над водой. На мой субъективный взгляд, это одно из самых выдающихся мест Петербурга, есть в нём особая магия, камерность, закрытость, как будто портал в другой мир. Да, есть разводные мосты, есть Ленфильм, есть Эрмитаж, Михайловский замок, но здесь даже воздух другой. Я стояла и слушала этот воздух, и если бы не постоянные попытки этого деда взять меня за руку, то была бы счастлива.

Потом я, кстати, увидела и Эрмитаж, и Дворцовую площадь, и Марсово поле, и если бывает любовь с первого взгляда, то это Санкт-Петербург. Смотрела на людей вокруг, они все бежали куда-то, не замечали того, что видела я. Они были пресыщены этой красотой. Для них Невский проспект – просто улица, которую надо пройти или перейти. Для меня это открытие. Михайловский замок, в котором убили Павла I... я стояла, открыв рот. И как странно мне было видеть на первом этаже этого здания в окнах какие-то папки бумаг, стопки книг, как в какой-нибудь безликой конторе.

Этот день был поистине странным: день открытий, страха, разочарований, радости, познания. Морковников попутно что-то говорил про меня, себя, про «нас», про какие-то откаты, коррупцию в культуре, о том, как сложно сегодня пробиться, всё через постель и у мужчин, и у женщин. Но он стал звучать фоном, как белый шум, на какое-то время я его выключила. Очень хотелось есть. В уличном ларьке я купила мороженое, никогда ещё с такой жадностью не ела пломбир. Мы сидели на лавочке, и он постоянно поправлял мне волосы за ухо, я отодвигалась, это было омерзительно.

Этот человек почему-то решил, что я ему принадлежу, раз он так смело и интимно меня касается. Ни один мужчина меня ещё так не касался. Мы могли обняться с Сашей по-дружески, но не более того, а этот пожухлый ловелас сам себе дал право на меня. Дело шло к вечеру, и мой внутренний голос начал вопить. Но мой спутник как будто даже не думал выключаться, в Александровском саду он завёл новую пластинку про свои влиятельные знакомства.

– И ты представляешь, он меня спрашивает, не нужны ли мне костюмы. У меня, говорит, столько костюмов, а денег совсем нет, купи мои костюмы, – говорил он про некоего великого режиссёра.

История была либо выдумана на ходу, либо заранее планировалась. Потом речь зашла про какого-то его друга, фотографа и художника, с которым они дружили миллион лет, только тот стал богат и тщеславен, а наш герой предпочёл честное чистое искусство, и пути их разошлись. И так случилось, что этот богатый художник скоропостижно скончался.

– И вот, малыш, стоял я возле его гроба, богатого гроба с кучей цветов и ощущал, знаешь что? Я ощущал своё величие, своё бессмертие. Вот он, богатый и алчный, лежит мёртвый, а я жив и смогу ещё много сотворить.

Он делал небольшую передышку и бодро начинал новую пошлую историю.

– Да ты наверняка помнишь этот посредственный сериал из начала нулевых, и вот эта смазливая актриска давала какое-то интервью в «Останкино», а мы с ребятами, ну, ты понимаешь, какие там люди со мной стояли, жребий кидали, кто первый её оприходует. И что ты думаешь? Я выиграл!

А я думаю, что ты, старый дурак, просто сошёл с ума. У нас в городе такой контингент проходит лечение в Винзилях, а не разгуливает по городу со своими похабными историями.

– Кстати, чуть не забыл. Элеонора. Элечка. Наша Элечка. Вот кто настоящая ангел, нашла тебя для меня, познакомила нас. Мы обязательно

должны будем навестить её в Москве. А наша с ней встреча – это история достойная фильма.

А дальше Морковников рассказал, что Эля не то эстонка, не то латышка, в общем, откуда-то из Прибалтики. Случайно познакомились на лестницах Петергофа и там же в ту же ночь переспали.

– Ну потрясающе же! Она была так открыта всему новому, она была так свободна от условностей, и, конечно же, воспарили! Это было наваждение, она была такой хрупкой, но такой смелой, она меня соблазнила в одно касание. Как символично, что мы предались любви в таком выдающемся месте. Но это в прошлом. Сейчас я только твой!

Я внимательно смотрела на него. Все мешочки на его лице ходили ходуном, большой нос заострился, маленькие цепкие глаза, казалось, почернели, сухие тонкие губы то шептали, то переходили на крик. Это был театр одного актера, театр одного зрителя. Допотопный режиссёр пел свою лебединую песню, а я, молодая дура, его нехотя подначивала. И если всё, что он рассказал про Элеонору, было правдой, то в какое же дерьмо я наступила! Мне вовек не отмыться.

Мы сидели на скамейке, он нервно трогал меня за колени и вдохновенно драматично продолжал вещать.

– Ничего, малыш, у нас с тобой всё впереди! Сначала я познакомлю тебя с Шахназаровым.

Я, честное слово, открыла рот. Это было уже слишком, он покусился на святое. Где он – и где Шахназаров, глава «Мосфильма», гений абсолютный! Стало ещё противнее, пьеса становилась уже неинтересной. Но Морковников только набирал обороты.

– Мы будем тебя снимать! Сыграешь Ларису из «Бесприданницы», это будет новое прочтение, кудрявая зеленоглазая Лариса, мы ломаем шаблоны. Только ты должна понимать, что тебе придётся всё бросить. Всё и всех. Ты должна будешь посвятить себя искусству и мне. Никаких детей, собак и друзей. Это сложная и жестокая профессия. Отдай всю себя.

Он как будто выдохся на какое-то время и вперился в меня своими гадкими глазами, колкими гадкими глазами. А я смотрела на него, в этот момент я ненавидела не его, а себя. Сильно и бесповоротно. Но он неверно истолковал мой визуальный посыл.

– Малыш устал, – протянул он жалобно, – идём отдыхать. Но у меня для тебя сюрприз. Подумал, что нам нужно как можно больше времени провести вместе до твоего отлёта, и я не стал снимать тебе гостиницу, эту ночь мы проведём вместе.

Он торжествовал, а меня мой липкий паралич сковал как будто ещё сильнее. Всё моё существо вопило: бежать! Бежать из этого никчёмного сюрреализма, бежать прочь и отмываться от этой тины, грязи, слизи. Бежать из этого красивого города, чтобы когда-нибудь вернуться сюда и набело его полюбить, полюбить начисто. И пока происходили мои душевные метания, мой спутник стал заметно прихрамывать. Старый позёр устал, как будто выдохся, какой-то завод у него внутри закончился, или просто временно ослаб. Тяжело, наверное, в семьдесят лет форсить, особенно когда ты весь день ничего не ел. И до меня, наконец, стало доходить, что никакой он не вегетарианец, каким провозгласил себя ещё

в период нашего письменного общения. Он просто настолько беден, нищ, что ему не хватает на еду. И тут самое время мне было бы его пожалеть, но жалости к этому хромоногому старику у меня совсем не было. Было абсолютное отчаяние перед человеческой жалкостью, брэнностью и никчёмностью.

Сумерки никак не наступали, то есть они как будто наступили, но были какими-то молочными. Подкрадывалась волшебная ночь Петербурга, и она либо совсем утопит меня, либо спасёт. Кое-как мы доковыляли до Гореховой, в парадной уже не так противно пахло прелым луком, но были такие же потёмки. Когда мы вошли в квартиру, Морковников предложил мне пройти в ванную.

– Тебе, наверное, нужно подготовиться, пройти в ванную, ты же не профессионалка, – он сделал хищный вид, – а я буду ждать тебя в спальне.

Мне хотелось крикнуть ему в лицо, мол, какая спальня, о какой спальне ты говоришь, беспринципное чудовище?! У тебя рваные башмаки, локти протёрлись у куртки! Да у тебя вся жизнь протёрлась, а ты меня приглашаешь в спальню! И только потом уже, позже, до меня дошло, кто такая профессионалка. Неужели к этому старому ничтожеству ходят проститутки?..

Ни в какую ванную я не пошла. Я прошла по коридору, по стенам висел всякий хлам, тряпки, шляпы, какие-то верёвки, санки, крайняя правая дверь была открыта. Это была кухня. Когда я проходила мимо, то встретила глазами с какой-то бабкой в чёрной шали. Она стояла у плиты и что-то мешала в кастрюле. Меня это очень удивило, откуда в наше время в городе Петербурге взялась чёрная шаль. Бабка была жутковатой наружности, она как-то нехорошо на меня посмотрела, по-ведьмовски, но можно ли было меня напугать после сегодняшнего чудовищного дня?

Я тихонько пошла обратно и так же тихонько приоткрыла дверь его комнаты. Морковников лежал на своей тахте, абсолютно голый, в позе эмбриона. Его костлявые колени были подтянуты к животу, тонкие руки обхватили тонкие ноги, выражение спящего лица было тревожным. Он спал и во сне дёргался и поскуливал, как побитая собачонка. Но мне снова его не стало жалко, мне было уже всё равно. И вот ради этого я готова была рискнуть и что-то там оставить?..

Не помню, как я бежала вниз по лестнице, не помню, как выскочила из подъезда. Но хорошо помню, как бежала по улице. Я бежала по улицам города, уже почти пустым, бежала, чтобы от меня отвалилась вся тухлятина этого дня и всех тех дней, что я знаю этого человека. Вымаливала прощения у всех, кого я люблю. Скорее домой! К маме и Анечке. Как они там без меня? К Ирусе-Марусе, моим птичкам, к Юрию Алексеевичу и Софочке с их пушистым зоопарком, к Саше, обнять скорее дружочка, к Кириллу, умному и рациональному, к моей жизни, настоящей, единственно верной.

Проснись, Нина! Пришло время просыпаться! И жить эту настоящую жизнь!

ПОЭЗИЯ

Екатерина ПОНОМАРЁВА

Январское

Волшебно осыпался снег
с небес январской тихой грустью.
И шёл понурый человек
в надежде, что его отпустит

Тяжёлый груз обид земных
и скорбь печали неутешной.
Шёл мимо тысячи других,
борясь один с тропею снежной.

И каждый шаг твердил себе:
всё будет, повторится снова.
Весна проклюнется в зиме,
как жизни вечная основа.

И было пусто и темно,
печалью сердце разрывало.
Шёл снег, но красное вино,
легко пьяня, отогревало.

Был начат новый переход,
январь катился к середине.
И человек, вplывая в год,
тревожно дрейфовал на льдине.

Надежду звал в слепой ночи,
нащупывал крупницы смысла.
Шёл человек. Карман. Ключи.
Ночь. Одиночество и мысли.

ПОНОМАРЁВА Екатерина Николаевна. Родилась в Ялуторовске. По образованию и призванию журналист, окончила Тюменский государственный университет (2003). Работала в газетах «АиФ в Западной Сибири», «Тюменская область сегодня», интернет-издании «Вслух.ру» корреспондентом, редактором. Среди творческих хобби – фотография и поэзия. Стихи начала сочинять ещё в школе. На сегодняшний день в творческом багаже автора насчитывается около 500 произведений. Печатается впервые. Живёт и работает в Тюмени.

Воробушек

Тепла не удержат, зима, зима...
Ей быть, не изменить
Никак природу.
Болезнь, страдать, дышать
Тогда, когда
Не веришь ни во что
И даже воду
Не можешь пить,
Боясь, сожжёшь нутро.
Наутро или на ночь
Примостишься,
Как воробей,
Которому дано
Летать, но он
Не будет важной птицей.

Тепла не будет больше никогда?
Да брось, не нагнетай
Такую муку.
Ведь сколько раз
Проклятые года
Вдруг становились
В ряд,
И только руку
К ним протяни,
Они уже с тобой
И не такие голые и злые.
И напоён рассветной

Тишиной
Приходит день,
В котором все другие.
И люди добрые,
И ветер тёплый свеж,
И сердце бьётся
Как-то виновато.
Невнятным шёпотом
Проснувшихся
Надежд
Тебя зовут, опять
Зовут куда-то.

А воробей, ему ли горевать
О крыльях
Не имперского покроя?
Он птаха смелая,
Рискнувшая летать
С безумством
настоящего героя.

Тепла не удержат, не унести
С собой в покои
Зимней долгой спячки.
Простившись с летом, всё себе
Прости,
воробушек,
Несносная гордячка!

Снегурка

Быть вероломной и простой,
Считать часы и ход неделям.
Быть чистой и совсем пустой,
Сверкать как необжитый терем.

Быть верной истинным мечтам,
Играючи решать и делать.
Собою быть, чтоб где-то там
Душа легко простилась с телом.

На том финальном торжестве
Нетронутой предстать Снегуркой,
Чтобы растаять на костре
Под звуки лёгкие мазурки.

Зарисовка

Сиди в дому и волосы крути
На тонкий карандаш весенней скуки.
Распутицей заражены пути,
И воздух полон непонятной муки.

Истома сладкая в груди заточена,
Как в замке бледнолицая принцесса.
В воскресный день ты таешь у окна,
Не находя своим метаньям места.

Не час для действий, воздуху внимай.
Гуляй без шапки, мысли разбередив.
Из мёрзлых луж уже смеётся май,
Зелёным непокоем сердце бредит.

В конце лета

Явись и пой! Дыханье лета
Уж отлетает в неба синь.
Неслышно тает сигарета
В закатном мареве. Теплынь.

И этот август запоздалый,
И твои серые глаза...
Такой сюжетец небывалый
Для времени, когда нельзя.

Нельзя чудачеств и безумства
И долгих поисков во мгле,
И даже, даже вольнодумства
Не надо пестовать в себе.

Сидим, и лето, лета краски
Горят сильней перед концом.
И мы свободны и прекрасны,
Открывшие в себе юнцов.

К Америкам

Карлики ходят по миру
И великаны тоже.
Бесятся люди с жиру,
В гневе с собой не схожи.

Бродят душой больные,
Под снегопадом тая.
Лучшие дни такие,
В которых мы улетаем.

Пёрышки верных крыльев
Струями ветра хранимы.
Даже в полном бессилье
Смелые непобедимы.

Даже в полнейшем мраке
Есть один светлый пиксель.
Дай свободу собаке,
Пусть она не зависит

От поводка и шлейки,
Рядом идёт добровольно.
В очередном ремейке
Веришь, не будет больно.
Глупо, наивно бьётся
Венка под тонкой кожей.
Выстоишь, коль придётся,
Ну а иначе кто же?

Все корабли большие
Уплывают к своим Америкам.
Проверь перед стартом шины,
Выключи свет и истерику.

Снег

Насколько хватит взгляда снег,
Снег на плечах, снег на ресницах.
И этот век, тревожный век,
Несущийся на колесницах.

Насколько хватит взгляда ночь,
Откинь лишь полог занавески.
И чья-то плачущая дочь
У колыбели с ликом детским.

И чей-то взгляд сверлит опять
Затылок в час, когда светает.
Под звуки снега долго спать
Душа зимой предпочитает.

Насколько хватит взгляда тишь:
Природа празднует безмолвно.
В снега уйдёшь, почти сбежишь
Сколь вероломно, столь условно.

Насколько хватит взгляда тьма.
Вступают в схватку очертанья
С благим усилием ума
Раскрыть загадку мироздания.

И только снег съедает тьмы
Неровный край всё белым, белым.
Миропомазанье зимы
Над слабым утверждая телом.

ПРОЗА

Ксения ЯКИМОВА

Плач последних дней моего солнца

Главы из повести

1

Эта улица обычно кишит народом. Но не сейчас. В данный момент я могу выдать что-то странное – выкрикнуть какую-нибудь глупость, например, или пнуть со всей силы камень – и некому будет кинуть на меня осуждающий взгляд. Я здесь совершенно один. В час ночи.

Около двери, покрытой неоновой светящейся сеткой, висела в воздухе надпись: «Локка закроется через сто пятьдесят... Сто сорок девять... Сто сорок восемь...»

«Я успеваю?»

Дверь не поддавалась. Как только я касался пальцами неоновой сетки, по телу пробегала неприятная дрожь – это лёгкий разряд тока обжигал подушечки пальцев. Закрыто, что ли? Вроде бы не должно, ведь до закрытия еще идёт отсчёт. Постучать, как делали это когда-то давно, страшно, ведь тогда меня, возможно, шибанёт током. А может, и нет.

Я сжал кулак и ударил по двери. Никакой дрожи, никакого ожога.

Но и реакции ноль.

Я постоял ещё немного, в нерешительности переминаясь с одной ноги на другую. Злиться уже не было сил. У меня ломило всё тело, и побаливал живот, меня просто не хватит на ещё одно разочарование. Хотя какой в этом смысл? Я же предугадывал такой расклад. Если я опоздал, то просто вернусь домой.

Как только я об этом подумал – дверь Локки улетела вверх, и меня ослепили яркие лампы.

«Локка закроется через сто тридцать шесть... Сто тридцать пять...»

Не веря, я забежал внутрь, ослеплённый яркими лампами. Я здесь впервые. Не знаю, как себя вести. Не знаю, что говорить. Наверное, основная клиентура здесь – люди с деньгами. А тут прибегает какой-то оборвыш. Так, спокойно. Это не важно. Ведь ты платишь деньги.

За белым столиком сидела женщина. По-видимому, администратор. Она держала перед собой карманное зеркало и стирала ваткой макияж. На меня – ноль внимания.

– Вы поторопитесь, – произнесла она, не отрываясь от своего занятия, – им скоро в сон.

ЯКИМОВА Ксения. Выпускница тюменской школы №5, в настоящее время студентка колледжа. Ещё ученицей дважды становилась победительницей областного литературного конкурса «Гришинские проталины». Участница семинара молодых авторов, который проводила Ассоциация писателей и издателей России. Неоднократно публиковалась в альманахе «Врата Сибири» и других литературных изданиях. В издательстве «Красное знамя» в серии «Первая книжка» – литературном приложении к альманаху «Врата Сибири» опубликована её повесть.

Я нерешительно огляделся по сторонам.

– Я без заявки, ничего?

– Ничего, – её красные губы медленно превратились в мертвенно-серые, – у нас всё просто – платите да берите. Вы присаживайтесь, подождите немного.

Я присел на твёрдый кожаный диван, почувствовал исходящий от него запах химозной ванили. Опустил голову. Свет лампы искажал цвет моих пальцев, и выглядели они при нём отвратительно. Тёмные, тонкие, трясущиеся. Не хочу, чтоб они принадлежали мне.

Перевёл взгляд на женщину. Она все ещё была занята своим делом. Спадают на стол длинные серые ресницы – на глазах остаются свои. Медленно проявляются чёрные круги под глазами, исчезает румянец, а вместо него появляется белая-белая кожа.

Что-то я слишком осмелел. Спросил:

– А зачем снимать макияж на работе?

Она кинула на меня короткий взгляд и промолчала.

«Ладно, всё равно».

Белизна стен резала взгляд. Хорошо было бы выйти на улицу, а то голова потихоньку наполняется звоном. Однако нет. Я прибежал сюда в последний момент, и меня даже впустили. Кто знает, может, второго шанса и не будет.

– У меня дома нет света, – вдруг послышался ответ на мой вопрос из-за стойки регистрации. Женщина спокойно крутила в руках ватку. – Да и, фактически, я там лишь сплю. А живу здесь, на работе. Макияж нужен только для вас, посетителей. Так требует начальство.

– Ясно, – протягиваю. Затем усмехаюсь и зачем-то добавляю: – Свет дорогой, согласен. Копите?

Она странно посмотрела на меня.

– Локка закрывается, – сказала администратор, – но так уж и быть. Оформим всё, только как можно быстрее. Гнать вас не буду.

Помещение было маленьким – но это и делало его уютнее. Всё белое. Потолок, стены, стол. Стекланные цветы на противоположной стене. И маленький кремового цвета диван, видимо, для ожидания. Локка – это не магазин. Это не детдом. Не приют для животных. Но здесь можно взять себе «друга».

Я пришёл сюда именно за ним.

– Скажите, а можно взять на день?

Женщина посмотрела на меня исподлобья.

– Конечно, не вопрос. Подойдите сюда.

Я сделал шаг к её столу, а она раскрыла передо мной папку. Там было много записей, фотографий, больших зелёных букв. Какое-то время я ничего не понимал.

– Выбирайте любого, они почти одинаковы, – махнула администратор рукой, развернув папку ко мне.

Я нерешительно переступал с ноги на ногу. На фотографиях белые лица. Хрустальные глаза. Тонкие руки с голубыми ногтями. У всех, у каждого существа одинаковый цвет кожи. Правда, лица, если взглядеться, всё-таки разные.

– А самый дешёвый?..

– Дешёвые менее эффективны. Самые низкие цены имеют «малыши», им от роду неделя. Слишком много они вам не скажут, боятся людей пока ещё.

– Давайте, – еле слышно произнёс я.

– Пятьдесят тысяч на день.

– Хорошо.

Женщина вытянула из папки фотографию одного из существ, пометила розовым маркером и повесила на доску позади себя. Затем она вытащила из-под стола бумажку, что-то написала на ней и протянула мне.

– Вот вам анкета, заполните, пожалуйста.

Я отвлёкся, разглядывая доску, а администратор уже исчезла. Множество фотографий, помеченных маркерами разных цветов, развешены по всей доске. Лица, лица, лица... Такие прозрачные...

– А вы пользуетесь спросом, – произношу я еле слышно, – вот вы какие на самом деле... Крумо...

Я рассматривал доску с лицами, пока не уловил странный звук. За небольшой железной дверью в коридоре что-то происходило – тонкая звуковая волна доносилась до моих ушей.

Заметив моё внимание, появившаяся откуда-то администратор улыбнулась.

– Это они.

– Они?

– Скоро сон. Им становится больно, если долго не спят. Слышать чувства, мысли, эмоции, намерения – это непросто. Это ад. Я вижу по этим крошкам.

– Как же они выдерживают, – тихо произнёс я, теребя в руках ручку.

– Каждый вечер их память «очищают», погружая в специальный сон, – ответила администратор, подходя к стойке. – Именно поэтому Крумо передаются в руки чистыми, без примесей чувств прошлого клиента. И именно поэтому разговор между вами сохраняет конфиденциальность.

Я начал заполнять анкету. Опершись на руку, администратор наблюдала, как бегают ручка по листу, и молчала. А я забеспокоился – может, она заметила, как нервно дрожат мои пальцы, либо рассматривает мою грязную куртку и думает, что я какой-то бродяга, искусно ограбивший банк.

«Что за мысли дурацкие, боже», – остановил я сам себя и протянул ей анкету. Она взяла и внимательно прочитала.

– «Малыша» берёте, значит, на день, – администратор принялась вводить данные в компьютер. – Давайте произведём оплату. Пятьдесят тысяч.

Пока она настраивала терминал для оплаты картой, я рылся в рюкзаке. Потом осторожно заметил:

– У меня, правда, наличными.

– Да? Ну, что ж. Хорошо.

– Вот.

Я высыпал на стол кучу купюр в пятьдесят, сто и триста рублей. Администратор отвлеклась и с интересом уставилась на мятые банкноты. Однако вопросов задавать не стала. Не женщина, а сказка.

– Пересчитайте, пожалуйста, – произнёс я, немного покраснев, – должно быть ровно.

Пока она отсчитывала, я рассматривал рекламный баннер перед стойкой. Там был нарисован Крумо – маленькое белое существо с круглой головой и крошечными милыми глазами, длинными руками, похожими на крылья мотылька и короткими ножками. Смешные и безобидные существа. Как их сумели создать – непонятно. Ну, а кто же они сами из себя? Крумо – это нерождённые души, вжитые в «пленочные тела». Некоторые называют их ангелками. Однако научное их название – Крумо. Стоят они недешёво, но спасают мир, люди которого всё больше погрязают в душевных травмах, скорбях, печалях. При нынешней жизни говорить об этом, наверное, смешно – есть проблемы и посерьёзней. Однако среди людей высшего круга Крумо очень популярны.

Особенность Крумо состоит в том, что они видят тебя насквозь. Их непорочная душа представляет из себя тонко чувствующую мембрану – они слышат любую ложь, любую мысль, любое намерение. Они скажут, что именно кроется в твоём подсознании, скажут, какую мысль ты прячешь сам от себя. Они проникательны и очень умны. А ещё умеют слушать. Это как раз то, что мне нужно.

Наконец-то администратор посчитала мои жалкие банкноты. Я терпеливо ждал, чувствуя лёгкое волнение. Это действовало довольно странно – буквально несколько часов назад я был разбит, а сейчас – словно приободрился от этого переживания.

– В общем, смотрите, – женщина сложила руки перед собой и взглянула на меня, – не буду долго объяснять, нам скоро закрываться. Вы и сами знаете, кто такие эти Крумо. Они гиперчувствительны. Помните, что им нельзя говорить гадости и ругать, если хотите эффективного разговора. Общайтесь просто, не заморачиваясь, как с близким человеком, и именно тогда вы получите ценный совет.

Я кивнул. Администратор вручила мне белый конверт.

– Даю вам карту с характеристикой вашего Крумо и диск связи. В карте – имя, возраст, сколько раз был зарезервирован и персональный номер. Диск связи сработает в случае, если что-то пойдёт не так. Вообще Крумо сами по себе беззащитны и вреда не причинят, однако если угрожать, опасность будет ИМ, – женщина произнесла это с особой интонацией. – Как вы знаете, за это светит немалый срок. Запрещено оставлять своего Крумо вне квартиры. Постарайтесь относиться к нему, как к маленькому брату или сестре. Всё понятно?

И снова я кивнул. Администратор улыбнулась.

– Тогда пройдите за мной.

Мы направились к той самой железной двери. Я сжимал в руках белый конверт, сердце моё колотилось ужасно. Я никогда не видел

живых Крумо. А сейчас увижу. При таких обстоятельствах... Мой страх весьма оправдан.

Помещение за железной дверью оказалось неожиданно гигантским. Оно представляло из себя аквариум, разрезанный надвое узким коридором. Тысячи прозрачных тел прилипли к стенкам, издавая странные звуки, похожие на плач. При виде нас они забились, уставились на меня с интересом своими хрустально-чистыми глазами. Я разглядывал их с восхищением и страхом.

– Постарайтесь пока не думать ни о чём, – прошептала мне администратор и тихо пропела. – Подойди сюда, славное моё солнышко!

Одна из душ дёрнулась, медленно приблизилась к стенке аквариума.

– Такой послушный, – еле слышно проговорил я, не отрывая взгляда от живого плёночного тела.

– Я думаю его имя, а он чувствует, – женщина приоткрыла мягкий люк, осторожно взяла в руки душу. – Это наш самый поздний «малыш». Ему отроду шесть дней.

Спустя некоторое время я уже стоял у выхода с конвертом и маленьким переносным аквариумом в руках, в котором находился Крумо. Стоял я, вытянувшись по струнке, не веря, что то, что я держу сейчас в руках – реально. Администратор отключала приборы и вводила на компьютере команду для погружения остальных Крумо в сон. Дверь поднялась вверх. С улицы повеяло сырým асфальтом. Я встал у входа, прижимая к груди аквариум.

– Спасибо, – произнёс я, глядя на женщину, и она не расслышала.

– Что?

– Спасибо! – я покрепче обхватил аквариум и уставился на её длинные ресницы. – Кстати, вы красивая.

После этого я вышел за дверь, на которой уже погасла неоновая вывеска и не видел внимательного взгляда женщины мне в спину и её пунцовых щёк.

2

Машин совсем не было. Я слышал, как шуршат мои кроссовки об мокрый асфальт, видел красные огни на трёх небоскребах, возвышающихся передо мной, и моргающие лимонным светом светофоры. Люди навстречу тоже не попадались, лишь один раз мимо меня, шатаясь, прошёл человек в порванной футболке и с окровавленным носом. Увидев Крумо, он вытаращился и ускорил шаг, направляясь куда-то за мою спину.

– Мразь, – услышал я тихое.

Я даже не обернулся. Он ничего мне не сделает. Крумо боятся, как огня, и защищены они, как алмазы на древнем ожерелье. Следовательно, я в безопасности. Хоть это сейчас для меня не столь и важно. До меня донеслась тонкая звуковая волна – Крумо зашевелился под моими руками.

– Ну, же, потерпи. Скоро будет мой дом. Знаю, ты слышишь мысли всех, кто проходит мимо... Боюсь представить, о чём думает этот забулдыга...

Безлюдная дорога начала сужаться. Я прошёл главную улицу и свернул в родной район. Скоро будет виден мой подъезд. Тонкая куртка совсем не спасала от холода, и продрог я ужасно.

Нечаянно опустив на аквариум взгляд, я заметил, что Крумо внимательно смотрит на меня. Его глаза вызывали страх – огромные, непонятного природе цвета, они казались слишком осознанными. И это при том, что в моих руках сейчас нерождённая душа. Я зачем-то улыбнулся ему и успокоил быстрый шаг. Крумо иногда моргал, приоткрывал рот, очевидно, дыша, и был абсолютно спокоен. Я огляделся по сторонам и остановился.

Надо же, проскакал свой подъезд... Я живу на самом нижнем этаже. Здесь снимать дешевле. Подъезд мой можно сравнить с картинками подъездов XXI века, что показывают на курсах истории. Да, он старого типа, он потёртый и страшный. Но такой родной.

Подъезд был пуст. Неудивительно, ведь всякие нехорошие люди тусовались здесь лишь иногда. Однако я был настороже. Прислушавшись к звукам, доносящимся по лестничной клетке, я убедился, что кроме нас с Крумо здесь нет ни души, и уверенно зашагал, поднимаясь на второй этаж.

Дома меня встретила тишина. Я щёлкнул выключателем – тусклая лампочка над головой зажглась спустя несколько секунд редкого мерцания. Осветились подранный пол с чёрными разводами, тёмно-зелёные обои, пара кроссовок, коробка с прорезью на крышке, стоящая около стены. Разбросанные на полу вещи, пустая жестяная банка у стены. В общем, ужасный бардак. Крумо с интересом осматривался по сторонам, шевеля маленькими ушами.

С порога я решил его выпустить из аквариума. Получилось это не сразу – люк не поддавался, как бы я его ни оттягивал. Странно, а администратор показывала это так легко! Я принялся крутить крышку в разные стороны и лишь спустя пять минут догадался, что на крышку нужно слегка нажать и лишь потом откручивать. Крумо смотрел на меня в образовавшееся отверстие не мигая и не думал выходить.

Я поставил аквариум на тумбочку и чуть-чуть отошёл от него.

– Выходи, мы дома.

Через несколько секунд из аквариума показались белые уши и замерли. Затем Крумо резко вылетел к потолку и снова замер в воздухе, осматриваясь по сторонам.

Я чуть замялся.

– Здравствуй!

Он не отвечал. Глядел по сторонам да молчал. Вспомнив слова администратора о стеснительности «малышей», я понимающе покачал головой и направился в кухню.

– Сейчас я поставлю чайник.

Моя кухня находится почти в коридоре – я живу в узком тёмном пространстве, где табуретка считается обеденным столом, а маленький порванный матрас – кроватью. Пол – холодный и твёрдый, одеяло поеда грызуны. Спать здесь, наверное, страшно. Но мне уже

нет. Я взял чайник и подставил под струю воды из-под крана. Пока она набиралась, меня на секунду посетило чувство тревоги, и я резко обернулся. Крумо парил в воздухе рядом со мной.

– Ты меня напугал... – сказал я ему. До сих пор я не особо понимал, как мне разговаривать с нерождённой душой.

– Прости! – впервые подал голос Крумо, и, услышав его, я слегка оторопел. Голос был нечеловеческий, однако он не отпугнул, а наоборот, тут же вызвал странное доверие. Звучал он, как смесь всех голосов, что я когда-либо слышал. Удивительно...

Пока я размышлял над этим, уровень воды чуть не перевалил за нужную отметину. Я среагировал и по привычке молниеносно дернул кран. Крумо внимательно наблюдал за моими действиями.

– Просто я экономлю воду, – пояснил ему я, ставя чайник на подставку, – точнее... Привычка осталась, – добавил я глуше и замолчал.

Шум чайника заполнил моё маленькое жилище иллюзией неодинокости. До сих пор при этом звуке сердце ждало, что кто-то ещё придёт к столу. Но нет, здесь только я и Крумо.

– Вероятно, нам нужно подружиться с тобой, – я присел за «стол» прямо на пол, устеленный полотенцем. Да, я всегда сидел так, когда обедал. – Меня зовут Лим.

Кажется, эта эмоция, что промелькнула на его лице, была дружелюбной. Крумо всё так же молчал. Комнату заполнял лишь шум чайника.

– Это мой дом, – продолжил говорить я. – Скромное место, как ты заметил. Но живу я один... Теперь. Места мне хватает.

– Хватает? – переспросил Крумо.

– Хватает, да...

Холодок и беспокойная дрожь пробежали по телу... Я зябко укутался в рубашку. Кажется, я не стирал её уже третью неделю. А может и больше. Да, за сегодняшний день она столько пережила. На рукавах скопилась кровь, дорожная пыль, несколько уроненных капель алкоголя. Посмотрев на меня, легко можно подумать, что я бродяга и пьяница. Я усмехнулся про себя. А ведь женщина-администратор разговаривала со мной так, словно именно такие клиенты в Локку каждый день и приходят. Будто между нами с ней нет никаких различий. Это было чертовски странно.

Неоспорим тот факт, что Крумо – развлечение богатых. Если разговоры о сокровенном можно назвать развлечением.

Так получилось, что у меня есть деньги. Я запросто мог потратить их на что-то другое, на тот же алкоголь. Но нет, пошёл и взял Крумо. Зачем? Потому что хочу поговорить хоть с кем-нибудь. Друзей у меня нет. С недавних пор я остался совсем один. А душу жжёт. И тут алкоголь не поможет.

Крумо с интересом смотрел на меня.

– Что? – спросил я.

– Мне тебя жалко, – сказал он.

Я открыл рот и тут же закрыл, не зная, что отвечать. Крумо же перевёл глаза в сторону кипящего чайника и произнёс:

– Кажется, пора выключать.

Пока я заваривал чай, мои мысли стремительно метались по голове, доставляя дискомфорт. Сейчас мы будем разговаривать с этим чудо-существом, но как? Неловко, страшно. Хоть он и приятен. Что-то вроде глубоко мудрого старика с чистейшей детской душой. Но как с ними беседовать, с этими Крумо? Хоть бы дали начальное пособие...

– Ты просто рассказывай, – послышался за моей спиной голос, – и всё.

«Мысли читает, – я похолодел, – как такое вообще возможно?»

Чай был готов. Я сел на своё место, сделал глоток. Собрался с мыслями. Руки и горло понемногу согревались, и я почувствовал, что расслабляюсь.

– Я не читаю мысли, – сказал вдруг Крумо, – я вижу лишь то, что ты открываешь мне. Вижу эмоции с корня, вижу намерения. Точнее, ощущаю их вибрации. Так происходит у всех Крумо.

– Удивительно, – произнёс я.

– Ты пережил нечто страшное, это всё, что я пока понимаю о тебе, – он смотрел на меня с грустью, – ты расскажешь?

– Расскажу. Я потому тебя и взял.

3

Земля умирает.

Когда-то давно на планете росли растения. Жили животные. Текли реки с незаражёнными водами. Теперь всё изменилось.

Я не знаю той жизни. Я не помню, что такое деревья, цветы, фрукты и овощи. Всё это умерло ещё до моего рождения. Мне знакомы лишь вкусы экстрактов вместо натуральной пищи, серые стены домов, бледное небо. Кстати, оно почти всегда затянуто, солнце может посчастливиться увидеть лишь раз в месяц, а то и два.

Земля умирает...

Многое менялось с тех пор, как она начала угасать. Наше маленькое обособившееся государство стало крохотным островком посреди океана, собравшим на себя людей и установившим свои правила. Эти правила должны стать нормой для всех людей, однако что-то в этой системе постоянно даёт сбой. Но об этом позже.

Я чуть помолчал. Затем задал Крумо вопрос:

– Ты знаешь, что такое анимирация?

Тот покачал головой.

– В самом деле, откуда тебе знать, – пробормотал я. – Анимирация – это принудительное умерщвление. Она проводится над теми, кто болен неизлечимой болезнью, а также над людьми с инвалидностью. Ресурсов на земле мало, вот они и... – я сглотнул, почувствовав, как горло словно начало жечь.

– Жестоко, – сказал Крумо.

– Так вот, – продолжил говорить я, – моя мама попала под анимирацию.

– Почему?

– Заболела чем-то. Чем – нам не сказали. Просто поставили перед фактом, что она попадает в список. Это произошло три года назад, с тех пор мы с младшей сестрёнкой остались совсем одни.

Крумо покачал головой и вдруг произнёс задумчиво:

– Так это о ней ты думаешь с таким теплом?

– О Саре? Да, – отозвался я. – Сара была младше меня на год, и я очень её люблю.

– Чувствуется. Рассказывай дальше!

– Да, да, слушай. – Я мысленно перенёсся в тот день, когда маме должны были поставить последний в её жизни укол.

Перед уколом ей разрешили увидеть нас, хоть она и была никакая. Я и Сара, моя заплаканная испуганная сестрёнка, пришли к ней в её страшную грязную палату... Саре было страшно, хоть тогда ей уже было шестнадцать лет. Но я её, конечно же, понимаю, ведь мне было страшно тоже. Мы плакали по разным комнатам эти четыре дня, как узнали, что мама попадает в список анимируемых. И пришли мы к маме с опухшими глазами, укутанные – была зима, испуганные. Мама нас погладила по рукавам – всё, что смогла сделать. Силы покинули её очень быстро, и нас вывели из палаты. Через несколько часов нам сообщили, что укол подействовал почти сразу, и мама ушла на тот свет.

Крумо внимательно слушал. Постепенно напряжение в горле отходило – может, меня просто согревал чай? И я окреп голосом.

– Мы даже не знаем, где её могила. И есть ли она... Может, анимированных сжигают в пепел и выбрасывают. На земле тотальный кризис. Люди выживают на крохотном клочке... У нас отнимают, пусть и немощных, близких, ради выживания – более сильных. Это чертовски странно и больно. Жизнь обесценивается, мир становится все жёстче и жёстче. Не все имеют право выживать теперь. Однако есть один шанс...

Я замолчал на полуслове. Перед глазами вдруг встала недавняя картинка – предстала она, как вспыхнула. Я чётко увидел Сару на том же месте, где сейчас сидел Крумо. Её спутанные длинные волосы, худое бледное лицо и усталый взгляд. Она куталась в мою рубашку и смотрела на меня с немимым вопросом.

– А успеем ли мы?

Меня передёрнуло. Гулкой болью в груди отозвалось это воспоминание.

– Переселение через семьдесят пять дней, – она сидела здесь же, в этой кухне, такая маленькая и беспомощная. Её величественные, пышные когда-то волосы были не мыты уже долгое время, так как мы сэкономили на воде.

– Мы накопили всего половину, – сестра смотрела на меня, не мигая, – успеем ли мы в срок?

– Успеем! – я тогда почувствовал прилив энергии и желание работать за десятерых, лишь бы доказать ей, что мы сможем, – скоро я получу деньги... Будем дальше экономить на воде и вскоре получим заветные билеты!

– Да.

– Но продолжай хорошо питаться, Сарочка. Слышишь меня? Твои руки стали ещё тоньше за последнее время.

– Я сегодня ела сырный экстракт.

– Нужно было купить хотя бы хлеба...

– Но я люблю сыр!

– Это далеко не сыр, и он вовсе не питательный. Вот и худеешь. Кушай хорошо, а о переселении не беспокойся – всё будет замечательно.

Всё будет замечательно...

Переселение

– Это не твоя вина, – тихо сказал вдруг Крумо.

– Не моя? Крумо, слушай дальше.

Все последние месяцы я пребывал в страхе. Время несло с невообразимой скоростью. Переселение... Оно будет только одно. И если мы с сестрой не сможем накопить и исчезнуть с этой погибающей планеты, ни о каком будущем не может идти речи. Все уже знают о том, что Земле конец.

Нам обещают жизнь там, где всё подготовлено к появлению людей. Есть атмосфера и вода, и даже начинают возрастать растения – растения, которых земля не видела уже пятьдесят лет! Я в своей жизни видел лишь одно – это было вековое дерево, доживающее свой век. Оно было страшное, чёрное, очень сухое. Мама рассказывала, что раньше на растениях были зелёные листья – но это когда-то давно, ещё в её детстве. А мы с Сарой и представить не могли, как такое страшное, скрюченное «растение» может цвести и жить.

Планета, куда нас обещают переселить, кажется началом чего-то нового – это что-то нежное, любящее, родное. И в тот день, когда мы услышали о переселении... Хотя это и было год назад, помню, как вчера, выражение лица своей сестры – Сара плакала от счастья. Она смотрела на меня горящими глазами, а я чувствовал, как внутри меня загорается надежда – давно забытое чувство. Мы были счастливы, ведь появился стимул.

Переселение состоится ровно через сто дней. Всего-то ничего, нужно накопить определённую сумму на билет в рейс. Рейс будет один, капсула, в которую должны уместиться порядка пятисот человек, будет напитаана последним особым запасом энергии. Земля останется пустовать, продолжая медленно умирать дальше. А мы... Будем счастливы там.

В этот же день мы с Сарой рассчитали всё до мелочей – сколько откладывать в день, на чём экономить, от чего отказаться. Сара поставила в угол коридора коробку из-под обуви с прорезью в крышке, предварительно разрисовав всю поверхность дурацкими сердечками.

– Зачем?! – хлопнул я себя по лбу.

– Чтоб была мотивация! – Сара обиженно покосилась на меня.

– Сердечки – это любовь, это счастье. Будешь их видеть – будешь

чаще вспоминать о том, что нас ждёт в день переселения, когда мы вытащим из коробки всё накопленное!

– Ой, дурочка, – я потрепал её по пышным волосам, – а ведь когда-то давно ты могла бы продать свои волосы.

– Продать волосы?!

– Ага. Раньше их покупали, причём за большие суммы. Пополнилась бы наша коробочка...

Сара радовалась. Я радовался. Лишь одно сожаление сидело внутри – было грустно, что мама не дожила до этой новости.

Переселение будет только одно. Казалось, что мы не дождёмся этого момента – думалось, изведёмся от любопытства и желания вот-вот ступить ногой на поверхность новой планеты. Нового «дома». А пока...

Наш маленький дом – это крохотная съёмная квартира на втором этаже в Старом районе. Нас окружают панельки и чёрные улицы без фонарей, мрак и тощие крысы в подъездах. Наверное, это единственные оставшиеся животные на этой планете.

Сара разносила квитанции по району, я работал в тканевом магазине. Таскал рулоны да нарезал ткань. До новости о переселении мы жили скромно, но, удивительно, хватало нам на всё. Может, потому что были небольшие потребности? Сара ходила всегда в одной и той же рубашке, иногда сменяя её на вязаный свитер. Ботинки да кроссовки мы латали сами – но чаще всего сестра – так как у неё чудесным образом получалось превратить рванину во что-то более-менее стоящее. Еды же у нас было всегда достаточно – я старался покупать лишь сытную полезную еду. Хотя, насколько полезным можно назвать кусок хлеба, похожий на пенопласт?

С тех пор, как в нашем коридоре появилась коробка с прорезью на крышке, вся наша жизнь стала вертеться вокруг неё. В первый же день Сара сложила в коробку всю свою мелочь, я – половину зарплаты. Однако изо дня в день я всё больше понимал, что, откладывая столько, вряд ли мы не умрём с голоду. Нужно было что-то решать.

– Сарочка, я пойду работать на башню.

У сестры округлились глаза, и она жалобно протянула.

– На водяную?

– А на какую еще?

– Может, не стоит именно туда...

– Но ты же хочешь, чтобы мы попали на переселение?

Сара скорчила гримасу. Я понимал, что работа на башне опасна, однако желание получить много денег, пусть и рискованным путём – было сильнее. Я отдал документы на новую работу, куда брали всех без разбору. Было страшно, признаю. В первый же свой рабочий день я по неосторожности чуть не сломал себе обе руки и вернулся домой до смерти испуганный и уставший как никогда. Приходили мы с Сарой с работы плюс минус вместе, и в этот вечер – уставшие, голодные, сели за стол вместе.

– Я купила шоколад, – Сара положила на стол шоколадку в прозрачной плёнке, и почему-то от его вида я почувствовал раздражение.

– Сара, мы же экономим...

– Но ты любишь шоколад... Я хотела, чтоб ты пришёл и обрадовался.

– Хватит! Лучше бы ты купила сендвичей, а сдачу положила в коробку! Что за глупость!

Я тогда впервые на неё закричал. Сара сидела неподвижно, и я понял, что она сейчас заплачет. Я зачем-то ушёл из кухни и сидел около окна в нашей комнате, чувствуя страх и раздражение. Да, первый рабочий день был ужасен, я получил не так уж и много денег. Однако Сара... Не виновата...

Через полчаса я вернулся – она всё так же сидела перед шоколадкой, умытая слезами. Я обнял её и попросил прощения.

– Сара, мне просто страшно. Я чуть не умер на работе. Очень хочу успеть накопить вовремя, вот и сорвался.

– Я говорила тебе, к чёрту эту работу. Как-нибудь да накопили бы. Не сломались... И да, прости за этот шоколад.

– Давай съедим его, – я примирительно погладил её по голове, как капризного котёнка. – Все будет хорошо. Смотри, я сегодня вон сколько получил за смену... Положишь их сама в коробку, ладно?

– Что ты со мной как с маленькой? – Сара посмотрела на меня уже не так обиженно. В тот день мы попили чай с шоколадом, но я не чувствовал радости от этого вкуса, который всегда меня радовал. Тревога не покидала меня ни на секунду.

Работа адово сказалась на моём эмоциональном состоянии. Да и физическом. На моих глазах в руднике задавило рабочего, а потом смыло в жерло. Я делал свою работу и каждый раз заново прощался с жизнью.

Коробочка пополнялась, и судорожно каждый вечер после смены я её открывал и пересчитывал. Сестра подкрадывалась сзади и ждала.

– Почти уложились в этот день, – тихо говорил я, – иди спать.

Она засыпала быстро, а я долго ворочался, чувствуя непонятную доселе боль внутри – мне казалось, что мы не успеем. Появился хронический страх, и он паникой обострялся по ночам. «Нужно больше, больше откладывать, – с тоской думал я и засыпал с этой мыслью, – больше, больше...»

Саре, уходя на работу, я всегда оставлял деньги на столе, рядом с коробкой черничного чая, который она перестала пить каждый вечер, чтоб растянуть. Она на них питалась весь день, так как на обед приходила домой, а я обедал на работе.

Дни закрутились в судорожном ожидании и постоянном пересчитывании денег. Пока мы крутились, как в колесе, мир чудовищно менялся. Образовалась нищета, но и появились олигархи. Они питались не экстрактами, а настоящим мясом, дорогим, как квартира. Кто и где успевал разводить скот? Я ни разу не видел ни мяса, ни животных.

Также олигархи вели спокойную жизнь, как и раньше, пользовались услугами различных салонов и Крумо. Думается, сохранять спокойствие им помогало именно то, что они одни из первых выбили себе билеты на переселение. По городу пестрели лозунги на домах: «Помни о великом дне, когда человечество начнёт новую эру». На некоторых постоянно менялась цифра – шёл отсчёт ко Дню переселения.

Я мало обращал внимания на лозунги и оппозиции, что постоянно мельтешили перед глазами – дико уставал на башне. Руки мои к концу смены неистово тряслись, я слышал шум в ушах, и мой взгляд стал стеклянным. Чтобы добывать норму отложенных в день денег, мне пришлось продать некоторую мебель. Брали её дёшево, так как шла она в основном на топку печей для бедноты, а богатым была не нужна.

Когда одним прекрасным утром я проснулся в ужасном жаре, я понял, что наступило страшное. Руки онемели, каждую кость как будто пронзал ток – мне было тяжело даже вдохнуть воздух.

Только не это. Я попытался двинуть рукой, но ничего не вышло. В ушах звенело, и сквозь этот звон я слышал чьи-то крики и, кажется, выстрелы... Окно было открыто, и я понял, что звуки идут оттуда.

– Что же это? Оппозиции? Опять?

В последнее время они зачастили. Я слишком закрутился в своём ритме, слишком закрылся от внешнего мира и впервые услышал, что происходит за пределами моего мира.

Всё равно... Нужно встать. Обязательно нужно встать. Я должен выпить таблетку и пойти на смену.

Сара, видимо, услышав, как подо мной скрипит пол, влетела в комнату.

– Быстро ложись! Ты бредишь? Еле стоишь на ногах!

– Мне нужен парацетамол...

– Дам я тебе парацетамол. Но прошу тебя, ляг, ты не пойдёшь на работу в таком состоянии!

Я лёг и почувствовал адскую боль во всём теле. В глазах рассыпались звёздочки, голос Сары стал медленно утихать, и я отключился.

4

– Опять митинги.

Первое, что я услышал – незнакомый голос, произнёсший эти слова. Потихоньку возвращалась боль, а звон в ушах прекратился... Мысли не возвращались, лишь их обрывки вспыхивали в сознании и угасали. Я не умер.

– Давай ему по три раза в день. Вот тебе на неделю. А дальше – смотрите по состоянию.

Неделю?! Я охнул и резко открыл глаза. Меня ослепила наша настольная лампа, тускло горящая в углу. Сара сидела на краешке кровати, измождённая, спокойная.

– Спасибо вам.

– Не за что. Если снова в обморок упадёт, звони. Я сегодня рядом буду, в отделении охраны. На улицу страшно выходить.

Доктор, тень которого что-то положила в сумку и махнула Саре рукой, исчез в проходе. Сестра встала и пошла закрыть за ним дверь. Когда вернулась, первым делом принялась вытирать мокрой тряпочкой моё лицо. Стало приятно от прохлады, которой так не хватало горячей коже... Но я сморщился и прохрипел, не узнав своего голоса.

– Что ты... наделала...

– Прости, Лим.

– Вызвать врача. А эти таблетки. Где ты взяла деньги?

– Из коробки, – Сара остановилась, и её голос задрожал. – Ты упал в обморок, я очень испугалась. Мы всё восполним.

– Сара! – моё сердце в тот момент заколотилось бешено. Мне хотелось разорвать в клочья наволочку, ударить об стену стул, но я не мог даже пошевелиться. – Сара! У меня такое бывает, ты же знаешь! Это от высокой температуры. Отключился, бывает... Побила бы по щекам, но вызвать доктора... И таблетки... Сколько ты взяла?!

Её лицо было расплывчатым пятном с жалкими очертаниями, испуганное, расстроенное. Мне было больно от всего ужаса ситуации, в которой мы оказались. Что делать? Как мы успеем накопить вовремя, если я сейчас буду лежать и болеть? Это невысказано, это сейчас не нужно... Это неправильно, это некстати, и вообще – как?! Сара намочила тряпку, туго выжала и опустила на моё лицо. Я выдохнул. Приступ гнева отступал, но на его место кралось бессильное тяжкое отчаянье.

– Сара, – прошептал я, – с этого дня мы экономим на воде.

– Хорошо.

– Не жалей меня. Я не буду пить без надобности. Мыться буду на работе. А ты... Используй, но чуть поменьше. Хорошо?

– Хорошо, – Сара расправила тряпку на моём лице, – ещё раз прости.

– Ничего. Ты сама понимаешь, что нам нужно копить. Чётко по расписанию. Иначе мы сохнем, и нас не будет ждать никакое будущее.

– Знаю.

– Не нужно меня жалеть. Я бы выпил таблетку и пошёл на смену, без всяких врачей.

– А потом бы вырубился и свалился в жерло? – неожиданно резко сказала Сара. Я испуганно взглянул на неё. Её глаза горели возмущением.

– Сара, я живучий, как кот. Но нервный, как... этот...

– Как хомяк.

– Да. Дай мне эти таблетки. Я выпью и завтра пойду на смену.

Сара не успела мне ничего сказать, прежде чем я схватил капсулы, оставленные врачом – откуда только появились силы? И принялся съесть их все по одной.

5

От солнечного настроения, что было в день объявления о переселении, не осталось ни следа. Началось выживание. Благо наша потускневшая каморка не требовала больших затрат, кроме как на воду.

Ещё день после посещения врача я валялся в полубреду, не принимая пищу, лишь иногда попивая маленькими глотками воду из стакана. Сара вернулась вечером с работы и первым делом показала мне несколько купюр.

– Я сегодня отбегала за напарницу. Заработала в два раза больше.

– Умница, – я мало что понимал, и даже не сразу вспомнил, где Сара работает, и какая такая у неё напарница, за которую нужно бегать, но деньги были сигналом к успокоению, и я снова провалился в сон. Периодически просыпаясь, пытался вспомнить, где я, видел Сару, немного успокаивался, и мы подолгу общались.

– Что за митинги были?

– Люди возмущены повышением цен, – рассказывала Сара, не глядя на меня, – возмущены существованием Крумо. Тем, что простые люди батрачат день и ночь, а те, кто зарезервировал билеты заблаговременно, шикуют да Крумо покупают.

– Да и пусть покупают.

– Тоже так считаю. Я, например, счастлива. Пусть у меня и нет денег на настоящий сыр. Когда-нибудь мы же его всё равно попробуем. Сейчас же у меня есть ты, у нас есть дом и работа. Мы откладываем деньги, и у нас неплохо получается. И когда-нибудь мы увидим настоящее солнце, это будет настоящий рай.

Меня почему-то раздражало её спокойствие. У нас неплохо получается? Нет, мы потратили кучу денег на врача и взяли эти деньги из отложенных. Нет, мы потеряли целых два дня, которые я мог был потратить с пользой на работе и приумножить наши накопления. В чём счастье, если я лежу здесь, больной и жалкий, и меня выхаживают как инвалида? В чём счастье, в том, чтобы смотреть на мир сквозь призму розовых очков? Как же больно будет, появившись на этих очках трещина, моя милая Сара!

На следующий день я чувствовал дикую слабость в ногах, но, тем не менее, встал и, пошатываясь, направился к куче одежды в углу.

Сара собиралась на работу и уже стояла в дверях. Услышав шаги, обернулась и уставилась на меня.

– Я сегодня пойду на смену, даже не уговаривай оставаться.

Она лишь промолчала в ответ.

Удивительно, но во мне почувствовалась даже некоторая бодрость после того, как я вышел на улицу. Город был умыт утренним дождём, я шёл, вдыхая почти свежий воздух, и чувствовал, как поднимается настроение. Улицы были пустыми, и единственное, что за эти два дня изменилось – это увеличение бродящих по городу патрульных. Они, с настоящими ружьями за спиной, лениво облокотившись о стены или колонны, лениво переговаривались, покуривали. Один подошел ко мне и попросил документы.

Из-за бунтов – об этом было не сложно догадаться. Хорошо, что я выглядел не подозрительным диверсантом, а всего лишь как бомж.

На работе я почувствовал прилив энергии, и даже перестал отсчитывать время до конца смены. Делал свою работу машинально, без мыслей. Не было вдохновения и рвения, как когда-то месяц назад. Может, и не месяц прошёл, а больше. Счёт времени потерялся вместе с постоянным пересчитыванием накопленного. Я даже не знал, сколько денег в последний раз в коробку закинула Сара, но точно знал, что девяносто процентов от денег, полученных сегодня, я положу туда. А кушать можно и небольшими порциями да продукты подешевле.

Через какое-то время меня отправили на пятнадцатиминутный отдых. Я потянулся, слыша, как мои кости захрустели и налились блаженной слабостью, и отправился посидеть немного на улице. Половина смены отпахана.

Там уже сидел один рабочий, что не шибко меня обрадовало – я любил бывать здесь в одиночестве. Однако мне быстро стало всё равно, хотелось лишь одного – сесть. Я доковылял до скамейки и почувствовал табачный дым, от которого поднялся неприятный комок к горлу. Рабочий держал в руках сигарету, но через несколько минут, как я сел рядом, спрятал её. Видать, заметил моё зелёное лицо.

Я сидел и понимал, что невылеченная болезнь даёт о себе знать. Кости ломает, голова болит, и эта навалившаяся слабость... А ведь прошла всего то половина смены. Нужно взять себя в руки и доработать. Отлежаться-отоспаться можно после смены, под сопение Сары, стук настенных часов, в родной тишине дома.

– Чего с руками?

Мои мысли прервал грубый голос рабочего, сидящего рядом. Мне не хотелось разговаривать, но из вежливости я ответил, окинув взглядом свои действительно ставшие страшными руки: в рубцах, покраснениях и пыли.

– Я мусор разгребаю.

– Да это я понял. Долг выплачиваешь, что ли?

На растаскивании мусора платили больше всего. Но там же опасность подстерегала на каждом шагу. Понятное дело, мало кто стремился брать смены именно туда. Но только не я. В бессилии откинувшись на скамейке, я снова неопределённо пожал плечами.

– Нет у меня долгов. Всё вовремя плачу.

– Копишь, значит... – пророкотал своим грубоватым голосом рабочий, – переселяться думаешь?

Я удивлённо на него покосился.

– А вы разве нет?

Тот улыбался. Я смог рассмотреть его лицо и определить, что работает он в основном в котельной, уж очень закопчённое было у него лицо. Сморщенная кожа, густые брови, морщины, скрывающие на дальний план глаза, которые оказались даже красивыми – голубыми и блестящими. Он был так же, как и я, в грязной серой спецовке, покрытой производственной пылью.

– А я нет.

Он сказал об этом довольно спокойно, и мне это показалось странной шуткой.

– Простите?

– Живу я сейчас просто, – сказал он, – жена умерла, мать с отцом попали под анимирацию. Никого у меня не осталось. Я смирился.

– Но ведь, – нахмурился я, – но ведь это не повод...

– Хочу остаться здесь, – задумчиво продолжил он, вглядываясь пристально куда-то вперёд, – на нашей Земле, на нашей несчастной планете. Да и предчувствие у меня плохое. А чуйка меня ой как не подводит.

Я молчал. Всё вокруг наполнилось какой-то щемящей пустотой. Мне не хотелось тут находиться.

– После переселения планете кирдык, – почему-то с улыбкой сказал рабочий, – ничего уже не будет, как раньше. А сколько существовало государств... Сколько здесь жило животных, росло растений, разливалось чистых, незаражённых рек... И воздух был другой. Бабушка мне рассказывала. Да разве там мы сможем воссоздать то, что уничтожили в родном доме?

Я пожал плечами. Мне становилось плохо.

– Умру здесь. Достоинно проживу свои последние дни на родной Земле. Жалко мне её, до слёз жалко.

– Простите, я пойду.

– Давай. Удачи тебе, парнишка.

– Спасибо. И вам.

Я вернулся на смену чтобы молча добить этот день, без всяких тревожных мыслей.

Рассказы

Глаза

Яркий диск луны освещал пологий холмик. Коротенькая трава едва шевелилась от лёгких ленивых порывов тёплого ветра: духота нависла, словно перед грозой. Однако никаких туч на небе не наблюдалось – наоборот, необычайно ясное, почти голубое, несмотря на ночь, небо матово освещало клочок земли: холм, лес, тёмной полосой окаймляющий горизонт, и небольшое заброшенное здание посреди тихого поля. Постройка одиноко белела вдали, были видны лишь облупленные стены, гладкие и высокие. Николай остановился и резко обернулся к идущему сзади брату:

– Пойдём туда?

Мальчик лет четырнадцати, еле поспевающий за старшим, тоже остановился и уставился на одинокую постройку.

– Знаешь, сейчас всё равно уже, – выдохнув, отозвался он. – Лишь бы где-нибудь остановиться.

Он поправил большую квадратную сумку на плече и вздохнул. Николай выпрямился, задрал голову и уставился на небо, огромное, как океан. Луна плескалась в этих дивных, невидимых воздушных волнах, заглушая ярким светом робкие огоньки звёзд. Это было красиво, невинно, как-то по-особенному...

– Пошли, – младший потянул Николая за рукав. – Я устал... тем более, прошло уже более трёх часов, как мы ели, неплохо было бы перекусить.

Николай беспрекословно пошёл за братом, всё так же молча неся в руках похожую квадратную сумку, которая лишь отличалась большими размерами от багажа младшего. В сумках обоих лежало примерно одно и то же: куча кистей всех размеров, несколько разрисованных холстов, пёстрые палитры и тюбики с красками и, конечно же, складные мольберты. Сумки давили на плечи, усталость тяжело ложилась на глаза, ноги тащились еле-еле. Это же надо было – опоздать на последнюю электричку!

В воздухе звенела тишина: лишь иногда слышались плачущие крики какой-то ночной птицы. Шелест травы под ногами, лёгкий

вой ветерка, дальний стрекот кузнечика, – все эти звуки складывались в особенную тишину, в которой хотелось закутаться и заснуть.

– Ох, уже немного осталось, – младший обернулся к Николаю. – Слышишь, Коль?

– Слышу, – отозвался тот и улыбнулся. – Слышу и вижу. Как себя чувствуешь?

– Ничего...

– Вот, и идти осталось всего ничего...

Костя поправил сумку и сладко зевнул:

– Интересно, что это за здание?..

Не прошло и пяти минут, как братья уже стояли напротив высокой гладкой стены, белой от лунного света, с осыпавшейся штукатуркой, где просвечивал побледневший от времени кирпич. Николай обошёл стройку и остановился у темнеющего в стене входа, заросшего крапивой.

– Пойдём?

– Конечно, – Костя шмыгнул носом и с любопытством заглянул за спину брата.

– Ты погоди. Сперва я.

Николай осторожно зашёл внутрь и тут же ощутил лёгкую приятную прохладу, идущую от каменного пола. На удивление, он был гладок и цел: тёмные стены возвышались полукругом. Тут же потухли все внешние звуки: здесь было действительно тихо.

– Ничего себе! – Костя осторожно вошёл, восторженно оглядываясь по сторонам. Здесь было такое громкое эхо, что он вздрогнул от собственного голоса. – Что это за место?

Николай пожал плечами.

– Наверное, заброшенная церковь.

Он уселся, прислонившись к стене, глядя, как брат изучает новое место. Из окна, у которого он примостился, помещение освещала полная луна.

Николай вытащил из сумки изрисованные днём холсты и принялся пристально их рассматривать. Тем временем Костя закончил обозрение пристанища и тихо подсел к брату. Вытащив из кармана сумки пирожок, он откусил и тоже уставился на этюды Николая. Тот же рассматривал рисунки долго и пристально, словно анализируя все мазки, сложенные в гармоничный пейзаж. Взгляд его замер, лишь иногда двигался по площади холста, и непонятно было, о чём он думает в этот момент.

Отряхнув руки от крошек, Костя ткнул пальцем в небольшой пейзажик в руках старшего брата:

– Мне очень нравится.

Тоненькая речка синей лентой весело струилась недалеко от леса. Небо чистое, девственное, наполненное солнечным светом, берёзка невдалеке. Это поистине был очень удачный этюд.

Однако Николай равнодушно пожал плечами:

– Ничего особенного...

– Тебе всё «ничего особенного», – с завистью протянул Костя. – Мне бы твои «весьма обыкновенные», как ты выражаешься, работы принести и сдать – одни бы пятёрки были.

Николай окинул брата пустым взглядом.

– Бери.

Однако тот резко замотал головой.

– Это же я так, к слову. Я должен намалевать все свои долги сам, – Костя помолчал и тяжело вздохнул. – Ты очень хорошо умеешь рисовать... вот здесь засветлил, потому что дальний план, – Костя указал рукой на лес за речкой на картине. – Тут небо затемнил – всё по правилам. Хотелось бы мне рисовать так же...

Николай помолчал, потом тихо произнёс:

– А я даже не знаю, чего я хочу...

Костя удивлённо окинул его взглядом.

– Как это?

Тот неопределённо пожал плечами.

– Такое бывает. Школа закончилась, отпали какие-то обязанности, а впереди что-то большое, неизвестное, пугающее. Я постоянно боюсь... сделать неверный шаг.

Николай замолк и окинул быстрым взглядом холсты, которые держал в руках всё это время.

– То, чем я занимаюсь, совсем не то, – он отбросил этюды в сторону и тяжело вздохнул, – понимаешь? Мне кажется, словно я трачу свои способности только ради того, чтобы куда-то их девать, эти способности... Они не дают мне ровным счётом ничего – эти пейзажи, холмы, деревья. Миллионы, нет, миллиарды таких картин сейчас по всему миру... А я хочу чего-то другого. Я хочу не примыкать к этой массе художников-пейзажистов, не примыкать к миру, а как-то менять его... Эх, наверное, ты не поймёшь.

Николай снова вздохнул, уставившись в одну точку. Костя тоже какое-то время молча разглядывал грязный шнурок на сапоге, не говоря ни слова, словно переваривая информацию. Наконец, он шмыгнул носом и сказал:

– Кажется, много ты на себя берёшь, мучаешь себя чем-то постоянно, терзаешься... Для чего? Живи себе спокойно, малюй пейзажи и ни о чём не беспокойся. Главное, чтобы это приносило удовольствие тебе.

Костя сделал ударение на последнем слове и пытливо посмотрел на брата.

Тот вздохнул.

– Ты другой породы человек, Кость. Беззаботный ты. Не представляешь, как тошно мне от того, что я творю, – Николай с отвращением покосился на одиноко белеющие на полу холсты. – Ладно, ты ещё учишься, набиваешь руку, тебе простительны такие пейзажики... ну а я? Я должен создавать что-то новое, что-то, над чем зритель мог бы задуматься... Мои ничтожные работы могут пригодиться лишь для украшения спален, но никак не для размышления.

Воцарилась тишина. Где-то за стеной послышался стрекот сверчка и тут же умолк. Костя зевнул и огляделся по сторонам.

– Вечно ты накручиваешь себя, – сказал он. – Неужели нельзя жить проще? Ох, пить что-то захотелось.

Он вытянул из рюкзака бутылку, наполовину наполненную водой, и, отхлебнув из неё, вдруг тронул Николая за плечо.

– Что? – обернулся тот.

– Ты совсем забыл? Тебе же нужно выпить таблетку...

Николай поморщился и отвернулся.

– Не сейчас.

– Но нужно ведь соблюдать режим....

У Николая с самого детства наблюдались серьёзные проблемы с сердцем, и это определило всю его последующую жизнь: посещал Николай специальную школу, рос тихим и замкнутым. Постоянное принятие таблеток вошло в привычку, однако Николай всё чаще начал нарушать режим. Но Костя так беспокоится. Вздохнув, Николай всё же вытащил из кармана упаковку с таблетками и закинул в рот одну.

Костя посмотрел на брата:

– Коль, скажи, они вообще помогают?

– Кто?

– Ну, таблетки эти...

Николай убрал упаковку обратно и улыбнулся.

– Не знаю.

– Как же так?!

– Видишь ли, я с детства привык к такому своему состоянию, – Николай помолчал, прислушавшись к звукам снаружи. – Привык постоянно прислушиваться к себе, научился различать стадии приступов и предчувствовать их... Таблетки – это так, для порядка, для того чтобы быть более уверенным в себе. Нельзя же совсем без лечения. Хотя вряд ли они дают какой-то эффект.

Он немного помолчал и сказал:

– Иногда мне кажется, что я такая же пустая таблетка – в инструкции написано, что делает то-то и то-то, а на деле – нужна лишь для соблюдения правила, хотя ничего, по сути, в себе не несёт...

Мотылёк, пошелестев крыльями, пронёсся мимо братьев и вылетел в окно. Луна чуть сместилась и осветила почти половину здания – теперь уж точно стало понятно, что временное пристанище братьев являлось старым храмом. Изнутри стены были покрыты не то пылью, не то ещё чем-то – точно разобрать нельзя. Кое-где из-под стены выглядывала трава.

– Интересно, – задумчиво произнёс Костя, оглядывая храм, – а что здесь было до того, как это место забросили?

Его часто интересовали такие вопросы: что же было здесь тридцать, сто лет назад? Это будоражило сознание, заставляя по-иному смотреть на вещи. Быть может, это тихое, молчаливое место, пустое и всеми покинутое, когда-то было одним из наикрасивейших храмов? Быть может, здесь собиралось множество различных людей – кто знает? Разве что стены могут помнить всё, что было – да молчат.

Костя встал, прошёлся по помещению. Было прохладно, но совсем не сыро – наоборот, стены и пол были покрыты едким слоем пыли. Стены высились кверху и смыкались там, образуя некий колпак. Под самым куполом Костя заметил гнездышко: оказалось, это место облюбовали ласточки.

– Если это храм, то должны быть иконы, – сказал Костя, обращаясь к брату, – слышишь, Коль? Куда они делись?

– А кто знает, – отозвался Николай. – Может, люди растащили. А может, когда храм закрывали, их просто сожгли.

Он привалился к стене и прикрыл глаза. Здесь было необычайно спокойно – казалось, нигде он не чувствовал себя таким защищённым, как здесь. Негативные, тревожные мысли по поводу будущего сами собой отошли на второй план. Душа отдыхала.

Костя всё бродил по храму. Остановившись у одной из стен, задумался. Оглянулся на тёмную фигурку у окна. Вздохнул. Хоть Костя и был моложе, а всё-таки ощущал постоянную тревогу за брата. Он старался по мере своих возможностей помогать ему в любом деле, а Николай сердился и говорил, что может всё сам. Но много ли сможешь с больным-то сердцем?

Сегодня, когда ребята опоздали на электричку, Николай ужасно нервничал. Последняя электричка, одинокая станция, слева поле, позади лес. Куда идти, где остановиться? Хорошо хоть родители гостят у родственников в чужом городе. Не хватало ещё, чтобы они начали волноваться.

Снаружи прокричала ночная птица. И снова тишина...

Костя хотел зевнуть, но тут же подавил зевок. На стене, прямо напротив себя он увидел силуэт. Оглянувшись на задремавшего брата, Костя снова посмотрел на стену – точно, тёмный силуэт. Сперва могло показаться, что это тень – но нет. Подойдя к стене, Костя потрогал холодную гладкую поверхность и тут же разглядел очертания лица.

В голове что-то щёлкнуло, и Костя неуверенно потёр краешком рукава там, где были очертания лица. Что-то стало проявляться, и он, увлечшись, принялся тереть изо всех сил, уже не рукавом, а носовым платком.

Постепенно слой пыли, прилипшей к стене, начал слезать. Проявилась часть лица, затем лоб, подбородок...

Уже через полчаса Костя легонько теревил за плечи Николая. Его глаза светились от радости.

– Ты чего? – Николай непонимающе уставился на Костю, морщась от резкого пробуждения.

– Пошли скорее, такого ты ещё не видел.

Николай нехотя встал и направился за младшим братом. Подойдя к стене, к которой его подвёл Костя, Николай замер.

Луна уже склонилась к горизонту и светила почти напротив окна – матовый луч освещал тёмную от времени стену. Силуэт был освещён луной, и хорошо было видно лишь глаза, огромные и глубокие.

Николай поражённо смотрел в них – человек, писавший эту фреску, сумел передать на лице всё – кротость, смирение и такую любовь в глазах! Они обладали какой-то отдельной, чистой энергией, которая нигде ещё не ощущалась. Не было использовано никаких художественных правил в написании – можно сказать, фреска была написана совсем неправильно. Но при этом лик женщины, изображённой здесь, сумел собрать в себе всё...

Оглянувшись на брата, Николай поражённо произнёс:

– Откуда это?

– Фреска здесь была под слоем пыли, – довольно ответил Костя.

– Я лишь немного отгёр её, – он подошёл к росписи и принялся её рассматривать.

– Ты посмотри, какие глубокие глаза, – тихо сказал он.

Николай снова обернулся к прекрасному лику. Казалось, что эти глаза смотрят прямо в душу – и под их воздействием тут же хотелось задать себе давно волнующие вопросы, которые мы блокируем день ото дня, откладывая на потом лишь по причине того, что лень думать, размышлять. Хотелось, наконец, задать себе эти вопросы – и задуматься над ними. Быть может, это и есть высшая духовная сила в визуальном изображении?

Интересно, достиг ли художник, писавший эту фреску, собственно внутреннего идеала?

– Я даже оторваться от них не могу, – почти шепотом произнёс Костя, заворожённо рассматривая лик. – Но почему-то одновременно и страшно в них смотреть...

– Наверное, мы ещё слишком далеки от той духовной полноты, которая изображена здесь, – сказал Николай. – Потому и страшно...

– И написано совсем не по правилам. Разве так можно?

– Можно, – ответил Николай и тут же сам задумался над этим простым ответом на свои внутренние сомнения и терзания. Сжимая свой талант рамками из правил, можно лишь разрушить в себе всякую потребность творить, а главное – писать именно душой и сердцем....

В храме чуть потемнело, и уже через минуту несколько тысяч капель ударили по куполу. Братья вздрогнули.

– Дождь, – произнёс Костя и улыбнулся.

В окне уже виднелись чуть потемневшее небо с исчезнувшей луной и тонкая красная полоска за горизонтом. Она всё розовела и увеличивалась.

– Рассвет? Уже? – Костя улыбнулся ещё шире и направился к выходу, прямо под дождевые капли. – Ура-а-а!

Николай ещё раз оглянулся на лик фрески и тоже зашагал к выходу. Дождь длился не больше пяти минут, закончившись почти сразу, как из храма вышел Николай. Трава после дождя стала ярче, как будто зеленее – лес вдали потемнел. Небо окрасилось сиреневым цветом, и край его постепенно розовел и розовел. Николай улыбнулся. Так хорошо, так легко стало вдруг!

– Красиво, – произнёс Костя. – Как прекрасна жизнь, правда, Коля?

– Правда, – улыбнулся Николай.

Вскоре на горизонте показалось солнце, осветив поля, заброшенную церквушку, лес и две фигурки на холме нежным розовым светом.

Наталья ФЕДОТОВА

Творцам

Ночь кулисой закрыла мир.
В тишине лучше слышно эфир,
И на кончиках пальцев рук
Заискрился незримый звук.

И литавра, волторна, свирель,
Скрипка, флейта – протяжная трель –
Вырастает из точки в тетради:
Растревожится рябью по глади,

Брызжет звёздами, чудо сулит,
Рассыпает янтарь, хризолит –
Каждый миг дивной тайны достоин.
Автор музыки собран, спокоен,

Он и сам – проводник, инструмент,
Переводчик, земной спецагент,
Сотворец межвселенской мистерии
В благодарности и доверии.

ФЕДОТОВА Наталья Андреевна. Родилась в 1994 году в селе Межборном Курганской области. Окончила Глядянскую среднюю школу, затем Курганский государственный университет по направлению «психология». Стихи начала писать школе, первое выступление состоялось в 2020 году в Тюмени, на поэтическом вечере театра «Май». Лауреат конкурса «Источник», финалист литературной школы СПР «Корифеи» г. Уфа. Занимается воспитанием детей, живёт в Тюмени.

Жизнь прорастала венами, жилами листьев.
Четыре утра, а ты ещё не ложились –
Сегодня поспать не сложилось
Жизнь обретает силу, отводит молот,
Что роковой нависает над тем, кто вспорот,
Жизнь обретает руки, берёт за нити
И зашивает, чинит, кричит: «Спасите!»
Жизнь обретает форму и тащит, тащит
Нечеловеческой мощью, почти незрячи,
Только живи, проснись, донеси, живи настоящим.
Жизни ищи, кто ищет – всегда обрящет,
Жизнь прорастает и там, где ни капли ресурса.
Главное – просто идти и не сбиться с курса,
Сердце качает, зная свою работу,
Жизнь побеждает. Ты выбираешь, кто ты.
Жизнь побеждает, жизнь побеждает честно.
На кон поставлено даже не первое место,
На кон поставлены судьбы вселенского мира
Жизнь побеждает. Жизнь победит. Победила.

За окнами Саврасов и Серов.
Зима снимает ледяной покров,
Взирающим очам даруя чудо:
Вот – жизнь, она цвести здесь будет,
А пока
Земля вдруг вспомнила дорожки, берега,
Холмы, равнины без конца и края...
И в предвкушении стоит, нагая.

Апельсиновой долькой луна висит,
Будто луч из тоннеля на нас глядит.
Я сижу и смотрю на неё в окно.
Темно.

Бушевал и гремел, и крутился день.
А теперь лишь луна и скворец, и сирень,
И букет, напоенный ночной синевой –
Твой.

Брызги сочные – тысячи тысяч звёзд.
Бог тебя специально сюда перенёс
И поставил смотреть снизу вверх босой –
Домой.

Ты однажды почувствуешь: надо взлетать,
Чтоб вернуться потом – и себя не узнать,
Чтобы вспомнить: так было и в прошлом кино.
Давно.

Дождь выливается трети сутки.
Дом – подводная лодка в открытом море:
Задраены шлюзы, склянки считают минутки,
Мы переплыли день, в целом, не зная горя.

Остановиться бежать – тормоз на светофоре –
Трудно, свистят тормозные колодки.
Сложнее, может, лишь бегать по толще моря
И читать новостные сводки.

Август медовый, яблочный и густой
Томно стекает по городской мостовой,
По деревенским полям, по мирским дорогам.
Багряный и пряный воздух – хоть пей, хоть трогай.

Усыпет звёздами ночь и бархатом ляжет,
Вареньем нальётся, травы пучками свяжет,
Чуть свет приглушит и голоса – потише,
Время историй, итогов, вина и вишен.

С надеждой и изобильем семьи танцуют свадьбы –
Пушится плющом и хмелем плетень усадьбы.
Летнее послевкусие, осени предвкушение –
Сладкие пять минуточек сна перед пробуждением.

Август наступит, значит, пора прощаний:
до встреч и объятий или... без обещаний.
Час перед поездом, пауза на вокзале,
Последний вагон, чтоб сказать, о чём не сказали.

Август горчит острой памятью, как полынью.
Мы с ней пойдём дальше,
До встречи с небесной синью,
К космической божьей длани.
Узором неровным его событийной ткани.

Шаги шуршат тихо гравием над каналом,
Листва опадает в парке, в душе и в смирении.
Мы правы и ложны, в среднем, большом и малом,
Статично замрём, дерёмся или в движении.

Ветра летят мимо, остро пронзая спину,
С собой забирают части – развеять пеплом.
Идешь, как пустая бутылка, чью горловину
Вдруг заставляет петь дуновение ветра.

Город обнимет туманами, ждёт припева.
Ему тут поёт каждый первый, такая участь,
И с каждым дыханием в норму приходят нервы.
Душа вспоминает силу, любовь, летучесть,

Шаги измеряют линии жизни, строчки,
Заводят пружину важную, городскую.
И в резонансе с ветром поют листочки,
Бесшумно спускаясь на влажную мостовую.

Город расправил крылья – хищная птица.
Мы течём в его венах, взмываем его ресницами,
Звуки моторов и речи рокочут его голосами,
Дома – его плечи, рамки под небесами.

Город расправил лёгкие – дышит шумно
Ветром сквозным. Дрожащий фонарь чугунный –
Свидетель его перепалок на площадях,
И тишины его – инеем на ветвях.

Мы можем приехать, уехать, забыть, чемодан оставить,
Но город живёт и без нас. Поцелуй на память,
Зарубка на карте, отдельное измерение.
Город накормлен прожитым нами временем.

Временем, что мы жертвуем светофору, очереди, прогулке,
Песне ночной на перроне пустом и гулком,
Временем, что работали, ели и отдыхали,
Временем, когда что-то о нём вспоминали.

Город расправил крылья. Вольная птица,
Может себе позволить уехать, не возвратиться.
Город – стоит. Но живёт и летит, и дышит,
И крепко хранит свои тайны. И твои слышит...

Однажды я оставлю в чашке чай.
Забуду на террасе невзначай,
Не буду допивать его пока.

И в чашке надоест ему скучать,
И вдруг он испарится сгоряча
И улетит от счастья в облака.

Когда он оторвётся от земли,
Увидит горы, реки, корабли,
Простор бескрайний, неба океан,

Чай станет частью облачной семьи.
Мы разгадаем, кто плывет вдали:
Киты? Нет, бегемоты. Нет, тукан!

В бескрайности вариантов есть такой,
Который точно отберёт покой,
Но даст свободу перевоплотиться.

И если захотел судьбы иной –
Просторной, чистой, светлой, неземной,
Готов будь сильно, в корне измениться.

В потоке творчества танцуют звёзды,
И сквозь тебя мерцает звёздный воздух –
Он пеплом обожжёт твоё сознание.

Рассеется излишняя серьёзность,
Оставив место шалостям, курьёзам,
Красивым жестам, свету, созиданью.

Вместить это золото, дешифровать в язык,
Всем рассказать о Том, кто всегда велик
В кадрах, нюансах, линиях и узорах.

Силу вместить в словесную круговерть,
Чтоб наполняла, стоит лишь посмотреть,
Чтоб отражалась звёздным лучом во взорах.

Привет, поток творчества, вот я, к тебе иду,
Знаки твои рассыпаны на берегу,
Главные правила мне прошепчи вослед:

Ты проводник, ты волна и частица, ты связь,
Легче, играючи, мир сотвори – смеясь.
Правила есть, но когда ты творишь – их нет.

Это волшебное, тонкое ремесло
Под силу таким, кто не ропщет: «Куда занесло?»
Кто ловит слова, как золото из морей,

Кто чист и доверчив, кто честен и терпелив,
Кто может нести в себе Божий святой мотив.
Так если ты тут – начинай скорей.

Рождество

С мыслями о Творце,
О жизни его наяву...
Родился не во дворце –
В простом вифлеемском хлеву.

А рядышком – вол и ослик:
Дыханием грели Бога.
И Девы Марии святой лик –
В пещерке, а не в чертогах.

Иосиф берёт Семейство
От Ирода, от попрания.
И чудо в миру Иудейском
Свершилось в любви и страдании.

Сквозь тысячи лет не забыто,
И, как в начале веков,
В сердце простом, открытом
Сегодня
Рождается
Бог.

ПРОЗА

Ольга СУРИНА-ЧИСТЯКОВА

Рассказы из детства

Качуля

В деревне в советское время никто не забивал себе голову как бы развлечь ребёнка. Он здоров, одет, обут, накормлен, для прогулок – неограниченное пространство, из друзей – соседские ребяташки. Я просыпалась около девяти, завтракала и до обеда была предоставлена сама себе. Когда у бабушки наступал дневной тихий час, я чаще всего сидела возле неё и ждала её пробуждения.

Самым унылым временем казался вечер. В семь часов запиралась калитка ограды на задвижку-трубу, двери в дом закидывались на крючок. Дед Семён спал в комнате-кухне, где стояла большая русская печь, бабушка – на скрипучей панцирной кровати в комнате, я – напротив, на старом полуразваленном диване, пружины которого давно повыскакивали в нескольких местах и неровными валунами таранили мне спину.

Заснув, бабушка начинала неистово храпеть. Храпела с присвистом и громыханием, выпуская воздух откуда-то из глубин рыхлого тела. В бок злобно тыкали пружины дивана. Промучившись час-другой, я всё же засыпала.

Днём можно было поиграть с двумя игрушками, доставшимися от других бабушкиных внуков: со старым пластмассовым облезлым жирафом и «слоняткой» – серым слоном с крутящимися ногами, головой и хвостом; полистать зачитанные до дыр две детские книжки (других книг в доме не держали); порисовать в тетрадке цветными карандашами. Можно было забраться на печь и потискать спящего кота и понаблюдать за бабушкиной работой: особенно, когда она садилась плести половики из кусочков разноцветных тканей или доставала большую круглую стиральную машину-цилиндр, и та, недовольно бурля и фыркая, разбрасывала по кухне хлопья пены.

На улице же меня ждала качуля, как называла её бабушка. Под навесом, располагающимся от дома до сарая и свинарника, стоял верстак и небольшая мастерская деда Семёна. На полках лежали всевозможные инструменты для обработки дерева, стояли жбаны и ведра, прохудившиеся кастрюли, серпы и рукоятки для садового инвентаря и много чего ещё. Всё это занимало своё место, отчего кажущийся хаос из разнообразных вещей для хозяев дома таковым не являлся. Заднюю сторону навеса от огорода отделяла стена из плетёного ивняка с калиткой в углу, через которую можно выйти в огород запасным путём и попасть в густую траву между двумя разросшимися смородиновыми кустами. Перед калиткой, под навесом, где оставалось достаточно свободного места, каждое лето дед Семён вешал

СУРИНА-ЧИСТЯКОВА Ольга Владимировна. Родилась 31 июля 1982 года в Тюмени. В 1999 году окончила гимназию №16 города Тюмени. Получила два высших образования в Тюменском государственном университете: по специальности «международные отношения», в 2013 году – «инженер по качеству». С 2014 года работает ведущим специалистом группы телевидения производственно-технического отдела филиала ВГТРК ГТРК «Регион-Тюмень». Электронные книги: «Абатские рассказы» (2021), повесть «Не первая Вера» (2022), сборник стихотворений «Я утопаю в ноябре, в гудке трамвая...» (2022), «Сказки для умных девочек» (2025).

мне качулю: протягивал канат и закреплял его за верхнее бревно навеса, а вниз клал дощечку-сидушку. Качели получались неустойчивыми: чтобы не перекувыркнуться назад, приходилось удерживать равновесие, цепляясь за канат. Зато я могла качаться и петь песни хоть целый день.

Петь на качуле было обязательно. Этого требовала душа, когда летишь вперёд, и в глубине организма взбрыкивает адреналин, а потом летишь назад, на секунду чувствуя где-то в животе пустоту и невесомость.

Я в течение года аккуратно записывала в тетрадку и заучивала слова песен, которые летом буду петь на качуле. Но неизменной оставалась «Катюша», самая звонкая и самая любимая песня. Песни о войне как-то по-особенному звучали с качели, будто в полёте их слова обретали более значимый, глубокий для меня смысл. Когда пела и качалась, сама себе представлялась птицей, и что-то очень знакомое и радостное было в этом состоянии.

Но с качулей нельзя было оставаться наедине. Обычно мы качались с соседскими девочками, когда рядом хлопотала по хозяйству бабушка или что-то мастерил дед Семён. Но если рядом никого не оказывалось, находиться на ней одной становилось невыносимо страшно.

Однажды в послеобеденное время бабушка прилегла отдохнуть и сразу захрапела. Дед Семён с самого утра куда-то уехал и ещё не вернулся. Посидев некоторое время рядом со спящей бабушкой, полистав старый журнал с непонятными выкройками фасонов платьев, я вышла во двор и уселась в тень навеса на качулю. Был разгар жаркого июльского дня: пёс Пират дремал в будке, еле слышно жужжали насекомые. Всё вокруг наполнил жгучий солнечный свет и тишина. Я сидела, слегка покачиваясь и тихонько мурлыкая песенку. Пахло сыростью земляного пола мастерской и многогранием с лужайки.

Вот тут-то я впервые, не знаю от чего, почувствовала леденящий ужас. Сидя спиной к калитке из ивняка, без сомнения.

Мне вдруг стало ясно – там, за калиткой из ивняка, через переплетения прутьев кто-то на меня смотрит. Злобно, пристально, сверля глазами. Я замолчала, застыла. Тишина была оглушающая. Представила, как никто не услышит моего крика о помощи, даже если я сейчас заору во всё горло.

Боясь оглянуться и встретиться с ужасом лицом к лицу, я поняла, что это зло ждало, когда я окажусь без покровительства старших одна и тогда, тогда... оно откроет калитку с той стороны. Я соскочила с качули и не оглядываясь бросилась в дом. Бухнувшись на пол возле храпящей бабушки, с колотящимся сердцем, поняла, что только что избежала неминуемой смерти. Неизвестно, как и от чего, но было ясно – я чудом спаслась.

С тех пор на качуле я качалась только с кем-то рядом. Стоило на секунду остаться одной, липкий страх начинал облизывать спину, и чьё-то злобное незримое присутствие опять становилось ощутимым. Я набиралась храбрости, когда что-то рядом колотил дед, открывала калитку из ивняка, выходила и стояла, с недоумением смотря на примятую траву между двумя кустами смородины за плетёной стеной, на заброшенный соседний дом.

В жизни много страшных и пугающих вещей, однако ничто и никогда впоследствии не убедило меня, что может быть что-то более жуткое, чем наполненный солнечным светом, жарой и тишиной летний обычный день, когда зло стоит за твоей спиной, готовое вгрызться тебе в шею.

Спустя годы, старшая сестра призналась, что она тоже боялась оставаться на качуле одна, качаться спиной к ивовой изгороди, знала ужас, жив-

ший там. Какое-то неведомое и абсолютное Зло наблюдало и терпеливо ждало, когда ребёнок останется один.

Бабушка снимала качулю сразу, как уезжали внуки, чтобы ветер не раскачивал её, не скрипел канат и не казалось, что там продолжает кто-то качаться.

Квартирант

Баба Варя пустила к себе квартиранта только один раз и только потому, что её попросила подруга, посетовав, что мальчик хороший, но его негде приютить: у неё самой жили двое. Жить квартиранту предстояло месяц, пока длилась практика. Я приехала как раз, когда шла первая неделя практики, и очень удивилась, когда мне навстречу вышел из дома бабушки незнакомый молодой человек лет шестнадцати-семнадцати и деловито направился за ограду.

Бабушка, не вдаваясь в подробности, объяснила, что парню негде жить, и он немного поспит у нас в комнате на полу. Приходил квартирант поздно, уходил рано, обедал, очевидно, в придорожном кафе «Пельмешка». Когда бабушка заставляла его дома, она неизменно усаживала квартиранта за стол и кормила впрок. Я легко приняла тот факт, что кроме меня в доме есть ещё кто-то «временный», как будто это обычная вещь в моём летнем пребывании в деревне.

Однажды я сидела в комнате за круглым столом и рисовала цветными карандашами в тетрадке. Парень зашёл и с задорным видом уселся на стул напротив.

– Извини, не было времени познакомиться, – начал он весело. Назвал своё имя. – А как тебя называть?

Я представилась.

– Будем друзьями? – спросил он. Я неуверенно кивнула и улыбнулась в ответ, такая искренняя и светлая была у паренька улыбка.

Я помню всё: светлое лицо с веснушками, острый мальчишечий подбородок, копну густых тёмно-русых волос, карие с искринками глаза, искреннюю улыбку. Но имя моего нового летнего друга словно скрыло пеленой времени. Серёжа? Лёша? Саша?

– Я здесь на практике ненадолго, не помешаю тебе? – продолжал он.

– Конечно, нет! Оставайся, – милостиво разрешила я.

Тут он увидел на столе колоду карт, которую я впервые привезла с собой из города. Среди девчонок тогда было модно гадать на картах на женихов и на желание: сбудется – не сбудется. В дурака я тоже умела, но играть было не с кем – колода валялась без дела.

– Как-нибудь я научу тебя играть в одну очень интересную карточную игру, – предложил мой новоявленный друг. – А сейчас мне пора.

Через несколько дней у него появилось свободное от производственной практики время и он, интригуяюще перетасовывая колоду карт, позвал меня учиться играть. Мы уселись в комнате на диван с выпирающими пружинами. Игра называлась «Сплю». Ведущий раздавал три карты сопернику и четыре себе. Одну «ненужную» карту требовалось отдать. Если карта возвращалась, её откладывали и из колоды брали следующую. Цель игры – собрать на руках комбинацию из трёх карт одной масти быстрее соперника и выкрикнуть слово «Сплю!».

С этого времени мой досуг стал намного веселее. Мы могли сыграть несколько раз или рубиться целый час, мне не надоедало. Мой друг беззастенчиво жульничал и притворялся, принимая загадочный и непроницаемый вид, но его глаза смеялись. Я хохотала и тоже пыталась шельмовать. Было легко и весело. В доме поселилась непривычная для сонного лета активность и радость.

Постоянное ожидание встречи для позитивных взаимных эмоций очень сблизило нас, и мы стали настоящими друзьями: болтали о кошках, о моих игрушках, о книжках. Он частенько рассказывал что-то забавное и интересное. Время пролетало незаметно, и становилось грустно, когда ему требовалось уходить по делам.

Вечерами квартирант, как и многие молодые парни, уходил «на вечерки». Запирали калитку у нас рано, когда укладывались спать. Я как-то спросила, как же он ночью проходит в ворота, когда калитка-то закрыта на задвижку. Он усмехнулся: «Я через забор привык». С этого дня он стал для меня настоящим героем – ведь перепрыгнуть бабушкин забор в полтора метра высотой, казалось мне, под силу только супермену.

Меня по-взрослому удивляло, зачем молодому парню проводить своё время с чужой девочкой, смешить её до колик в животе, развлекать разговорами, учить чему-то? Оказалось, дома у него осталась сестрёнка моего возраста, и он по ней очень скучал.

Я от всей души позавидовала незнакомой девочке, у которой есть такой весёлый и добрый брат. Но тут же утешилась, что если бы была его сестрой, я бы, повзрослев, не смогла бы выйти за него замуж, ведь другого такого замечательного парня найти непросто.

Через месяц практики нашему квартиранту пора было съезжать. Он после работы забежал взять вещи и попрощаться со мной, чем окончательно убедил, что мы настоящие друзья. Парень выглядел расстроенным. Я ещё ни с кем не прощалась «навсегда-пренавсегда» и не знала, что обычно говорят в таких случаях. Сидела тихо-тихо, но не плакала, а внимательно смотрела на него во все глаза, чтобы запомнить хорошенько.

– Мы ещё когда-нибудь увидимся? – спросила я.

– Всё возможно, – грустно ответил он.

Я понимала, что когда взрослые так говорят, то это «нет», и вздохнула. Было видно, что ему жаль расставаться со мной. До этого расставания я не представляла, что могу быть дорога кому-то постороннему, не родственнику.

Сидя на крылечке и раскладывая очередное гадание на картах, я грустила, что не с кем теперь играть. Мне по обыкновению стало скучно. Чтобы как-то развлечься, представляла, будто, невзирая на то, что я не знаю ни фамилии паренька, ни его место жительства, судьба сама обязательно сведёт нас вместе через много лет. Я буду молодой красивой девушкой, и он будет мной очарован, а потом он узнает, кто я, и мы, несомненно, поженимся и будем жить долго и счастливо.

До сих пор становится на душе светлее, когда я думаю, что на земном шаре где-то живёт человек, имя которого скрывает моя память – Серёжа? Лёша? Саша? Его веснушки смешно морщатся, когда рот расплывается в улыбке, а непослушная чёлка тёмных волос падает на глаза, когда он смотрит в карты. Пусть будет счастлив мой детский друг, где бы он ни был!

ПОЭЗИЯ

Юлия ЩЕРБАНЬ

Если бы можно было дарить тепло,
Просто вложив в коричневый крафт-конверт,
Бросить в почтовый ящик, и чтобы шло
Сколько там нужно месяцев или лет.

И доходило вовремя, точно в срок
До адресата, в назначенный день и час.
Когда он давно в дороге, когда продрог,
Когда истощил и еды, и надежд запас,

Когда закончились спички, намокли дрова,
Когда ничего не исправить, хоть плачь, хоть кричи,
Чтоб из конверта посыпались вдруг слова,
Согревающие как солнечные лучи.

Если бы можно было дарить тепло
Просто в формате маленького письма,
Чтобы волшебной почтой оно ушло
К тем, у кого отчего-то на сердце зима.

Я бы вложить хотела в конверт ещё
Пару улыбок и несколько добрых слов
И подписать красиво карандашом
«Спрятать до наступления холодов».

Говорят, неисповедимы Твои пути.
Говорят, дорога к свету лежит через мрак.
Господи, я так боюсь до Тебя не дойти,
Что не решаюсь сделать и первый шаг...

Я так боюсь, что прошу Тебя вновь и вновь,
Чтобы Ты осветил, чтобы выпрямил путь.
Только тот, кто не падал – на камни, в кровь –
Сможет ли руку падшему протянуть?

Кто в эпицентре бури не побывал,
Сможет ли осознать, что такое страх?
Кто в неизвестность хотя бы раз не шагал,
Сможет ли вдруг почувствовать крыльев взмах?

ЩЕРБАНЬ Юлия Сергеевна. Окончила Тюменский государственный нефтегазовый университет по специальности «экономика и управление на предприятии (ТЭК)», профессиональная деятельность связана с финансами в девелопменте. Была волонтером в детском доме, преподавала в Воскресной школе Благовещенского собора, проводила поэтические вечера для подопечных тюменского центра «Милосердие». Есть три самиздатовские книги – два сборника стихов и один сборник сказок. 37 лет, живёт Тюмени.

Можно ли свет отыскать, если с тьмой не знаком?
Можно ли отдых ценить, если труд слишком прост?
Если расти, как роза под колпаком,
То никогда не вырасти в полный рост.

И остаётся только шептать «Прости».
Знаю, с Тобою жизнь, без Тебя – никак!
Господи, я так боюсь до Тебя не дойти...
Господи, сделай, пожалуйста, первый шаг...

Дыхание ровное, взгляд спокойный, ступает легко.
Как же такой поднялся так высоко?

А он всё смотрел с состраданием и добротой:
«Тяжело тебе было в дороге совсем одной?»

«Мне одной даже проще, чем с кем-то. И есть причина...»
«А куда ты идёшь? Какова же цель?» – «Цель – вон та вершина».

Улыбнулся опять, протянул мне горбушку хлеба.
«Ты считаешь, что цель вершина? А цель – это Небо!

Ты считаешь, что проще одной, ни о ком не заботясь.
Только кто поддержит, когда ты сорвёшься в пропасть?»

«У меня есть страховка, есть опыт и сил довольно.
Ну а люди? Они предают, они делают больно».

«Да, бывает и так», – взгляд отвёл и вздохнул чуть слышно,
«Но есть те, кто поддержит, поможет подняться выше,

Кто поймает, когда ты сделаешь шаг неловкий
И когда оборвётся проверенная страховка».

«Я ведь, кажется, не просила Ваших советов.
Я хотела немного поспать и укрыться от ветра».

Отвернулась, пошла вперёд, чуть ссутулив плечи.
«Да, конечно, поспи. И поплачь. Тебе станет легче.

А когда, оступившись, ты будешь падать, сквозь боль и страх
Не забудь расправить крылья и сделать взмах».

Ты помнишь, небо было светлей,
Трава зеленей,
Безопасен весь мир
И вкусный пломбир?

Бабушкин дом в деревне, за домом речка,
И как ты верила, что мы будем жить вечно?

Ты помнишь, как было не страшно верить, мечтать, летать,
Руки раскинув. И как весь мир хотелось обнять?

Ты помнишь ту девочку, чьё самое главное «фу» – молочные пенки,
А самая страшная боль – об асфальт ободранные коленки?

Сколько лет прошло с тех пор – сотни, тысячи?
Она внутри тебя ещё жива, дышит ли?

Ты и сама не знаешь, жива, мертва ли.
Она – это ты, просто уже другая.

Из ободранной коленки больше кровь не сочится,
Только о рёбра, как о прутья клетки, что-то стучится.
Может, душа. Интересно, она какая?
Раньше была как птица. А теперь не летает.
Крылья подрезаны, прутья крепкие, в клетке тесно.
Да и летать уже не хочется, если честно.

Слишком много было того, что зовётся опытом:
Болезненных падений, за спиной презрительного хохота,
Боли, предательства от тех, кому доверяла.
Да и сама ведь, в общем-то, не та, кем стать мечтала.

Но знаешь, в жизни всё проходит, пройдёт и это.
И небо опять станет голубого цвета,
Зацветут гвоздики и астры из бабушкиного сада,
А самые любимые снова будут рядом,
У всех раны зарубцованы, болезни излечены.
Ты удивишься, но мы действительно вечные...

Зарево золотое
В небе перед рассветом.
«Мама, смотри, какое
Ясное лето!»

В сочной траве утонем,
В запахах ягод спелых.
«Мама, смотри, в ладонь мне
Бабочка села!»

Вечер. Свежее стало,
Солнце садится в тучки.
«Мама, я так устала.
Можно на ручки?»

Цвет набирает снова
Клубника на старых грядках.
«Да, мама, я здорова,
Да, всё в порядке».

Листья малины для чая,
Суп из печи к обеду.
«Мама, я так скучаю,
Скоро приеду».

Время спешит, торопится,
Время зовёт за собой.
Мне иногда так хочется
К маме, домой...

В дом, где скрипят половицы,
Где из колодца вода.
Как же мне возвратиться
Снова туда?

«Мама, смотри, как я лазаю!
Мама, смотри, стрекоза!» –
Девочка кареглазая
Смотрит в мои глаза...

Руки и ноги сводило.
От усталости или от холода?
Но нужно казаться сильной,
Не жаловаться без повода.

Осталось совсем чуть-чуть.
Уже через несколько метров
Можно передохнуть,
Укрыться от ветра.

Можно набраться сил,
Чтоб дальше вперёд в одиночку.
Вдруг тихий голос спросил:
«Устала, дочка?»

Высокий, статный, седой,
С длинной бородой,
Словно из фильма маг,
Здесь оказался как?

Пусть наши дочери будут счастливее нас.
Чтоб никогда веры в чудо они не теряли,
Чтобы всегда доброта и улыбка из глаз
И чтоб умели светить. Только не выгорали...

Пусть наши дочери будут счастливее нас.
То, о чём грезилось, пусть у них в жизни случится,
Пусть будут рыцари, будут прекрасные принцы,
Будет любовь, что случается в жизни лишь раз.

Будет огромный, волшебный, таинственный мир.
Брызги солёные, ветер попутный и солнце,
И алый парус, что на горизонте взметнётся.
Пусть наши дочери будут смелее, чем мы.

Жить, оставаясь собой, никого не предать,
И не бояться предательства – это ведь смело.
Смело, когда все слова не расходятся с делом.
Смело – в раздавленных горем надежду вселять.

Смело – хранить в себе свет среди сумрачной тьмы.
Смело – последний кусок разделить, если голод.
Смело – простить и для ссор не искать новый повод.
Пусть наши дочери будут сильнее, чем мы.

Нежность и искренность смогут пускай сохранить
Через года. Только если беда... Если нужно...
Смогут тогда они взять в свои руки оружие,
Чтоб всё, что свято и дорого им, защитить.

Смогут пускай. Только пусть никогда не придётся
Им забывать свою женственность, прятать от глаз.
Брызги солёные, ветер попутный и солнце...
Пусть наши дочери будут счастливее нас...

В городе тишь и покой,
И безоблачно небо.
В городе пахнет весной,
Распускаются вербы.

В городе праздника ждут.
Полдень. Солнце в зените.
Вдруг кто-то крикнул: «Он тут!
Вот Он едет! Смотрите!»

Разных эмоций накал:
Радости, фальши....

Господи! Ты же ведь знал,
Что будет дальше.

Хочется взгляд опустить,
Сердце бьётся тревожно.
Господи! Страшно тут быть,
И не быть невозможно.

Кончатся тишь и покой,
Небо брови нахмурит.
В городе пахнет грозой,
Приближается буря.

Крест и терновый венец,
Что-то люди кричали.

Господи, это конец?

Или, может, начало?
Хочется взгляд опустить
От креста, от подножья.
Как невозможно здесь быть,
И не быть невозможно.

Утро. И нет больше сил,
Слёз, противления.
Господи, Ты говорил
Про воскресение.

Слышалась лишь простота –
Ты ведь был рядом –
Там, далеко от креста,
Смерти и ада.

Слышалось. Только потом
Вышло иначе:
С садом, судом и крестом,
Смертью и плачем.

Как? Не понять вновь и вновь,
Снова и снова...
Непостижима любовь –
Жертва Христова!

Хочется взгляд опустить,
Всё туманно и сложно.
Страшно любимую быть,
И не быть невозможно.

ПРОЗА

Юлия АНДРЕЕВА

ГОРИ

Время от времени, возвращаясь домой через парк, я видел его сгорбленную фигуру. Он двигался в тени и был совершенно неприметен: худой, дряхлый старик, одетый в давно уже обветшалую одежду, одну и ту же и летом, и зимой. Локти выцветшего пиджака уже настолько истёрлись, что сквозь ставшие прозрачными переплетения нитей можно было разглядеть клетчатый материал рубашки. Осенью его шаркающие шаги поднимали в воздух ворох опавших листьев. Старик зябко ёжился от холода и шурился, вглядываясь в вечерний сумрак, отчего его морщинистое лицо казалось искажённым неприятной гримасой. Он появлялся за час до полуночи, волоча за собой древнюю проржавевшую стремянку.

Иногда, в особенно тёмные вечера, когда сгущающиеся сумерки казались живым существом, я садился на одну из облезших, выцветших от солнца и дождей скамеек и наблюдал, как старик медленно двигался к высокому фонарному столбу, подставлял стремянку и поднимался вверх. Его сморщенные, узловатые руки ловко отворяли стеклянную дверцу, за которой пряталось спящее днём сердце фонаря. Старик заботливо протирал стекло маленькой тряпицей. В его действиях не было ни капли той свойственной старикам суетливости, которую я привык наблюдать у спящих на автобусных остановках пенсионеров. Он с неторопливой, ласковой последовательностью вычищал нутро фонаря, возвращая стеклу прозрачность самого первого льда. А потом ловкие, опытные пальцы высекали искру и бережно помещали её внутрь, и яркое янтарное пламя занималось за тонкими стенками, разливая вокруг себя приветливое пятно света. Мне неизменно казалось, что старый фонарщик нашёптывает несколько слов сияющей лампе, прежде чем затворить дверцу и аккуратно спуститься обратно на землю. Он убирал стремянку, подхватывал её под мышку и шагал к следующему. Так, от одного фонаря к другому, он разносил свет, живой и жизнерадостный, а парк, кажущийся неприветливым в сумерках, обретал новое лицо. Отступали щупальца теней, исчезали одиночество и холод, прячущиеся между шероховатых стволов многолетних дубов, и во всём мире, кажется, прибавлялась капелька добра.

Закончив работу, старик со счастливой улыбкой на лице вставал посреди дорожки и мечтательно смотрел потускневшими глазами в пустые небеса.

Его не стало холодным февралём. Этого маленького, неприметного человечка, появлявшегося только в темноте, когда все прочие люди прячутся от наступающей ночи в уютных камерах своих жилищ, нашли

АНДРЕЕВА Юлия Игоревна. Родилась в г. Надыме 11 августа 1989 года. Писать рассказы начала ещё в школе. В средних и старших классах ежегодно участвовала в конкурсах сочинений, приуроченных ко Дню матери и Дню учителя, становилась победителем. В 2006 году по окончании школы стала лауреатом Приоритетного национального проекта «Образование» «Успех» за повесть «Королева морей». В 2010 году участвовала в поэтическом конкурсе «Первоцвет»: поэты Тюменской области».

утром в том же самом парке, рядом с одним из фонарей. Он лежал на земле, скрючившись в луже собственной крови, за ночь впитавшейся в снег. Полицейские шептались, что старому бомжу просто не посчастливилось нарваться на пьяное хулиганье, решившее потешиться ради забавы. «Красть-то, поди, у него всё равно нечего», – равнодушно заключил следователь, щёлкая зажигалкой. «Неча по улицам ночами шастать, – деловито пофыркивала полная важная дама, оказавшаяся в толпе зевак. – Все добрые люди дома с семьёй сидят, только бомжи окаянные шляются. Тьфу!» – и она смачно сплюнула, выражая всю степень своего крайнего возмущения.

Никто не видел, что старые фонари были холодны и безжизненны, прямо как мёртвое тело старика.

С приходом ночи я вернулся в тёмный, осиротевший парк, чувствуя, как по спине пробегают неприятные мурашки. Под ногами глухо хрустел снег. Не было больше этого чудесного золотого света, струящегося между тонких ниточек исписанных серебром ветвей, и что-то страшное ворочалось там, в глубине парка. Скамейка, которая мне приглянулась прошлыми ночами, не манила меня. Оказавшись с ней рядом, я остановился, ощущая нутром какую-то чудовищную неправильность, ошибку, исправить которую казалось чем-то невозможным. Трясущимися руками я поджёг кончик сигареты, надеясь, что эта капелька огня вернёт хотя бы небольшой кусочек украденной жизни.

Сигарета закончилась, вместе с сизым дымом растворившись в зимнем воздухе, а я ухватил скамейку за спинку и потащил к ближайшему фонарю. Тело моё не ощущало тяжести. У меня не было той сноровки, которая была у старика, я не знал, какими словами он пробуждал к жизни танцующий огонёк – я просто подтащил скамью к столбу, забрался на спинку, неуверенно балансируя на ней, отворил дверцу и почиркал зажигалкой. Гори, просил я про себя, гори.

И огонь мне ответил. Он соскочил с фитиля зажигалки и ловко прыгнул в сердцевину фонаря, вспыхнул, разгораясь и набирая сил, и, наконец, когда его середина стала нестерпимо яркой, больно ударяя по глазам, огонёк разразился вспышкой, настолько полной света, что я не удержал равновесия и полетел вниз, больно прикладываясь затылком о землю.

Когда открыл глаза и взгляд мой устремился вверх, я увидел россыпь белых точек, чьей-то щедрой рукой разбросанных по тёмному небосклону. Они переглядывались, подмигивали с высоты, и мне казалось, что я слышу глухое одобрительное покашливание из-за ближних деревьев. Покидая парк ближе к утру, я как будто различил мелькнувшую вдалеке сторбленную фигуру и помахал ей рукой.

Старые фонари скоро заменили новыми. Их лампы были совсем не такими – они источали безразличный электрический свет, да и не зажигали их тёплая человеческая рука и доброе сердце. Но белые точки так и остались сиять в ночной вышине, освещая дорогу любому ночному гуляке и охраняя его от ужасов темноты.

ОДНА В МОЕЙ ЖИЗНИ

На какое-то мгновение мне вновь показалось, что чьи-то ласковые, заботливые, такие нежные и родные руки коснулись моего лица. Я хотел бы продлить это ощущение, но яркий солнечный свет, бьющий сквозь ресницы, прогоняет прочь остатки сна. Сбросив с век его цепкие пальцы, я осматриваюсь вокруг – но вокруг всё та же бескрайняя пустыня, и моему пути не видно ни конца ни края.

И всё было как обычно: всё то же чистое высокое небо, всё то же равнодушное, нещадно палящее солнце, всё те же одинокие пески, проглазывающие мои ноги до самых лодыжек – но в моём сердце проснулась старая, кое-как залеченная рана – тоска по дому с его уютным огоньком. И тоска по маленькой, уже сгорбленной женщине, принёсшей в жертву свою судьбу и жизнь для того, чтобы вырастить, воспитать и поставить на ноги меня.

Мы всегда слишком поздно понимаем, насколько нам на самом деле дороги близкие люди, те, кто на самом деле нас любит, для кого мы на самом деле важны. И я не был исключением – так же, как и все, я стремился к свободе и независимости. И слишком поздно осознал, что же натворил.

Я ушёл из дома в шестнадцать лет, ушёл искать приключений и славы. И мама, уже немолодая, поседевшая, с усталым, ласковым взглядом таких светлых серых глаз, провожала меня у порога. Ни в голосе её, ни в словах не было и тени укора – лишь запрятанная в глубину печаль. Мама... почему я не сумел уберечь тебя?

О том, что в нашу деревушку пришла война, я узнал слишком поздно. Всё, что осталось от нашей бедной лачуги – почерневшие от бушевавшего здесь пламени развалины. Я бежал сюда, не чувствуя боли в уставших ногах, надеясь, что война обошла этот домик, оказавшийся столь дорогим и близким. Мне даже показалось, что из глубины развалин сочится свет старой керосиновой лампы, но глаза обманули меня. Лишь тишина и пустота царили здесь. Мама... почему я не остался с тобой?

...Мы всегда надеемся, что перед нами – целая жизнь, что мама, самый родной и близкий человек, всегда будет рядом с нами. Но за эту беспечность приходится платить – жизнь жестоко расставляет всё на свои места. Мама, мама... сможешь ли ты простить меня?

Я знаю, что сможешь. Ты всегда всё мне прощала, несмотря ни на что. Но сумею ли я теперь простить себя самого?

Мама... теперь по ночам мне снятся не вольные просторы нашего огромного мира, а твои чистые, словно невыплаканные слёзы, глаза. Теперь я слышу не утрачивающие слух песни менестрелей, а твой голос – негромкий и ласковый. Если бы только эти бродячие певцы пели песни не о великих полководцах, а о тебе, мама, о том, что ты одна готова отдать мне всё, что есть на этом свете. Но я не певец, и все слова, которые я так и не сказал, теперь навеки останутся где-то внутри меня.

А я бы так хотел, чтобы ты сейчас слышала меня! Хотел бы почувствовать прикосновение твоих нежных и заботливых рук, без которых теперь не нахожу себе места на этом свете. Я так много должен тебе сказать, но к кому же мне теперь обратиться?..

...Я ещё долгое время бродил по миру, разыскивая ответ на этот вопрос, зная, что не будет мне покоя. Изю дня в день, из года в год, я брёл по протоптанным дорогам и потайным тропам, всё спрашивая у себя: «Что мне сделать, чтобы ты услышала меня, мама?» И лишь в маленьком, забытом всеми поселении седой старец открыл мне глаза.

И теперь я вижу – ты рядом, мама. Ты всегда со мной, ты вокруг, ты повсюду. Это ты не даёшь мне упасть, когда я спотыкаюсь от усталости. Это ты приносишь сердцу и душе покой и отдых, когда они встревожены. Я не могу увидеть тебя, не могу услышать – но могу почувствовать.

Мама. Я столько лет искал способ поговорить с тобой, рассказать о том, что творится на моей душе, а теперь у меня не находится слов. Да и что они значат, эти слова! Я верю, что ты без труда заглядываешь мне в душу – совсем как в детстве, осторожно и ненавязчиво.

А я всё равно скажу. Скажу о том, что нет и не будет на этой земле человека, который сумел бы заменить мне тебя, который будет дороже тебя. Прости за то, что я слишком поздно осознал это, прости за то, что оставил тебя, когда ты и в трудную пору всё отдавала мне. Просто и за то, что так часто огорчал тебя – и своей резкостью, и своей дерзостью, и своим желанием как можно скорее вступить во взрослую жизнь и покинуть дом. Прости, что слишком редко говорил тебе о том, что люблю тебя и никогда – как я благодарен тебе за всё. Ведь это именно ты, а не кто-то другой, открыла передо мной новую дорогу, широкий и светлый путь; это ты научила меня всему, что я знаю о нашей жизни; это ты каждый раз подбадривала меня, пробуждая веру в собственные силы. Как же мне жаль, что я не могу сейчас упасть перед тобой на колени и поцеловать твои руки, без устали работавшие от зари до зари!

Я не певец и не могу сочинить в твою честь прекрасных песен, воспевающих твою ласку и заботу. Я не скульптор, чтобы вдохнуть в камень жизнь и навеки запечатлеть твоё прекрасное, усталое лицо, нежную, чуть-чуть печальную улыбку. Я не художник и не могу перенести краской на бумагу твой облик; не могу даже отобразить в цвете все свои чувства. Но ты одна для меня навеки. И всё, что я могу – это всё так же странствовать, сохраняя в сердце твоё имя. Мне только жаль, что я могу так мало для тебя сделать, когда ты всегда жертвовала ради меня всем.

Я лишь знаю одно: что бы со мной ни происходило, где бы я ни находился, я всегда буду знать, что несмотря ни на что, ты рядом.

И ЖИЛИ ОНИ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО

И жили они долго и счастливо. Все рассказы у нас заканчиваются именно так. «И жили они долго и счастливо». Рассказывая сказки на ночь своим детям, а потом, когда-нибудь, внукам, мы будем говорить именно это: «и жили они долго и счастливо». Хотя на самом деле «долго» – весьма относительное понятие. А «счастливо» – и вовсе непонятно. Ведь мы получили всё, что хотели. Кроме друг друга, разумеется. Но это и была она: та единственная приемлемая жертва.

За счастье всегда надо чем-то платить. Другой вопрос, что мы выбираем. Мы неожиданно решили, что быть одному легче, чем вместе.

Что стало со мной за эти три года, два из которых я провела с тобой, а год – без тебя? Я повзрослела, а может, постарела, развалила воздушные замки, возведённые на пару, и осталась посреди руин, осталась одна, но зато – собой. Это лишь поначалу кажется, что очень тяжело. На самом деле всё просто, как дважды два.

Когда мы встретились, я была убеждена, что мне не нужен никто вокруг. Выброшенная в реальность, впервые ощутившая холод, я твёрдо решила, что ни в ком не нуждаюсь – и никто не нуждается во мне. И верить в это было очень легко и просто, но лишь пока не появился ты.

Ты был собой, и поэтому был неотразим. Ты был не в моём вкусе, и поэтому я так легко к тебе привязалась. Ты никогда бы не стал моим, и поэтому я слишком быстро разучилась без тебя дышать.

Как бы то ни было, за два года ты сначала выбил землю у меня из-под ног. Затем перевернул мой мир. Потом влез в мою голову. Потом стал моим воздухом. Стал со мной единым целым. И наконец, стал всем моим миром. А после всего ты исчез, растворился, и я осталась совершенно одна на руинах всего того, что когда-то имела. И самое невыносимое – в том, что точно знаешь, – это навсегда, но разумом не в состоянии этого постичь, а жизнь, как и прежде, идёт дальше, мимо руин. Ты ушёл, когда я уже поверила, что не смогу без тебя выжить, и тем самым ты снова доказал мне мою неправоту.

А теперь – «и жили они долго и счастливо». Врачи сказали, что я буду жить, но не спросили – хочу ли.

Я лелею своё одиночество бессонными полнолуниями. Я вырываю на корню лёгкие привязанности, не давая им закрепиться. Я рисую твои портреты мороженым: иногда – пломбиром, иногда – крем-брюле. Я дышу, вдыхая твоё такое горькое имя. А ещё я до сих пор пытаюсь рассмотреть в инее на стекле то самое связывающее, то, что было только между нами.

Мы никогда не были любовниками, но всегда были больше, чем просто друзьями. Наверное, мы даже были чем-то большим, чем и то, и другое. Мы были над всем этим, как если бы это не имело значения. Мы говорили о любви только раз.

А потом ты ушёл.

А потом я училась дышать заново.

Мир вокруг – белый и сонный. Белое небо, белые деревья, белые дома, белые улицы, по которым ты мог бы пройти. По которым мы могли бы пройти вместе. Говорят, перемена места – хорошее лекарство, лучше только время.

Я просто жду – неизвестно чего. Даже если я всё ещё болею тобой – тебе вовсе не обязательно об этом знать. Это мой самый большой тебе подарок – свобода от меня, от моих мыслей и моих желаний. Это – высшее доказательство моей любви.

Мы будем жить дальше, как бы мне ни хотелось вернуться назад. Будем жить каждый по-своему, каждый по отдельности. И только вечерами, рассказывая своим детям сказки перед сном, мы будем на мгновение забывать о реальности и говорить: «И жили они долго и счастливо».

Наталья ХВОСТОВА (Амосова)

Зима седые пряди причесала,
На юбке долго складки поправляла.
Ссутулилась, вздохнула, – вот дела!
Недавно же молоденькой была!
Не те уж годы, город укрывая,
Всё причитала, счёт часов теряя.
Укутала дома, леса, дороги.
Всё охала: «Вот старость на пороге».
Все реки замела, не уставая.
Присела, взгляд на землю направляя.
Расправилась, воскликнув: «Вот дела!»
А в юности я так бы не смогла».

Расплетается снежное кружево,
И зима, прядь волос теребя,
Как-то нежно и сонно завьюжила,
Не похожа сама на себя.
Нас уже не найти в белоснежности,
В тишине всех несказанных слов.
Расплетается шарф бесконечности
Самых тёплых январских снегов.
Среди тонкого зимнего кружева
Наши тени теперь не видны.
Просто вместе с тобой убежали мы
По дороге до нашей весны.
Каким бывает счастье?
Мне подскажите, взрослые и дети,
Каким бывает счастье на планете?
Я спрашиваю папу, он смеётся.
И говорит: «Кому какое попадётся».
Я подходила к маме, та сказала,
Что одинакового счастья не видала.
Расстроенная к бабушке бежала,
Но и она его не описала.
Дедуля обнял вдруг, так вот ответ –
Большого счастья маленький портрет.

ХВОСТОВА Наталья Владимировна. Педагог дополнительного образования высшей квалификационной категории по направлению «изобразительное искусство». Увлекается изучением иностранных языков, живописью и поэзией. Воспитывает маленькую дочку Нику и очень любит душевные разговоры за чашечкой чая в кругу родных. Есть опубликованная книга юношеских стихов и публикации в нескольких местных журналах и сборниках. 33 года. Живёт в Тюмени.

ПРОЗА

Артём ТИХОМИРОВ

ОЛЬГА

(Новелла)

Журнальный вариант

В день восхождения Олег впервые за долгое время вспомнил о сестре.

Он смотрел на плавные вершины гор, будто обратившиеся в камень волны моря. Покатые формы, несмотря на грубое величие, робко обнажали еле уловимую податливость. Вытянувшаяся в вековой неге линия склона обводила контур талии и неспешно скользила по бедру до согнутых колен... Крохотное село грелось среди спящих женских скульптур, высеченных из камня упрямой природой с помощью ветра, дождя и солнца. Потемневшие от старости, как доисторические окаменелости древних животных, дома держались на поверхности затвердевшего моря глухо заколоченными челноками. С гор опускалась обволакивающая морозная дымка.

Село называлось Тюлюк.

На юге, сотканные из мёрзлого тумана, вздымались похожие на заброшенные курганы давно ушедших друг за другом единокровных богов две горы.

Пришло время выезда к горе. Олег сел в одну из двух «буханок», на которых группу туристов доставили к отправной точке пешего восхождения на вершину горы Большой Иремель. Проезжая село, в окнах дёрганной киноплёнкой мотались ветхие и полуразрушенные деревянные дома или обгоревшие остовы, затянутые на катушку былого. Вырождаясь как хозяйственный уголок, село обрастало новыми, предназначенными для бизнеса постройками из камня и шлакоблоков. Иногда попадались копии под старину. А старые дома сдавали полностью или отчуждая под пользование комнаты. В одном из таких домов по приезде в Тюлюк и остановилась группа Олега. Придомовой участок ещё сохранил следы огорода, сарая и уличного туалета.

Когда выехали из села, кузов стало безостановочно трясти. Иногда пассажиров подбрасывало чуть ли не до потолка. Узкая ухабистая дорога пролегла через густой лес. В машине сидело ещё пять женщин и двое мужчин, похожих друг на друга, как братья. Только одеты они были не

ТИХОМИРОВ Артём Юрьевич. Родился в городе Тюмени. Прозаик. Печатался в журналах «Урал», «Север», «Наш современник», альманахе «Врата Сибири». Окончил Тюменскую государственную академию культуры, искусств и социальных технологий. В 2025 году переехал в Екатеринбург. Работает научным сотрудником музея Ф.М. Решетникова МАУК «Объединённый музей писателей Урала». Лауреат и победитель различных литературных конкурсов. Принимал участие в том числе: «Лёгкое перо» (г. Тюмень, 2015, 2017), Конкурс молодых писателей (г. Великий Новгород, 2019 г.), «Стилисты добра – 2019» (г. Челябинск), «Северная звезда» (г. Петрозаводск). Участник Форума молодых писателей им. С.А. Филатова («Липки») 2021 г.

по-походному. Младший даже в джинсах. За спиной Олега переговаривались водитель и гид. Водитель заметил, что до вершины дойдут не все. Гид оглянулся, посмотрел на туристов и согласился. Возможно, они имели в виду именно братьев.

Довольно скоро обе машины остановились у подножья горы. Группа собралась на пустыре, выслушала инструктаж двух гидов и направилась к входу в природный парк, влившись в бурный поток туристов. Погода стояла ясная. Олег шёл за братьями.

Когда сестра достигла совершеннолетия, её отношения с мужчинами стали открытыми. Она не прятала своих ухажёров, а наоборот – демонстрировала их количество и знаки внимания. У неё ещё в старших классах появилась репутация развязной девушки. За её спиной ей давали гадкие прозвища. Однако всё это, похоже, не сильно беспокоило сестру. Но угнетало Олега. Ему не до конца был ясен смысл этих прозвищ, но они стыдили его и доводили до слёз. Нередко девятилетний Олег устраивал сестре истерики, обвиняя её в «постыдном поведении».

Когда сестра окончила школу, её мужчины чаще появлялись дома. Грубые невоспитанные мужланы, один хуже другого, только и ждали, когда родители и, желательно, Олег уйдут из дома. Они катали её на дорогих машинах и дарили украшения, и поэтому норовили усадить её к себе на колени или закинуть руку за шею. Однажды Олег вернулся из школы и застал сестру со своим ухажёром. Оба вели себя слишком возбуждённо, много суетились и выглядели помято. Позже он увидел на пальце сестры золотое кольцо. Мальчик понял, что его обожаемая сестра теперь замужем.

В то время микрорайон Войновка на восточной окраине Тюмени, где тогда ещё жила семья Вершининых, страдал от тюремной культуры, основательно пустившей корни в общество с советских времён. Несовершеннолетняя молодёжь сколачивала банды и терроризировала сверстников. Родители были озабочены тем, чтобы дети не попали в зону интересов этих банд или под их влияние.

В нулевые с повышением уровня благополучия жителей микрорайона снижалась бессмысленная жестокость. Район разрастался, крепче сплетаясь с городом. Жизнь менялась, менялись мужчины сестры, оставаясь всё такими же жадными до её тела и заикленными самоутверждаться с помощью грубой силы. Разве что мужчины эти приезжали теперь и из других районов города. К удивлению родителей и школьных учителей, сестра пошла учиться на музейного работника. От неё ждали более практичного выбора. Олег уже тогда понимал, что никто не знает, что у сестры на уме.

Эта же мысль посетила его после той встречи. Позже Олег пытался досконально воспроизвести её в памяти в поисках неочевидных ключей. Он тогда приехал на трое суток из Челябинска, где жил уже четвёртый год, в родную Тюмень для участия в экономическом форуме. Они запланировали встречу на вечер второго дня. Встретились на мосту Влюблённых. Олег ждал её на парковке. С вершины правого берега Туры открывался вид на

заполненные людьми нижние ярусы набережной и медленно скользящие по узкой вене реки теплоходы. На левом берегу ещё сохранился участок диких деревьев. Их тёмно-жёлтые листья сгорали на ветру и гасли, приликая к речной поверхности язычками пламени. Олег остановил взгляд на небольшом участке природы, прораставшем на бетонном жёлобе реки.

– Тура совсем обмелела.

Он обернулся. Сестра внезапно обняла брата так крепко, словно его вот-вот отберут у неё навсегда. Он уткнулся носом в её волосы. Когда она отпустила его, он заметил в изящно собранных под инкрустированным золотой вязью ободком локонах седые пряди. Элегантное пальто горчичного цвета подчёркивало её стройную фигуру и волевой характер.

В глазах сестры читалась тоска, лёгкая и неизбывная, как неотвратимое увядание перед зимой. Олег сразу спросил об этом, но она отшутилась.

Они спустились на основной ярус набережной. Она задержалась под мостом, чтобы сделать снимок заката. Солнце растеклось по небу, вобрав в свой ртутный сплав золотые шпильки Свято-Троицкого монастыря. Амальгама сгорала на закатной плите горизонта и струилась по неглубокой речной щербине. Правый берег курганился над тихой водой скупым напоминанием.

Олег долго смотрел на сестру сквозь слепящий поток света. Затем отвернулся, прижал к глазам пальцы, унимая боль. Когда убрал руку, сестра стояла напротив и делала снимок. В тот вечер он не заметил в поведении сестры чего-то подозрительного. Она была собой. Очаровательно естественной.

Она снимала на старый Кодак. «Мыльницу» купили в конце девяностых, и с тех пор сестра носила её с собой. Она часто делала снимки старых домов и улиц города. Одни и те же места в разное время. А потом собирала из снимков альбом и рассматривала их, сверяя, как менялся тот или иной уголок города. С таким же увлечением она собирала открытки с фотографиями или картинками Тюмени и следила за творчеством местных фотографов и художников, отбирая в свою коллекцию лучшие работы.

Когда он провожал её до машины, она спросила:

– Почему ты уехал?

Олег помнил, как в аргументах упоминал город и перспективы, но всё это к сути вопроса не имело отношения. Она достала из машины обернутый в упаковочную бумагу подарок.

– Это для тебя.

Они обнялись на прощание. Сестра долго смотрела брату в глаза.

– Постараюсь приехать на твой день рождения, – сказал он.

Через месяц в начале октября ей исполнится сорок один. Он собирался подарить ей «мыльницу» из нулевых. Она села в машину и уехала домой, где её ждал очередной мужчина.

Накануне своего дня рождения сестра пропала.

Они вошли в лагерь под собачий лай и шум снегоходов. Гиды провели для группы финальный инструктаж и объявили десятиминутную готов-

ность. Олег походил по территории среди домиков, в которых грелись посетители парка. Затем вернулся к беседке, где некоторые члены группы подкреплялись лёгкими закусками с чаем. Старший из братьев угостил Олега бутербродом.

Компания обсуждала причины, по которым каждый принял участие в туре. Ничего необычного. Никакой тайны, которую стоило предать перед незнакомцами. И ничего похожего на то, что доверяла ему на хранение сестра.

Это случилось в день похорон деда по материнской линии. Грозный и грубый дед не был близок с младшим внуком, зато слепо любил внучку. А она его. Казалось немыслимым, чтобы столь чёрствый человек, как дед мог проявлять подобную нежность. Бабушка не раз подмечала, что ни к кому он не питал тёплых чувств: ни к родителям, ни к жене, ни к детям. Из всех многочисленных внуков только к ней он был привязан необъяснимой любовью, заполнившей его каменное сердце ещё до её рождения, как неоспоримое предопределение, ниспосланное ему в награду на заказе довольно безрадостной жизни.

Только когда бабушка, рыдая, кинулась на гроб, обняла его, словно пытаясь удержать от погребения, маленький Олег понял, что эта смерть не формальность с нелепыми традициями сидения на ножках перевернутого табурета, а личная трагедия, неизбежность которой тем вероятнее, чем больше в мире людей, знающих о том, что есть в нём смерть.

В ту ночь родственники ещё долго не ложились спать. Олегу постелили в комнате бабушки. Укрыли старым тулупом поверх протёртого одеяла. Но он не мог уснуть, слушал тихие голоса взрослых и перебирал события дня. Среди увенчанных скорбью людей, среди цветов и церемоний, дорожки из еловых веток и носовых платков в дар после поминального обеда его преследовал торжественный образ сестры. В чёрном платье, с серебряной подвеской и тонким браслетом из тёмного камня, на каблучках, чуть выше, чем положено скорбящим женщинам, она возвышалась над нелепостью выраженных чувств, отнявших у прощания естественность. Так она и стояла, отстранённая от фарса, в который превратились похороны самого близкого для неё человека, своим непоколебимым игнорированием чужой скорби отражая притягательность неподвластных человеку сил.

Тихие женские голоса помогали Олегу справиться со страхом. Ночь в деревне другая, нежели в городе. С одной стороны, ясная, видно каждую звезду, с другой – куда темнее и глубже. Родная дозагробная колыбель. И иногда в этой ночи слышалось нечто порочное. Слова, сказанные днём, приобретали иной смысл, повтори их ночью. Сама природа звука искажалась, превращаясь в зловещего глашатая-провозвестника первородной сути.

Мама и бабушка продолжали тихо говорить, даже когда все легли спать и в доме выключили свет.

– Ты куда? – спросила вдруг бабушка. – Если захотелось, то ведёрко на кухне.

– Нет. Я к брату.

– Зачем? – спросила мать.

– С ним хочу спать.

– Мешаем уснуть, поди.
– Нет. Просто он там один совсем.
– Разбудишь сейчас.
– Он не спит, – она стояла в дверном проёме спальни и смотрела Олегу в глаза. – Я вижу.

Сестра сказала ему, что не стоит больше бояться темноты. Что ночь избавляет от сомнений. Олег сказал, что всё равно сомневается, что дедушка на небесах, ведь он теперь в гробу, а его душа заперта вместе с его телом. На что сестра сказала, что есть разные типы людей. Кто-то спускается в этот мир с небес, кто-то выходит из рек, третьи выбираются из земных недр и так далее, и дедушка вышел из земли, поэтому его требовалось вернуть обратно в землю. Олег не поверил, он уже знал, что людей на свет рожают мамы. Это так, подтвердила сестра, но она говорила о том, что нельзя увидеть. Это определение другого восприятия мира.

И тогда Олег почувствовал, насколько ощутима темнота вокруг. Податлива, как и вся ночь за окном. Мальчик вдруг уверился, что вся известная ему страна вылеплена из этого материала. И потому она одинаково знакома, необъятна и до конца неизвестна. Из того же мрака, что и родина, был соткан голос сестры, её обжигающие руки и чёрное платье. Чарующая темнота породила весь мир, и стало понятно, почему дедушку закопали глубоко в землю, где всегда темно.

Олег уже не помнил, что было дальше. Он ничего не видел от нахлынувших на него ощущений, слышал мерное дыхание сестры, звук которого начинался в чернильных углах комнаты или из коврового ворса на стенах и опадал у неё под обещающей сновиденье мягкостью, через которую можно было ощутить сокращение чего-то волнующего, вроде души. Или проваливающей в ничто ночи, торжественной до ужаса. Само время вознеслось над скорбью и радостью. И над собой.

Он собирался приехать из Челябинска обратно в Тюмень на её день рождения в начале октября. Но вернулся на несколько дней раньше.

В день, когда она пропала, шёл недоношенный октябрьский снег. И шёл весь день. Напрасно. Когда перестал, то снега так нигде и не осталось, всё впиталось в землю, вместе с воспоминаниями о его преждевременном рождении с небес.

Её мужчина сообщил ему только на третий день, к тому времени обзвонив всех её друзей, коллег и знакомых. Даже навестил всех подруг, чтобы убедиться лично. Они ничего не могли подсказать, а он – предположить. Они с сестрой не ссорились накануне, да и вообще жили в ладу, у неё не было неприятностей на работе. Не было любовника. По крайней мере, так думали все, ведь на это ей не хватало времени. Она вела активную культурную деятельность после работы, а оставшееся время проводила с возлюбленным.

Олег обратился в полицию.

Несмотря на свою нелюдимость, Олег отличался приветливостью и даже сочувствием. Не имелось в его характере той непреклонности, с которой принимала жестокие в глазах других людей решения его сестра.

Ему было девять, когда она взяла его на день рождения к подруге. В подарок та попросила нарисовать её портрет в стиле аниме на стене её комнаты. Почти весь праздник сестра занималась этой задачей, и Олег не отходил от сестры и следил за её бледными руками. Тогда он ещё не мог предположить, во что перерастёт её увлечение рисованием.

Празднование казалось Олегу весьма заурядным, но неожиданным для него стал тот факт, что таким же его находила и сестра. Весь её интерес состоял в завершении портрета. Под него отвели оголённый участок стены, обклеенный однотонными обоями советских времён. Портрет получался в человеческий рост. Сестра никогда не рисовала в таких форматах и не могла справиться с пропорциями, со скрытой досадой раз за разом перерисовывала линии, но итог её не удовлетворял, отчего досада перерастала в раздражение.

Вокруг сестры постоянно крутился народ, заводил с ней беседу, пытался увести от «скучного дела» к столу в зал. Но она деликатно отказывала, и Олег оставался с ней. Она отлучалась из комнаты пару раз, чтобы принести угощений для брата.

В какой-то момент к сестре подошёл высокий парень, упёрся плечом о стену и с похотливым заискиванием стал что-то говорить ей. С каждой минутой усиливая натиск, он настырно добивался её внимания. Поначалу они переговаривались в полголоса, так чтобы гости, что находились в комнате, не слышали их. Но постепенно движения парня стали более резкими, а голос требовательнее. Олег знал этого парня. Он был одним из главных хулиганов с репутацией жестокого и беспощадного «смотрителя» за районом. Он принялся оскорблять сестру, повышая голос и погрязая в хмельной истерике. Сестра сохраняла хладнокровие. И даже когда парень в ярости брызгал слюной и угрожал, она предложила ему вести себя достойно. Парня несмело останавливали другие гости, но он грубо отвечал им, после чего продолжал свою тираду.

Сестра не отвечала. Разразившись бранью, парень бросил бутылку пива в стену. Осколки разлетелись по комнате, на незаконченном рисунке растекалось пятно.

– Пошла вон! – крикнул парень и ушёл в ванную. Хозяйка квартиры принялась наводить порядок, кто-то из гостей стал помогать.

– Тебе лучше уйти, – сказала подруга. – Он же совсем отбитый.

Сестра только кивнула.

Потом раздались крики, началась суета. Все столпились у ванной комнаты. Кричали, чтобы позвонили в скорую. Только сестра не сдвинулась с места. Осмотрела незаконченную работу без каких-либо эмоций, подошла к Олегу, сказала, что им пора домой и потянула его за руку.

Они вышли из квартиры в холодный прокуренный подъезд и спустились по исписанным гадостями лестничным пролётам. Олег побежал вперёд сестры открывать дверь в подъезд. Взялся за ручку голой рукой. Заледеневший металл моментально обжёг пальцы. Мальчик одёрнул руку. Стал за-

думчиво разглядывать ладонь, с которой по ощущениям словно сняло кожу. Его позвала сестра, она отперла дверь плечом и ждала, когда он пройдёт.

Они шли домой. Олег старался не спрашивать ничего у сестры. А она, скорее, чтобы отвлечься, говорила сама. Говорила, что сегодня – самая тёмная ночь в году. И самая долгая. Что можно считать, что весна начнётся уже завтра, так как солнце будет прибывать с каждым днём. Пусть жизненный опыт показал, что это не совсем так, Олег с той поры придерживался такого исчисления времён года.

Мальчик показал сестре руку и спросил, как холод может обжигать. На что она ответила, что холод есть начало огня, и он самый жгучий и опасный. Снег – белое стылое пламя. Тут Олег вспомнил, как мерцали на металлической ручке двери белые кристаллики льда, и подумал, что это он самый – стылый огонь. А потом сестра остановила его и сказала, чтобы он был холоден к провокациям.

– Никогда не позволяй собой манипулировать. Для этого нужно быть хладнокровным и неподатливым. Понял?

Мальчик кивнул, пусть даже смысл слов «провокация» и «манипулировать» были для него не совсем ясны. Но всё же он понял это наставление по-своему. Быть холодным, как стылый огонь.

– И не обращай внимания на то, что говорят о тебе другие. Это тоже манипуляция. У нас свой путь. И в нём не будет насилия.

– Хорошо.

После этого события сестра начала своё преобразование.

В полиции говорили, что, вероятнее всего, она скоро вернётся. Что нужно выждать неделю. Олег настоял на оформлении заявления. Он приехал в отделение с её мужчиной, Владимиром, и тот скрупулёзно описал дежурному обстоятельства последней встречи, последних дней их совместного быта.

– Да, расскажите детали крайнего дня, – акцентируя интонацию на слове «крайний», уточнял дежурный. – Было ли в её поведении что-то подозрительное? Может, несвойственное её привычкам?

И так далее.

Владимир начинал проживать эти дни заново, при дежурном просматривая в памяти их эпизоды. Но тщетно. Перед глазами стояли её завтраки, её мокрые после душа волосы, её поиски тапочек в квартире-студии, её смех над английскими бандитами из его любимого сериала. И ничего стоящего внимания для следственно-оперативной группы, дальнейшая работа которой вскоре свелась к редким телефонным звонкам. От разговора к разговору следователь с угасающим оптимизмом спрашивал, не вернулась ли она.

Но ни её самой, ни её тела, ни даже признаков, ни похожих на неё людей не появлялось за этот месяц. Никто даже ошибочно не написал сообщение под постом в сообществе, где размещали информацию о пропавших, что видел её в толпе в супермаркете на другом конце города, куда можно было бы помчаться и искать-искать-искать, и даже если её там никогда не было, то всё равно найти неприметный след, основанный

на интуиции, на замеченной на коврике для обуви нитке, принадлежащей кому угодно, но только не ей, и всё же доказывающий, что она всё ещё здесь, в этом мире, и её можно отыскать, ведь этого так хочет её брат, её мужчина по имени Владимир, полиция, посетители супермаркета, человек, что обознался и написал сообщение под постом с её фотографией в красной рамке 1000x1000 пикселей в сообществе, где каждый день без счёту размещают её счастливое фото в красной рамке.

Тогда с ним связался тот мужчина, что добивался её двадцать четыре года назад в день рождения их общей знакомой. Он всё спрашивал и всё удивлялся, не веря, что она могла пропасть.

– Знаешь, я готов был убить ради неё, – откровенно заключил он.

Через несколько дней он, будучи сильно пьяным, избил свою сожительницу до смерти.

– Мы близнецы? – спросил он её однажды.

– Нет. Но мы намного ближе. Я слышала миф, что между близнецами есть незримая крепкая связь. Особенно у тех, что... монозиготные. Это которые как две капли воды похожи. Бывает, что рождается просто двойня. Не в разное время, как мы. А в одно. И эти двойняшки могут отличаться друг от друга, как мы. Ты мальчик, а я девочка. А бывает, что рождается два одинаковых человечка. Вот. Два мальчика или две девочки. И они очень похожи меж собой. Вот про таких говорят, что они знают мысли и чувства друг друга на расстоянии, могут общаться телепатически и всё такое.

И тут я задумалась. Ведь может получиться так, что у кого-то родилась тройня. И двое из детей – вот такие близнецы. А третий – нет. Получается, что у этих двоих есть эта связь. А третий её лишён. Он как будто обделён неким родством с ними, хоть и родился в одно с ними время. И я задумалась, каково ему жить с этим пониманием? Как думаешь?

Олег не смог ответить ничего вразумительного.

Сестра не поняла, почему после этой темы брат потерял настроение.

Отряд остановился на очередной перерыв. Дальше тропа вела к полувывшему плато, на котором сквозь девственную снежную кожу проступали тянувшиеся вдоль горного хребта позвонки окаменевшего остова доисторической женщины-великана. Быть может, её тело так хорошо сохранилось, потому что она умерла, замёрзнув во сне.

Гид сказал, что их ждёт пологий участок, а потом крутой подъём.

Погода портилась. Ветер усиливался. Вдалеке, над островерхими соснами, неоднородно проступали затемнениями рентгеновского снимка тучи. Пронзая их нестройную завесу, на бледную спину плато солнечным веером бережно опускались лучи. Однако до вершины горы волны света не добивались, отвергнутые плотным венком грозных облаков.

– Надо торопиться, – сказал гид. – Чтобы успеть до непогоды. Иначе мы будем вынуждены повернуть у самой вершины.

Отряд засобирался в дорогу, сворачивая перекус. Олег в ожидании засмотрелся на затаившуюся ниже по склону лиственницу. Её мягкие ветви, подобно множеству кисточек, упруго качались на ветру, рисовали на воздушном холсте, то припадая к нему всей кроной, то нанося осторожные мазки отдельными побегими.

Деревья на плато отличались от тех, что росли ниже по склону. Их вид носил на себе отпечаток перенесённых испытаний и даже врождённой болезни.

По тропе медленно поднималась женщина, и поначалу Олег не обратил на неё внимания. Но отряд успел собраться, а женщина даже не дошла до них. Шаги давались ей с трудом, она с усилием волочила ноги в сапогах, казавшихся ей не по размеру большими. Как и пуховик, висевший на её хрупком теле слишком свободно. Когда, наконец, она поравнялась с отрядом, Олег заметил её бескровное лицо с измученным взглядом. Женщина оказалась совсем молодой, на вид около двадцати пяти лет. Она остановилась в очередной раз, чтобы перевести дух. Посмотрела на Олега отрешённо, не замечая ни его, ни кого-либо, затем перевела взгляд на вершину, тяжело выдохнула, собираясь с силами, и едва отнимая ноги от земли, продолжила восхождение.

Олега окликнули, и он принялся догонять отряд. Когда поравнялся с братьями, они смотрели девушке вслед. Никто ничего не сказал.

Группа шла по заснеженному хребту, практически голому, лишь изредка встречались изогнутые, завалившиеся на бок от постоянного ветра низкорослые сосны. Наледь обрастала на их ветвях с наветренной стороны, образуя причудливый кристаллический гребень. Также наросты были видны на камнях и столбиках с указателями или флажками.

Ветер усиливался, и поднявшаяся снежная крошка придавала величественному виду горы ореол таинственности и даже скрытой угрозы. Олег не раз останавливался у сосен или груды обросших мхом камней, чтобы насладиться их суровой притягательностью. Братья тоже останавливались, делали фото или рассматривали наставленные друг на друга башенкой камни, касались на глыбах узоров, сработанных резцами вековых ветров.

Окружение представлялось болезненным; изъеденные мхом и щербинами камни, согбенные чахлые сосны и бледный покров хребта с редкими тлетворными пятнами – оголённые каменные островки...

До вершины оставалось совсем немного, говорил гид, далее мы скоро упрёмся в скалу, на которую подъём уже будет вертикальный, потом пройдем ещё немного, и уже тогда – финальное восхождение по крутому склону на плато.

Вскоре группа вновь сделала перерыв. Гиды по рации совещались насчёт ухудшающейся погоды. Пока группа ожидала решения, выстроившись в ряд по обе стороны тропы, с ними вновь поравнялась та необычная девушка. Незримо для увлечённых пейзажами туристов она прошла сквозь их строй, не замечая никого.

Черты её лица показались Олегу знакомыми, и в то же время он не мог восстановить её облик в памяти, хотя смотрел на неё секунду на-

зад, отчего чувствовал терзающее чувство неопределённости. Как будто с внешностью этой девушки истончались в его памяти ранее незыблемые знания о мире.

Олег задумался об одиночестве сестры. К своему сорокалетию она оставалась бездетной. Эти неудачные отношения с мужчинами, из которых никак не прорастала семья. Для кого-то сестра была идеальной любовницей, для кого-то партнёром, даже «мамой», но не женой. Её мужчины то пытались бороться с игровой зависимостью, то сосредотачивались на карьере в нефтяной компании, то без конца учились методам продвижения на экономических онлайн-курсах, то годами искали работу, то переживали очередной экономический кризис в стране.

По пути в Челябинск купил на подъезде к городу садовых яблок у одинокой старушки, что торговала урожаем на обочине.

Дома помыл одно яблоко, достал разделочную доску и разрезал его на две равные части, затем вырезал в каждой половине сердцевину, черешок и чашелистики, с одной половинки счистил кожицу и оставил дольки на доске, украшенной узорами кармацкой росписи – прощальный подарок сестры, сделанный её руками. Олег долго смотрел на половинки яблока на деревянной доске, пока они не начали темнеть. А потом он и вовсе уснул почти на сутки.

Яблоко пришлось выбросить.

Группа осилила крутой каменный склон. На этом участке пути многие оступались, брали длительный перерыв или даже останавливали своё восхождение. Сказывалась общая усталость, травмоопасность пути. Погода ухудшалась, и на самом пике горы бушевала метель. Гид собрал оставшуюся группу перед очередным склоном и сообщил, что после этого подъёма идёт каменистое плато. Сейчас там метель, ничего не видно, он не сможет проследить за всеми, и чтобы не подвергать их риску, подниматься до самой вершины они не будут.

Отряд поддержал это решение. Казалось, что никто не готов продолжать восхождение, даже если бы погода не препятствовала.

Но тут братья предложили гиду остаться с командой и подождать, пока они вдвоём поднимутся на вершину. Подъём займёт от силы минут десять. Дорога обратно и того минут пять. Гид подумал, а потом сказал, что на самой вершине они ничего не увидят. Нет особого смысла, не насладиться видом. Братья ответили, что это не главное. Гид окинул их оценивающим взглядом и бодро сказал:

– Только осторожно и быстро. Идите по флажкам и меткам.

Олег вышел вперёд.

– Можно я с ними?

Он с сомнением оценил и Олега.

– Ладно.

Троица быстро взобралась на крутой склон. Прошла по тропе к поросшему словно ошестинившимися чешуйками скалистому кряжу.

Видимость ухудшалась. И склон пропадал в туманной туче, свившей на его вершине облачное гнездо. Мужчины переглянулись и начали карабкаться. Первым поднимался старший брат, Олег замыкал цепь. Они ещё не завершили подъём, а ветер уже протестующе начал давить на них, гоня обратно. Снег кружил так, что роился перед глазами. Братья дождались Олега.

Несмотря на метель, старший с лёгкостью находил среди камней метки и флаги.

Дальше шли на расстоянии двух метров друг от друга. Когда старший находил очередную метку, он указывал на неё рукой и, пытаясь перекрыть шум ветра, звал:

– Сюда.

Олег видел только камни вокруг метрах в трёх от себя и силуэты братьев, один прозрачнее другого. Казалось, в этой неизвестности проведение решало за троицу их будущее, создавая его лишь тогда, как они делали шаг вперёд.

Братья ускорились. Сквозь снежные помехи прорисовывалась необычная метка. При приближении она оказалась металлической конструкцией, похожей на гантель или уменьшенную колёсную пару вагонетки, обвязанную лентами. Конструкция была вмонтирована в каменную пирамиду.

Трое мужчин принялись поздравлять друг друга, хлопали по плечам, братья сделали совместное фото на фоне гантели. Олег достал изнутри куртки старый Кодак и сделал снимок братьев.

С вершины горы открывался вид на заполненную туманностью долину. Где-то из-под неё ненадолго выныривал силуэт сгорбленной сосны и вновь тонул в облачных гребнях серых неспешных волн. Но Олег больше смотрел на братьев. Он находил в их скромной гордости за достижение зерно будущих воспоминаний, неразрывных с горой и друг другом. Теперь эта земля и эта гора принадлежали им. Олег ещё раз посмотрел на пирамиду, увенчанную «колёсной парой». Покрытая изморозью, она напоминала надгробие. Олег подумал, что эта гора тоже скорбит от невозвратной утраты.

– Сколько здесь метров? – спросил старший.

– Около тысячи пятисот восьмидесяти с лишним. Где пишут восемьдесят девять, где восемьдесят два. Так что в среднем восемьдесят шесть.

Постояли в тишине.

– Нам пора возвращаться.

Они покинули могилу неизвестного духа горы. Троица не оставила подношений. Не повязала лент.

Олег знал, что его желание несбыточно. Да и как можно просить у того, о ком забыли, кого не знаешь сам. Кто та святая, что одаряла силой просителей?

На вершине никого кроме троицы не было. Из-за погоды для многих паломничество заканчивалось там же, где остановилась туристическая группа.

Олег заметил, что немного отстал от братьев. Он отыскивал их нечёткие силуэты, но в следующее мгновение ветер разметал горстями снег и стёр всё видимое ранее и вновь явил на свет, переставив местами. Снег продолжал виться, словно выписывая вязь утраченной письменности. А затем соткал человеческий силуэт. Олег пошёл ему навстречу.

Он удивился, когда увидел, что это не один из братьев, а та необычная девушка. Она шла, разведя руки для равновесия. Нетвёрдым шагом она приближалась к Олегу, не замечая его. Он сделал шаг в сторону, и девушка медленно и беззвучно проплыла перед ним неумолимым наваждением.

Олег застыл в замешательстве. Какое-то время он смотрел ей вслед, борясь с нарастающей необъяснимой тревогой. Терзаясь сомнениями, продолжил путь.

Вскоре в метели появились силуэты братьев. Кажется, они искали его. Он поспешил к ним.

Группа встречала их поздравлениями. Гид без промедления объявил спуск. К Олегу подошла девушка из группы и лично поздравила его с восхождением. Он посмотрел ей в глаза, но ничего не понял из её слов из-за невыносимого смятения.

Он попросил подождать его и под предлогом потери чего-то ценного побежал к вершине. Гид хотел было остановить его, но Олег уже не слушал. Он стремительно взбирался на плато, а затем сквозь метель по камням пробирался от флажка до флажка. Ведомый порывом интуиции, он вернулся к самой вершине.

Но там никого не было.

Шум ветра заглушал его взволнованное дыхание. Он растерянно бросился искать. В одну сторону, другую. Но её нигде не было. Ему казалось, что если он назовёт её имя, то гора снова соткёт её из снега и камня. Для него.

Из снега и камня.

Склон горы покрывал туман. Обнесённые снегом верхушки сосен сонно завалились набок. Ветер перестал, и на минуту наступила тишина. Из толщи тумана послышался приглушённый стук камня о камень.

10-Я МУЗА

Алёна ЗИМИНА

ВОЗДУХ, ПРОСТРАНСТВО И ДВИЖЕНИЕ

Екатерина Чикирева – самый молодой член Союза художников России в Тюменской области. Родилась в Донецкой Народной Республике, окончила Уральскую архитектурно-художественную Академию по специальности «дизайн среды», работает дизайнером интерьеров, создаёт пространства и новую среду для людей. Живёт в Тюмени.

Работает преимущественно с графическими материалами: в зависимости от идеи и замысла. Любит путешествовать, поэтому проекты и картины Екатерины в полной мере отражают её увлечение, манят зрителя своими глазами увидеть то, что художница сумела запечатлеть на листах и холсте.

С 2017 года является членом Международной ассоциации изобразительных искусств при ЮНЕСКО и ВТО «Союз художников России» (Тюменское отделение). Основной этап карьеры как художника начался с 2009-го. Приоритет к графическому направлению складывался постепенно. Как признаётся Екатерина, оно лучше выражает чувства, которыми хочется поделиться. Сила грифеля, туши, штриха, полтона даёт разнообразие в гамме ощущений и настроений. Графика – это самая выразительная практика, у которой широкий диапазон средств при работе. В творчестве молодого художника много работ, сделанных карандашом, углём, пастелью, тушью: каждая серия, сделанная в том или ином материале отражает настроение автора и ту идею, которая интересует её в данный период творчества.

Воздух, пространство и движение – одни из важных составляющих в творчестве с раннего этапа становления. Рассказ той или иной истории через серию работ или даже одну хочет погрузить на определённую глубину того, кто смотрит: меланхолия или отражение «правды жизни». Раньше в работах девушки было много фантазийного мира, даже фантастики, сейчас – больше переосмысления пространства вокруг и воздушности.

Пастельная серия проекта «Другой мир» появилась после того, как художница посетила Таиланд и Камбоджу. Эти страны одновременно естественны и декоративны, но в то же время – пугающе яркие, поэтому выбор техники – пастели стал определяющим. Сюжеты строятся на коллажном подходе: собирательный набор образов из личных прогулок, общения с культурой, людьми, древними памятниками и природой, то, чем были наполнены дни. Изучение истории, буддизма во время путешествия и после него привело к сведению впечатлений в символы и скрытые смыслы, поэтому всё окружение проекта наполнено ими.

Вот как автор комментирует некоторые свои работы, опубликованные на цветной вкладке этого номера. Таиланд очень отличается от европейского мира вплоть до мышления. Доброта и помощь превалирует, земледелие и дары земли почитаются, как и обожествление каждой частички в окружающем мире. Это, скорее, не культ поклонения, а данность, которой радуется каждый таец.

В работе «Натюрморт по-тайски» читатель увидит плоды хлебного дерева как символ плодородия, питательную растительность как атрибут влаги, короля фруктов – мангостин как радость и фрагменты древних барельефов – божеств в медитирующей позе – отсылка к духовности и почитанию традиций.

В некоторых странах Юго-Восточной Азии принято отдавать что-то в дар многочисленным божкам, которые трудятся каждый день на благо людям, если они попросят. Это отражено в работе «Всё – божкам».

У водоёмов этой части света всегда стоит таинственная тишина. Пхра Мэ Тхорани – богиня, которая спасла Будду от демона, утопив его в воде из своих влажных волос, ассоциируется с водной и земной стихией, наверное поэтому в качестве благодарности здесь всегда такое умиротворение. Три ананаса символизируют дружелюбие и праздничность момента, а морские раковины – вечность и покой. Об этом картина «Момент тишины. Вода рядом».

– Кхмерская культура, – вспоминает Екатерина, – преследовала меня и после путешествия: началось изучение истории и литературы про древние города, про Анкор-Ват. Невероятно то, что открыли его в XIX веке полностью заросшим джунглями, как в книге про приключения. Здесь всё словно застыло в воздухе, и в голове не укладывается, что ходишь по территории когда-то великой цивилизации. Так родилась картина «Затерянный город».

Встреча с неизвестным – всегда тайна. Приятное покалывание в груди, бабочки в животе и т. д. Благовония зажжены, послания написаны, плоды, в которых семена звенят как колокольчики, и никогда не знаешь, сколько их там; символ будущей любви – гроздь бананов красиво и ярко блестят желтизной. Об этом картина «Ожидание».

Это невероятный опыт – ночевать среди дикой природы, вдали от шумных бесконечных трасс, от мегаполисов Паттайи и Бангкока, в многочисленных и романтических уютных понтонных домиках на реках. В небе открывается настоящий космос, в листве еле слышно шуршат неведомые насекомые, и всё пространство вокруг накрывает абсолютная естественная тишина. Об этом «На озере Тон ле Сап. Камбоджа» и «Ночь. Домики на воде».

Одно из привлекательных для туристов мест в столице Таиланда – речной рынок. Прогулки по нему – каждый раз праздник для глаз. Этот праздник и передаёт работа «Речной рынок».

Екатерина Чикирева – очень популярный художник. Иногда в Тюмени её персональные выставки одновременно открыты в двух и даже трёх залах. Просто надо следить за афишами, чтобы приобщиться к прекрасному миру художника.

ДЛЯ СЕМЕЙНОГО ЧТЕНИЯ

Алина ВАЛГЕ

МЕДОЕД ЖАН

Сказка для взрослых

Большинство людей, которые знакомы с медоедом, знают, что это самый бесстрашный и экспрессивный зверь, который только живёт на Земле. Но не все медоеды опасны и хищны по своей сути.

Малыш Жан должен был стать образцово-показательным детёнышем медоеда. Каждое утро он просыпался, брёл на кухню, долго ковырялся в утренней порции творога и потягивал чай с мёдом, который его мама добыла накануне в схватке с местными пчёлами. Завершив все утренние процедуры, Жан отправлялся в звериную школу, где изучал охоту, рыбалку, бег по пересечённой местности с добычей, устрашение соперника, особенности обороны от врагов и ориентирование по звёздам. По дороге до дома маленький медоед мог приплясывать на лугу, сливаясь в танце с лёгкими бабочками, или соревноваться с выдрами в плавании от берега к берегу. Неизменно каждый вечер, измождённый дневными приключениями и обучением, он проваливался в сон в своей маленькой и уютной кровати под нежные и тихие напевы мамы. Как может показаться читателю, ничего необычного в жизни малыша Жана не было, однако он хранил самый страшный секрет, который нельзя было рассказывать никому в приличном обществе достойных, храбрых и опасных медоедов.

Итак, каждое утро Жан оказывался за столом, заботливо накрытым мамой, и в эту минуту начинались его мучения. С каждым глотком чая, который всё больше развеивал сон, он начинал понимать, что прямо пропорционально этому им овладевает страх. Что такого? – спросите вы, ведь все дети чего-то боятся. Но не стоит забывать, что этот малыш был из семейства самых опасных и отбитых хищников, которые даже в случае опасности не сдавались и смело бросались на львов и тигров, показывая свои острые зубы и когти в совокупности с неукротимым нравом, но только не Жан. По своей сути он был довольно спокойным, сдержанным и рассудительным детёнышем. Не бросался на других зверей на переменах в школе только для того, чтобы показать, что он сильнее, да и для толстокожего во всех смыслах зверя Жан был слишком чутким. Ему нравилось дружить со всеми зверьми, резвиться на лугу с бабочками и совершать невероятные кульбиты в воде с гибкими выдрами. Но Жан очень боялся, что другие звери увидят его тихий нрав и перестанут уважать. Он боялся не сдать экзамен по рыку, потому что сомневался, что именно его не будет достаточно громким и устрашающим, боялся, что, будучи загнанным в угол, не сможет в достаточной степени отпугнуть нападающего. Порой

ВАЛГЕ Алина. Преподаёт английский язык в средней школе. С отличием окончила Тюменский государственный институт культуры и искусств по специальности «социокультурная деятельность», аспирантуру по философии, имеет диплом переводчика и преподавателя высшей школы. Дипломант Международного литературного конкурса им. П.П. Ершова, участник семинара молодых писателей в Уфе и Химках. Член Союза писателей России.

паника овладевала им настолько сильно, что маленький медоед мог часами просиживать над простой задачей по ориентированию, сомневаясь в выборе ответа, хотя с первых секунд знал решение. Но самым главным страхом было увидеть разочарование в глазах отважной мамы, которая являлась образцовым примером в кругу росомых, барсуков и, конечно, рателей (медоедов). Единственная черта, которая объединяла его с сородичами, была упёртость. Жан упрямо прятал свой страх перед другими зверьми и не оставлял попыток стать самым успешным.

В один очень пасмурный и холодный день Жан брёл в задумчивости на очередной экзамен, нервно покусывая карандаш, которым всегда писал работы, чтобы иметь возможность стереть неправильный, по его мнению, ответ. Ветер угрожающе шумел в листве деревьев, нагнетая и без того сковывающий страх. Погружённый в свои переживания, маленький медоед не заметил, как на его пути появились три огромных и очень голодных льва. Самый молодой и наглый лев схватил Жана за голову и начал неистово трепать. Маленькие лапки детёныша безвольно болтались из стороны в сторону, карандаш улетел в ближайšie кусты колючего чертополоха, а рюкзак с книжками уже стал футбольным мячом для двух других хищников, которые безо всякого сожаления гоняли его по тропинке. Как ни старался лев, он не смог прокусить толстую медоедовую шкуру и, поняв, что полакомиться малюткой не получится, бросил его безжизненное тело неподалёку от зарослей, присоединившись к своим собратьям в увлекательной игре в мяч. Через несколько секунд маленький обмусоленный комок поднялся с земли и злобно посмотрел на наглецов. В те секунды в голове Жана обида и бессилие полыхали, сменяясь праведным гневом. Обнажив острые клыки, маленький зверёк со всех ног бросился бежать, но не домой, где было тихо и безопасно, а прямо на не замечавших его обидчиков. Оттолкнувшись задними лапками от земли, он в полёте вонзился в ухо льву, издавая рык. Лев на секунду опешил от неожиданности и попытался лапами оторвать агрессивное существо от своего уха. На все попытки сбить его с себя Жан только сильнее вгрызался в шкуру льва, продолжая рычать. Два ничего не понимающих собрата удивлённо переглядывались, потихоньку пятясь назад, а главный зачинщик, жалобно скуля, безуспешно пытался избавиться от внезапно напавшего крохи. Когда Жан понял, что соперник выдохся, он разжал зубы, приземлился на свои лапки с угрожающе торчащими когтями и снова ринулся в сторону посрамлённого царя зверей. Львы, поджав хвосты, поспешили ретироваться, пока кто-нибудь не увидел их позорного поражения.

Солнце наконец-то выглянуло из-за облака и начало переливаться лучами на белой спине зверька. Ветер, забросивший листву, обдувал грубые ворсинки шерсти маленького храбреца, словно глядя его. Где-то посреди африканской саванны, глядя в знойную даль, стоял уже далеко не малыш, а внезапно повзрослевший медоед Жан, который больше ничего не боялся.

БОБЁР АНАТОЛИЙ

Большинство жителей деревень считают, что бобры своим стремлением к строительству портят им жизнь, но на деле всё происходит совсем не так.

Если до сих пор вы не знали, то бобры, в отличие от многих представителей животного мира, живут большой семьёй, состоящей из нескольких поколений. Они строят запруды, чтобы маленькие бобрята могли купаться в чистых заводях; пожилые члены семейства чинно наблюдают за молодняком и с превеликим удовольствием делятся советами, которые были постигнуты благодаря нравоучениям мудрых предков. И как бы почтенные семейства бобров ни сетовали на лень и разгильдяйство молодого поколения, собираясь вечерами у костра, они не подозревали, что в их сообществе уже рос юный бобёр Анатолий, который славился своим неуёмным желанием постичь все знания мира, опыт предков и обладал стремлением возвести всех особей на высшую ступень мироздания.

Испокон веков бобры славились своим поразительным мастерством грызть деревья и воздвигать запруды и плотины даже на самых непокорных и опасных реках, но один бобёр никогда не останавливался на достигнутом...

Слабое солнце, едва продравшись сквозь хмурое небо, начало поигрывать солнечными зайчиками на кончиках острых конечностей вальжано разлётшихся в тихом утреннем лесу только что выпавших снежинок. Пара ярких отблесков проникла в окно бобровой хатки и, пробежавшись по стене, прыгнула на нос спящему молодому бобру Толе. Проснувшись от невыносимой щекотки игравших на его носу искорок, Анатолий чихнул, протёр глаза, нос и начал быстро бегать по своей уютной норке, собираясь впопыхах, чтобы не опоздать к началу нового трудового дня.

Этим утром бобёр стремглав бежал по мокрой тропинке через густые заросли ила, мелкого тростника и зыбучей смеси песка, чтобы не опоздать к урочному часу. Перебирая маленькими лапками, он несся, несмотря на все мелкие препятствия, так как уже накануне сообщество бобров приняло решение строить огромную запруду, и Анатолию ни в коем случае нельзя было опоздать.

Внезапно на пути юного бобра возник огромный валун из гранита, которого никогда не существовало на той тропе. Толя резко остановился и замер. Гранит был настолько велик, что безуспешные попытки бобра обойти препятствие с любой из сторон не увенчались успехом: справа проход между отвесной скалой был завален землёй и мелкими камнями, а слева те же самые камни вперемешку с кустарниками, кучей земли и мелких растений простирались до самого берега полноводной реки с настолько бурным течением, что молодому бобру было бы с ним попросту не справиться. Около часа Анатолий носился взад и вперёд, пытаясь оценить масштабы бедствия. Почти измождённый, он сел напротив гранитной глыбы в надежде придумать способ преодолеть данное препятствие.

Прошли часы, а Толя так и смотрел по сторонам, не представляя путь, по которому можно было бы продолжить свой ежедневный и настолько привычный путь. Спустя несколько часов отчаявшийся бобёр, потеряв всякую надежду, оглянулся назад, чтобы по своим следам найти тропинку домой, но увидел лишь комья грязи, которые образовались благодаря его хвосту, способному замечать следы. Анатолий сидел напротив гранита, осознавая свою беспомощность...

Всю свою сознательную жизнь бобры грызли деревья, чтобы добыть необходимый для строительства материал. Их жизнь была бесхитростна, но так или иначе они слыли самыми мудрыми в инженерном деле.

В голове Толи мелькало множество мыслей, и яркими всполохами в его сознании доносилась фраза из легенд про гранит науки. «Нужно грызть!» – решил Анатолий. И немудрено, что в его голове появилась настолько взбалмошная мысль, ведь бобры созданы для этого. Если можно легко прогрызть кору столетних крепчайших деревьев, то почему какой-то камень способен остановить идущего к своей цели молодого и полного сил бобра?!

Первые попытки, как показалось Толе, не принесли успеха. Зубы стачивались, а на камне появилось лишь несколько полос и то только в некоторых местах. Юный бобер вновь сел перед камнем и начал с интересом рассматривать места, где гранит поддавался острым бобровым зубам. Анатолий понял, что не все части камня настолько непреодолимы. Жёлтые прожилки, которые явно состояли из более податливого материала, относительно были по зубам бобру. Анатолий ещё раз пробежался вдоль завала, присмотрелся к результату своего труда и принял решение грызть дальше, ведомый застрявшей в голове фразой про гранит науки.

Спустя несколько часов огромная глыба начала разрушаться. Юный бобёр с новыми усилиями вгрызался в непреодолимое препятствие час за часом, пока наконец громадный камень не развалился перед ним на сотни маленьких кусочков.

На лесной тропинке перед когда-то зияющей громадной гранитной глыбой сидел маленький, смыслённый и уставший бобёр. Он собирался с силами, чтобы к следующему утру обязательно прибыть на место великой стройки. Солнце уже давно покинуло горизонт, бурная река уже не казалась такой шумной и зловещей, а множество мелких камней ждало своей участи, чтобы быть разбросанными по всему великому лесу другими зверьми и птицами. Анатолий, медленно вскарабкавшись по камням, сел на самой вершине в ожидании нового дня.

Есения ДЕНИСЕНКО

СКАЗОЧКА НА НОЧЬ

А ну-ка все цыц! Ночь на дворе, солнце в земле! Ла-адно, я расскажу вам сказочку, но только если будете сидеть тихо да слушать меня внимательно, ясненько? Я и тебе говорю! Щас хвост тебе ящеркин наколдую: его отрывай, не отрывай, всё одно – будешь до старости с ним бегать! Вот то-то.

Все умолкли? Ну тогда слушайте. Строго сказочку не судите, ибо когда это было – сказать сложно, и, к тому же, сказка – это вам не былль.

Давно ли, недавно ли она случилась, сказать я не смогу. Вот мне кажется – давненько, много-много лет назад. А подумашь, дак словно вчерась было. Вот так и живём, вне времени, а оно и хорошо – худое забывается, а что-то страшное из детства в старости пустяком кажется.

Было мне тогда лет пять, а может семь, ой-ёй, давненько. Да-да, совсем как тебе – только угомонись, а коли будешь ёрзать, я сказывать далее не стану!

Так вот... О чём это я? Ах да! Малёханькая я была.

Были сумерки, прямо вот как сейчас: тёплые, мокрые, весенние. Э-хе, ды, можно сказать, почти уже летние. Маменька потопала тогда в баню: ворожить, конечно же. А мне строго наказала: из избы не выходить ни на шаг, окон не отворять, ни на какой стук не отвечать, молоко выпить и спать укладываться; а утром она уж в избе завтрак готовить будет. А мелкая я была ой какая непослушная! Да, как вот ты! Матушка велела не выбегать из дому – а мы всё равно выбегаем, ишь!..

Очень уж мне любопытно было: а как же маменька ворожит? Это таким интересным мне тогда казалось. «Дай, – думаю, – возьму свечу, да и к бане проберуся незаметненько. Там уж в предбанник шмыгну как мышка и в щёлку буду подглядывать».

Сказано – сделано. Шлёпаю я, значит, босиком по траве – да в баню. Трава мокрая, холодная. А я в одной ночной рубашке. Продрогла, жуть!

Рука скользкая, непослушная, а дверь в баню туго так закрыта. А в другой руке у меня свеченька трепыхается. И как не потухла только! «Ну, – думаю, – в баню как-то прошмыгнула. А дальше-то ничего сложного». Как бы не так. Это ещё хорошо, что не праздник какой был, и матушка не сильно много ворожить собиралась. А то гляди и прихлопнули бы меня её защиты аки мушку.

«Свечку-то, – думаю, – потушить надобно. А то вдруг пожарище случится: тогда конец мне». Набираю я воздух, щёки надуваю, и-и...

Ап-чхи! Ой, простите, родные. Спасибо, и вы не хворайте. Где же я остановилась... Точно, помню-помню, ты у меня всегда подскажешь, птаха моя дорогая.

ДЕНИСЕНКО Есения. Учится в Тюменском государственном институте культуры на факультете дизайна, визуальных искусств и архитектуры. Преподаёт рисование детям, любит бывать на природе, заниматься всевозможным творчеством и искать волшебство в обыденных вещах.

Вот надула я щёки, глаза распахнула и вижу – прямёхонько перед носом своим во-от такого паука! Да-да, прямо такого, с кулак, даже больше! На длинных-предлинных ножищах – мизгирь, значит. Я чуть на месте со страху не померла!

Однако ж не закричала. Мизгирь – это, конечно, страшно было, да матушка в гнев – страшнее. На свечку дунула, да так и выбежала из бани, и к дому, только босые пятки сверкали. Ну, точнее, они сверкали бы, коли б луна хоть чуть светила, а её в ту ночь не видать было. И как хоть я не навернулась на мокрой траве-то!

Как в избу вбежала, не помню. Как свечу поставила – тоже. Только под одеяло юркнула с головой, лежала и дрожала. И с тех пор строго маменькины наказания исполняла.

Я-то тогда ещё не знала, что особые люди в зверей, птиц да мизгирей разных обращаться умеют. А оно вон как оказалось: ангел-хранитель, поди, от беды меня уберёт, хоть и испугал до полусмерти.

А теперь – спать! И чтоб ни звука!..

БЕГИ, ЛОВКАЧ!

Мир, где правят Новые Боги. Где наша история стала лишь старой сказкой. Забытый, униженный, но не сломленный, я лишь жду своего часа.

– Немедленно приступите к выполнению тестов!

Вот так теперь и живём. «Немедленно», «без фокусов», – я уже почти привык к такому обращению. Лежать, говорить, даже чихать здесь нужно по приказу.

Можете называть меня Ловкачом. Мир знает меня под другим именем, но что уж теперь?

Я нахожусь в колонии, которая якобы является исправительным учреждением для преступников с магическими способностями. Ну сами подумайте, какой же из меня преступник? Ну, то есть, разве я не ответил за всё сполна? Да и не так уж много бед натворил. Подумаешь, наказал одного задаваку. Подумаешь, заставил пошатнуться все девять миров. Подумаешь, немножечко – самую капельку! – посодействовал концу света.

Я ведь как лучше хотел. Диктатура богов, жестокость, унижение детей Хаоса и других неугодных рас – вот что я стремился исправить. Всё было совсем не так хорошо, как поют в старых балладах. И не надо было доводить меня до такого! Боги сами подлили масла в огонь, буквально не оставив мне выбора.

Сюда теперь тащат всех подряд. Демонов, тёмных эльфов, оборотней и даже всякий мелкий сброд вроде полтергейстов. Они, правда, надолго тут не задерживаются – выгорают. Знаете, иногда нам говорят, мол, какой-нибудь красавчик был освобождён по решению суда Высших магических сил. Фуфло это всё. И суда-то такого нет.

Я устался в экран. Знаете, тут очень занимательная система тестов. Тесты, если говорить кратко, на знание магических законов и правил морали – с учётом того, что демоны и иная нечисть считаются неприкасаемым и бесправным отродьем. Самые дурацкие и противоречивые

вопросы о том, что мы не должны даже говорить с людьми и приходить им на помощь.

Сверху в левом углу есть некоторое количество, э-э, кружочков. Отвечаешь на вопрос правильно – кружочек перемещается вправо. Когда все они окажутся справа, можно уходить из тестового класса. Но есть один нюансик. Если ты выбираешь неверный ответ, то – сюрприз! – все кружки перемещаются обратно. И ты решаешь всё заново, только с другими вопросами. Снова и снова.

Я видел, как это сводит людей с ума. Но они слабаки. Я – совсем другое дело. Высший класс. Неуправляемый, непредсказуемый, истинный огненный бог! Могу сидеть тут часами. Приставать... гм, нет, разговаривать с обаятельной смотрительницей. Но охранники уже привыкли к моим выходкам, плюс ещё и начали догадываться, что их «гениальная система» подавления воли на меня совершенно не действует. Посему эти верзилы уже вышвыривают меня из аудитории для тестов просто так.

– Эф-эн-девяносто-девять, выметайся отсюда!

Ну вот, видите? Да-да, у нас тут номера. F – от «фаер» – моя стихия. N – от «норт» – мой культ, так сказать. Девять – уровень моей силы по десятибалльной шкале. И дальше – девяносто – это просто случайная нумерация.

– Детка, моё имя состоит из четырёх букв. Неужели так трудно запомнить? Или у тебя хронический тупизм? – издевательским тоном обращаюсь я к охраннику-дварфу, ловко уклоняясь от резинового копья.

На входе в «апартаменты» стоит ещё один верзила с бараньим взглядом. Орк.

– Имя? – равнодушным голосом спрашивает он, пялясь в одну точку. Я прикладываю руку к сканеру.

– Великий бог огня.

Меня ударяет банальным силовым заклятием, но это не очень больно. Ради того, что я задумал, можно и потерпеть.

– Кхм, как же так? – притворно удивляюсь я. – Джон... Ловкач... Приносящий свет... Капитан Горящего... (ай, это всё-таки так неприятно!) Сын Лаув... Не трогай меня, животное! – ору я, когда орк хватается меня за шею.

– Мне уже надоели твои выкрутасы, рыжая псина! – цедит орк сквозь желтоватые клыки. А вот это уже обидно. Ну ничего, я тебя запомнил.

На помощь к сторожевому приходит существо куда более высокого чина. Берсерк, за которым я уже давно приглядываю. Высокопоставленный, но такой же безмозглый, как и его приятель-орк. Э-хе-хе, отлично, он у меня – его волос...

В камере мы живём вдвоём.

– Чего приуныл, Горный Орёл? – сокамерник ненавидит, когда его так называют, но я никак не могу удержаться!

– Ещё раз так скажешь, Гадюка, и я за себя не ручаюсь.

Прометей, в общем-то, классный парень. Почти такой же классный, как я. Но чересчур уж любит людей. Вообще не понимаю, как он сюда попал.

– Ладно-ладно, не заводись.

Мы похожи. Судьбой, стихией. Но он слишком мягкий. Я б на его месте!.. Впрочем, за себя я отомстил.

Достаю нечто вроде вольта из-под матраса. Тряпичная кукла легко помещается в ладони. Прометей смотрит на меня распахнутыми глазами. Завершаю композицию добытым трофеем. Я вообще-то против подобной магии, да и делать нечто такое мне раньше не приходилось. Но я знаю: нужно быть непредсказуемым, чтобы их обмануть. Я готовился к этому несколько месяцев. Накапливал магию. Изучал строение тюремных корпусов. Проверял, чьё удостоверение может подойти, чтобы у меня получилось беспрепятственно выйти наружу.

– Эл, ты что, собрался бежать отсюда?!

– М-м-м, не понимаю, о чём ты.

– Это же самоубийство!

– Мне не привыкать. Я, в отличие от некоторых, не буду ждать, пока братец соизволит вспомнить обо мне. Я и так здесь засиделся.

Прикусив губу, я мимолетно глянул на себя в маленькое мутное зеркало над давно не чищенной раковиной. Конечно, не стоило ожидать, что этот «курортник строгого режима» благотворно повлияет на мою внешность. Худое лицо, и до этого никогда не отличавшееся здоровым румянцем, ещё больше побледнело и заострилось. Некогда роскошная огненно-рыжая шевелюра (которую в былые дни я мог заплести лентами в длинные косы) превратилась в заурядный и тусклый «ёжик». Исхудавшее тело теряется в гадкой мешковатой робе, плечи сгорблены, под глазом синяк от потасовки с охранником. Ну да, чай, не Аполлон и не Бальдр. Даже глаза – один зелёный, другой красный – стали какими-то тусклыми и невзрачными.

Вообще-то я не считаю себя таким уж негодяем и «плохим парнем». Так-то, если вы вдруг не в курсе, я несколько раз спасал ваш драгоценный мир и близлежащие территории! И постоянно «убирал» за беспечными, безрассудными и глупыми божествами. Мне всегда приходилось выполнять самую грязную работу, которую поручал мудрейший и всевидящий глава нашего пантеона (чтоб он сдох, скотина такая).

Но в какой-то момент вашего покорного слугу решили сделать козлом отпущения, «мальчиком для битья». И теперь многие из вас сравнивают меня с чёртом и Дьяволом, считают лжецом и предателем, а порой даже обвиняют во всех бедах. Но вы ошибаетесь, дорогие мои. Я есть само пламя, я олицетворяю собой свет, а не тьму. Это меня обманули, подставили и предали, а совсем не наоборот. Мне лишь хотелось равноправия, свободы, яркого огня и капельки веселья... Мне и сейчас очень хочется именно этого.

Ладно, хватит предаваться бессмысленным сожалениям! Вот выберусь отсюда и наверстаю упущенное. Вообще всё наверстаю, и все ещё пожалеют, что упрятали меня сюда на столько лет. Итак, пора закончить африканский ритуал. Активация. Самый волнительный момент. Есть! Дверь открывается, на пороге стоит мой знакомый берсерк. Взгляд у него как был бессмысленным, так и остался. Он берёт меня за плечо. Нежнее! Вот так, умничка.

– Удачи, Трюкач! – шепчет Прометей со своей койки.

– И тебе, Огонёк.

Нам удаётся преодолеть основную территорию колонии без происшествий. А вот в камерах хранения личных вещей заключённых меня поджидала одна неприятность.

Мои чудесные башмаки! Те самые туфли, которые позволяют передвигаться по воздуху. Их не было! У-у, если найду ту тварь, что их украла, ей не поздоровится! Да, конечно, вы можете меня упрекнуть, ведь я сам когда-то «одолжил» их у гениального эльфийского ремесленника... Но это было очень давно и вообще неправда! Пришлось взять чью-то метлу. Какое унижение! Но это лучше, чем ничего.

Когда я всё-таки успешно пробираюсь за ворота ненавистной колонии и бросаю своего подставного сопровождающего, в уличном сером мире идёт мерзкий холодный дождь. А я весь промок и, кажется, простыл.

Эх, великие боги, за что мне всё вот это вот безобразие! Я прекрасно понимаю, что за мной «хвост». Пару раз использую скрывающие заклятья. Ну и пару раз проклиная своих последователей, куда ж без этого? Мне не привыкать удирать. Забьюсь в какую-нибудь дыру, наберусь сил, потом призову своего единственного и неповторимого дружочка – восьминогого скакуна. Свобода?! Пока нет. Но уже почти. Вот покину срединные миры, тогда...

Светлана РАДАЕВА

ЗЕМЛЯНИЧНИК-01

Земляничник-01 – очень хороший робот. Но только немного неуправляемый. Чувства меры не знает. Если он начинает что-то делать, то способен делать это бесконечно, без остановок, изо всех своих сил. А силы у него – ого-го какие! Космические. Хотя Земляничник в космосе никогда не был. Он самый обычный ягодный разыскивательно-собираТЕЛЬНЫЙ робот.

Ягоды, как известно, в полях водятся. Поэтому, когда маме и бабушке вдруг ни с того ни с сего захочется наварить десяток банок варенья, мы все дружно топаем в поля и следим, чтобы Земляничник вовремя остановился.

Вообще-то Земляничника без присмотра лучше никуда не пускать. Иначе так и до чудес недалеко. Например, выглядываете вы в окно – а у вас перед домом, с первого этажа до последнего и ещё выше, стоит гора из ягод. Размером с гору Эверест. Думаете, это добрая фея из сказки постаралась? Как бы не так! Это просто наш Земляничник-01 тщательно обобрал все окрестные поля. Маме и бабушке этот ягодный Эверест в жизнь на варенье не переварить. И соседям тоже. Вот и приходится нам Земляничника контролировать: мне, маме, бабушке, папе и моему старшему брату. Хорошо, что нас так много! Кодовые слова: «Всё, хватит! Больше не надо!» – звучат для Земляничника гораздо убедительнее, если их произносить впятером.

Мы ставим в полях палатку с системой кондиционеров, системой увлажнителей воздуха и специальной охранной системой, которая защищает от диких зверей. Ведь в полях водятся не только ягоды!

А Земляничник-01 берёт ведро и носится вокруг: за ягодами гоняется. Думаю, он их настигает, хватается на бегу и садит в ведро. Правда, я сам ягод на полях никогда не видел. Видел только в ведре у Земляничника. Но там они уже смиренненько сидят и благоухают.

Земляничник-01 был создан моим папой. Папа у нас работает в конструкторском бюро по проектированию роботов. Он специалист с выдающимися способностями и, к тому же, большой оригинал. Недаром сконструированный им Земляничник формой похож на огромную ягоду. Вместо ног у «ягодь» вездеходные гусеницы, а руки – длинные, подвижные, с многочисленными тонкими гибкими пальчиками – наверно, чтобы сподручней было ловить.

Так что если вы однажды увидите, как по полям на полном ходу рассекает огромная ягода и догоняет убегающих маленьких ягодок – не пугайтесь! Это наш Земляничник собирает землянику.

РАДАЕВА Светлана Анатольевна. Окончила Ишимский пединститут им. П.П. Ершова, занимается литературным творчеством для детей, автор трёх книг в московских издательствах: «Бейсболкин с футболки», «Лучший Новый год», «Ёлкины из избушки бабы Яги». Была победителем областного конкурса молодых авторов, участником семинара молодых писателей в Каменске-Уральском, стала дипломантом Международного конкурса творчества для детей и подростков им. П.П. Ершова, полуфиналистом премии «Гипертекст 2023», принимала участие в Литературной мастерской Сергея Лукьяненко 2024. Живёт в Ишиме.

Нам очень интересно сидеть в палатке. Папа достаёт портативный компьютер и конструирует на нём модели будущих роботов. Мама тоже достаёт портативный компьютер и моделирует моду для своей одежной мастерской – пытается скрещивать платья с шортами, куртки с майками и сапоги с босоножками. Удивительные, должно быть, получатся гибриды!

Бабушка достаёт портативную вязальную машинку и вяжет обыкновенные варежки и носочки. Конечно, в связи с глобальным потеплением мы всё равно не сможем их носить – но бабушка упрямо стрекочет машинкой. По привычке. И она не одна такая. Вязать варежки и носочки – неискоренимая вредная привычка всех бабушек.

Мы с братом ничего не достаём. Мы проверяем системы кондиционирования и увлажнения. И ещё я пытаюсь представить, как выглядят дикие звери полей. Наверно, это страшные Хваталки и Кусалки.

Недавно мой старший брат поступил в Институт пространственно-временных перемещений. В этом институте учатся временщики. Временщики – это такие люди, которые перемещаются в прошлое и открывают много нового в нашей истории. Но прежде чем отправиться в путешествие на век или на два назад, они должны знать назубок, во что одеваются местные жители той эпохи, чем питаются, даже как собирают землянику.

Представляю, какая-нибудь бабуля в позапрошлом веке попросит моего брата наловить ей ведро земляники на варенье, а брат возьмёт, да и скажет: «А где тут у вас Земляничник-01?» И сразу себя выдаст, что он нездешний. А временщикам ни в коем случае нельзя себя выдавать!

Занятно получается: стоит тамошняя бабуля и разговаривает с ничем не примечательным «тамошним» паренёком. А этот паренёк на самом деле временщик. Бабуле такое и во сне не приснится...

Так вот, после учёбы в институте брату в палатке сделалось скучно. Видать, им там про жизнь минувших эпох такое рассказывают, что ему наше палаточное веселье неинтересным стало. Выскочил он из палатки в поля и решил с Земляничником соревноваться – кто больше ягод поймает. Ну и чудак! Разве Земляничника напрасно «01» называют?

Земляничник по полям как юла кружит – мимо него ни одной яголке не прошмыгнуть. А брат всё зачем-то на корточках присаживается... Подкараулить он, что ли, ягоды хочет? Эх, куда ему! Брат одну ягоду словит – Земляничник десять, брат десять из поля выловит – Земляничник сто десять... Ягоды, судя по всему, юркие очень.

Земляничник дальше в поля укатил, а брат обратно в палатку прибежал, чешется. Говорит, гнездо с паутами нашёл. И зачем он его искал? Пауты – не ягоды, из них варенья не сварить. Зато скорость в разъярённом состоянии у паутов, оказывается, третья космическая. Брат лично определил. Хорошо, что эти полевые ракеты сами с ноготок. А то унесли бы моего старшего брата на Луну.

А брат всё не успокаивается: почесался-почесался и предложил нам всем ягоды собирать, как в стародавние времена.

– А как в те времена ягоды собирали? – заинтересовался папа, поднимая голову от портативного компьютера. – Какие у них роботы были?

Бабушка с мамой тоже головы подняли – интересно ведь послушать, чему человека в институте временщиков научили.

Оказывается, в стародавние времена роботов ни у кого не было. А ягоды почему-то были. И собирали их... Знаете, как? Ни за что не догадаетесь! Собственными руками.

– Как? – переспросила мама, которая отвлеклась на свой новый одёжный гибрид. – Это что ещё за приспособление такое? Ах, руками!

Тут мы все засмеялись и брата из палатки вытолкали. Пускай идёт, пособирает, великий временщик! А мы посмотрим, как он сюда вернётся, когда его прыткие ягоды по полям угоняют. Тоже мне, Земляничник-02.

Брат на нас рукой махнул, сказал, что мы скучные. И второе ведро с собой прихватил. А я краем глаза в палатковый иллюминатор выглядываю: вернётся он или нет?

Брат действительно вернулся. Только не сразу и радостный такой, словно уже дипломную в своём институте написал. Сообщил нам, что открыл три новых вида бабочек-полёвок и ещё видел удивительного зверя – ящерицу, о котором им рассказывал профессор стародавней зоологии:

– А вы здесь сидите и не знаете, что на наших полях всё ещё водятся древние звероящерицы.

Звероящерица нашего брата испугалась и сбежала куда-то по своим древним делам. Брат долго потом огорчился, что не сфотографировал её для науки. А я глядел на специальную охранную систему и удивлялся: выходит, дикие звери полей нас, наоборот, боятся?

– А что, ягоды ещё на наших полях водятся? – многозначительно спросил папа. – Или не догнал?

– Вот! – и брат показал всем нам целых полведра ягод. Смирненьких, благоухающих.

Ай да Земляничник-02! Сам ведь нашёл. Собственными руками. Вот что институты с людьми делают!

Чего говорить – здесь уж мы все не выдержали. Папа задвинул подальше портативный компьютер. Мама задвинула подальше портативный компьютер. Бабушка убрала вязальную машинку. И мы всей гурьбой высыпали из палатки. Охотиться на ягоды. Я сразу столько всего нового узнал!

На самом деле ягоды по полям где попало не бегают. Они живут полянами. Нет, может быть, с поляны на поляну ягоды и перебегают, но мне наблюдать такое пока не посчастливилось. Зато ягоды – профессионалы по пряткам: они сидят в траве под кустиками так тихо, что их ни за что не услышишь. И не просто сидят, а держатся за веточки – до того крепко, что каждую пойманную ягоду приходится от куста отрывать.

Да, ещё ягоды прячутся не под всеми кустиками – а под особыми, земляничными. Их можно узнать по земляничному запаху и перистым листьям.

На макушке у каждой ягоды есть своя собственная шапочка. Я думаю, чтобы ягоду солнцем не напекло.

Мой брат говорит, что ягодная шапочка называется «чашелистик» и её следует обязательно снимать. Она несъедобная. Вся проблема в том, что шапочка ну ни в какую не желает сниматься – видать, в хорошей

одёжной мастерской шили. Я уж снимал-снимал, тянул-тянул – у меня ветер два раза с головы кепку сдул, а шапочка у земляники всё на месте держится. Мне бы такую.

Собирать ягоды, как мы вскоре поняли, самое развесёлое занятие на свете. Во всяком случае, мои мама, папа и бабушка точно ещё ни разу так не веселились. Они ползают по поляне на коленках и пугают землянику. А я в это время храбро сражаюсь со злющими земляничными стражами.

Земляничные стражи хоть и маленькие, но ужасно кровожадные: подлетают, предупреждающе звонят над ухом и сразу же кусают. У меня уже все руки в кус-кусах. Кус-кусы – потому что для «у-кусов» нужен зверь покрупнее. Например, вроде того, чью нору я случайно обнаружил. Наверняка в той норе живёт ужасный Кусалка. Но мы все так шумели, что у Кусалки заболела голова, и он передумал вылезать и нападать на нас.

На поляне выяснилось, что открывать новые виды бабочек способен не только мой старший брат. У меня эти способности тоже имеются: я для себя открыл два полевых вида. Один, по праву первооткрывателя, назвал Кусочком Неба. Эта бабочка синекрылая и прозрачная. Второй бабочке я подарил название Веснушка – за то, что крылья рыжие в мелкую крапинку. Веснушка кружила-кружила и даже на меня прицветочилась. Неужели я на цветок похож? Знать бы ещё, на какой... Веснушка-то знает, да не скажет.

Кстати, мы тут собираем ягоды под красивую классическую музыку. Откуда на полях звучит музыка? Я долго раздумывал. И догадался! На земляничных полянах живут музыканты.

Брат подтвердил – точно, живут. Особые музыканты. Травяные. Кузнечиками называются.

Музыканты выпрыгивают из травы целыми оркестрами, кувыркаются в воздухе и играют для нас на скрипках. Меня особенно поражает, как они наловчились кувыркаться и играть одновременно? И скрипки у них такие малюсенькие, что мне, большому, нипочём не разглядеть.

Музыканты и сами необычайно миниатюрные, под стать скрипкам. Один музыкант запрыгнул мне на колено, как на сцену. Я сижу и на него с удивлением смотрю, разглядываю. А он сидит и на меня с удивлением смотрит, разглядывает. Наверно, ему интересно стало, что за новая живность в полях завелась.

А как же Земляничник-01?

Папа его к себе вызвал и скомандовал «отбой». Сказал, что мы в десять рук столько ягод наберём – что он, Земляничник, может в палатке отдыхать. Забыл папа, что Земляничник отдыхать ещё не научился. Зато обижаться Земляничник умеет. Папа, как человек талантливый, его так задумывал, что он и обижается, и радуется – совсем как мы. Он к палатке покатил, потом свернул и снова в поля направился. Мы все немножко испугались – а что, если Земляничник не захочет к нам возвращаться? Будет тогда носиться по полям неуправляемый робот... Такого натворит – и не представишь!

– Придётся его отлавливать, – серьёзно решает папа. – Сейчас только во-от под этим кустиком погляжу...

– Да-да, – подхватывает мама. – А я – под этим!

– А я вот сюда загляну, – говорит брат. А сам улыбается.

И бабушка говорит:

– А я ещё вот здесь не смотрела!

И они все поползли заглядывать под кустики. И я пополз заглядывать под кустики. А там целых четыре ягоды сидят. Прячутся.

И тут мы до того увлеклись, что все стали немного неуправляемыми Земляничниками. Чувство меры потеряли. Одно ведро набрали, второе ведро набрали, третье...

Вскоре возле палатки выросла гора из ягод. Не Эверест, конечно. Но всё-таки. Почти с меня.

А мы всё под кустики глядим и новые ягоды оттуда достаём... И вдруг слышим, как чей-то голос очень убедительно кодовые слова произносит: «Всё, хватит! Больше не надо!»

Мы головы поднимаем – рядом с нами Земляничник-01 стоит. С ведром. А из ведра у него такая музыка по полям разносится, словно целый оркестр играет. Да это же кузнечики!

– Земляничник, ты что, кузнечиков насобирали? – спрашивает мама.

– А что мне было делать? – отвечает Земляничник. – Я ничего не делать не могу. Ягоды запретили собирать, я кузнечиков собираю.

– Хорошо хоть ведро паутов не насобирали! – говорит мой брат.

– Что я, глупый, паутов собирать? – обижается Земляничник.

– Но что нам с ними делать? – удивляется мама.

– А это уже ваши заботы, – говорит Земляничник. – Я старался, собирал. Собрал, принёс – а дальше воля ваша: что хотите, то и делайте.

Мама, конечно, хотела кузнечиков из ведра выселить, но не стала – побоялась Земляничника ещё больше обидеть. А я придумал кузнечиков с собой взять и на лужайке перед домом поселить. Пусть будет у нашего дома собственный оркестр. И Земляничник обрадовался – не зря старался.

– А где мой портативный компьютер? – забеспокоился папа.

Он в палатку побежал, а его коллеги из конструкторского бюро битый час вызывают:

– Где Вы? Почему пропали и не откликаетесь? Что случилось?

– Ничего не случилось, – говорит папа. – Никто никуда не пропал. Здесь я, в полях. Ищу землянику под кустиками.

– Как – ищите? Сами?! А как же ваш гениальный робот Земляничник-01?

– А что – Земляничник-01? С Земляничником всё в порядке. Просто я ещё кое-что и сам могу! – с гордостью сообщает папа. – Собственными руками.

А снаружи уже подозрительный шум раздаётся. Словно грозовая туча сердится. Только это не туча вовсе. А наша мама:

– Я на ягодных полянах свою лучшую брошку посеяла!

Я, чтобы мама не переживала, сказал, что раз брошка уже посеяна – значит, скоро из неё вырастет большое-большое дерево. Яркое. А вместо листьев на ветвях будет висеть множество новых брошек. Надо лишь попросить метеорологов, чтобы дождик скорее пошёл. Метеорологи пригласят нас на поля подходящую тучу, и брошка обязательно прорастёт.

Но мама не захотела ждать, когда над полями поднимется крона брошечного дерева. Она подозвала старшего брата и начала расспрашивать его, как люди в стародавние времена брошки теряли.

Брат плечами пожал:

– Обыкновенно. Теряли – и уходили. У них же роботов не было!

Мама как подпрыгнет:

– У нас же Земляничник-01 есть!

Земляничник услышал и говорит:

– И рад бы, но не могу. Не умею. Ягоды искать-собирать умею. А брошки находить не умею.

Наш талантливый папа из палатки высунулся и всех успокоил:

– Это не проблема. Сейчас всё исправим.

Он Земляничника-01 к своему портативному компьютеру подключил, перепрограммировал, и Земляничник тут же в поля укатил. И ведро с собою забрал. По привычке, наверное.

А мы в палатке сидим, ждём. Душистую землянику нюхаем. Отдыхаем. Всех нас ягоды по полям загоняли!

И вот приезжает наш Земляничник. А в ведре у него куча всяких мелких вещиц собрана. Столько, что и не посчитать. Полное ведро.

– Вот, – говорит Земляничник. – Всё, что можно было найти, я нашёл.

Мама поблагодарила, ведро взяла, и его содержимое посреди палатки высыпала.

Чего там только не было! Даже то, чего в музее у временщиков нет, в нашем ведре побывало. У моего старшего брата от восторга аж глаза разгорелись. Правильно сказал Земляничник, что нашёл абсолютно всё. Всё, что люди со стародавних времён в полях теряли, пока под земляничные кустики заглядывали.

Больше всего нашлось разноцветных дырчатых минидисков. Брат говорит, что это пуговицы. Их люди в далёком прошлом пришивали себе на одежду. Специально, чтоб было удобнее за всё цепляться. А на земляничных полянах полным-полно разных цеплялок: и сухие ветви, и стебельки, и колючки. И все тебя поджидают. Земляничнику-01 хоть бы что – он гладкий, от него все цеплялки отскакивают. А люди из-за одежды всегда шероховатые получают.

Мне, например, полевые цеплялки модель брюк переделали. Провели на брюки встроенную систему самовентиляции в виде дырочек. Теперь у меня брюки гораздо моднее стали. А мама за цеплялку брошкой зацепилась...

– Ура! Вот она! – кричит мама и откуда-то сверкающую брошку выхватывает. – Земляничник действительно всё нашёл!

Мама на брошку любовалась, а мы с братом пуговицы изучали.

С этого дня я про пуговицы всё-всё знаю: каких форм, цветов и размеров они бывали. Так что, когда вырасту, могу сделаться профессором пуговичной палеонтологии.

А ещё на самом низу кучи обнаружилась пластиковая бутылка. Замшелая вся. Точно лет двести на полях пролежала. Я надеялся, что внутри бутылки хранится таинственное послание для потомков. То есть, для нас. Но брат мне объяснил, что тогда ещё встречались несознательные люди, которые везде мусорили.

Брат всю нашу кучу-малу обратно в ведро вернул и сказал, что передаст в Музей времени. Как ценные экспонаты. И бутылку тоже. Пусть люди помнят, какими были прежде, и не повторяют своих ошибок.

Домой мы вернулись очень радостные, обогащённые земляничными знаниями.

Кузнечики отпраздновали на лужайке весёлое новоселье. Они играли торжественные марши и лирические композиции.

Актриса, что живёт на верхнем этаже, даже окно распахнула и голову высунула – думала, это её поклонники пришли. С серенадами. А старушка с нижних этажей решила, что к нам на гастроли скрипачи всем коллективом приехали. И всё пыталась в бинокль разглядеть высокого дирижёра во фраке и с «бабочкой».

Когда травяные музыканты, наконец, устали, наш дом разразился шумными овациями – так моя бабушка красиво называет аплодисменты. У нас в квартире от неумолкающих оваций звенела люстра. Я тоже изо всех сил хлопал в ладони.

Кузнечикам пришлось на бис исполнить один из торжественных маршей. Земляничник-01 слушал вместе с нами и радовался. Он теперь у всех нарасхват.

И мы больше не боимся отпускать его без присмотра. Даже если под нашими окнами вдруг вырастет гора из найденных вещей. Размером с Эверест. Люди за такую гору Земляничнику только спасибо скажут.

А когда нам нужно собрать уж очень много ягод, мы берём Земляничника с собой в поля.

**ТВОРЧЕСТВО ЧЛЕНОВ ТЮМЕНСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТА МОЛОДЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ**

Екатерина ДАНАЙКАНИЧ

(публикуется с авторской редакцией)

в прихожей пахнет старым гуталином;
от курток, варежек ещё сквозит мороз.
часы и дни бегут неумолимо,
и громче слышен лязг смертельных кос.

и вот опять, когда приходит вечер,
трезвонит дверь. кого там принесло?
всё как всегда: ко мне на кофе вечность
пришла опять без всяких лишних слов.

без сахара, без сливок, без печали, –
мне не о чем вселенной вопрошать.
мы просто пили кофе и молчали,
она – легка, я – раб карандаша.

она свободна, как из льна сорочка,
она размеренна, она включает блюз...
я – тороплюсь успеть хотя бы строчку
оставить в вечности и не успеть боюсь.

и, Господи! – прости меня, что всеу,
(я знаю – это полный моветон),
но погляди ты на неё, босую,
я рядом с ней... почти совсем никто.

мы просто пили кофе и молчали,
она – свободная, а мне – перо и плеть.
без сахара, без сливок, без печали, –
и это всё, что общего в нас есть.

ДАНАЙКАНИЧ Екатерина Борисовна. Родилась в 2004 году в Когалыме, окончила лицей №81 и школу искусств им. В.В. Знаменского. В данный момент учится на 3-м курсе Тюменского государственного института культуры по специальности «режиссура театрализованных представлений и праздников». Стихи начала писать в школе, публиковалась в сборниках «Стихия» (г. Тюмень), «Источник» (г. Тюмень), «Молодой Эринтур» (г. Сургут), «Фронтальной сборник. Школьникам о героях» (г. Тюмень), а также в газетах и журналах. В сентябре 2025 года окончила Школу литературного мастерства им. А. Ахматовой в Санкт-Петербурге. Участница второго сезона телешоу «Поэтические дуэли» на канале «Югра». Является руководителем Тюменского областного Совета молодых литераторов Союза писателей России.

Анастасия ЧЕРТИЩЕВА

Шестикрылый серафим,
Византийского лика* суровость,
На бесстрастных очах пелена:
Волоокая бывшая опись**
Направляет свой взор или на

Или сквозь – до конца я не понял.
Провиденья господня рука –
В закуток премирского покоя
Он нисходит ни рад, ни лукав.

И суровости этой внимая,
Как мальчишка боясь («Не спугнуть»):
«Я сейчас всё, что дашь, принимаю
И подставлю разверстую грудь».

Задыхается рот пересохший,
Замирает в патетике длань:
«Не счёшь, так хотя бы раскрошишь?»
(Легкомысленна юностью дань).

Заклеймённый собой эпигоном,
Расклеимиться желал бы совсем.
Понесутся потоки оргона*** –
Рассеки только (знамо зачем).

На мольбу ожиданье походит:
«Или уголь, иль я пропаду».
Быть достойным такого прихода
Я надеюсь во славу плоду.

* Аллюзия на картину Врубеля «Шестикрылый серафим» («Азраил»): лицо серафима схоже с ликом на византийской иконе (искусствоведы об этом говорят, и это можно заметить слегка вооружённым глазом).

** Опись в данном случае – контур иконы до её зарисовки красками (снова аллюзия на картину Врубеля и её сходство с византийской иконой).

*** Оргон – оргонная энергия в теории психоаналитика В. Райха, циркулирующая внутри человека.

P.S. Здесь присутствует аллюзия не только на картину (в первых двух строфах она как раз и описана), но и на стихотворение Пушкина «Пророк». Лирический герой становится свидетелем прихода серафима и надеется, что тот пришёл именно к нему, чтобы совершить процедуру, необходимую для того, чтобы герой из рядового творца стал «мессией», «глаголом жгущим сердца людей».

ЧЕРТИЩЕВА Анастасия Алексеевна. Родилась в Тюмени, учится в ТюмГУ на психолога (направление «Общая и социальная психология»), занимается научной деятельностью. Пишет стихи с 16 лет, преимущественно в символизме, специализируется на духовно-философской, пейзажной и любовной лирике. Состоит в Совете молодых литераторов Тюменской области.

Закудренный пар облаков,
Вязание пухлого дыма
Выходит из ветви оков,
Стопами мне необходимо

Себя пригвоздить. Придыханье –
Октябрьский ветер погонщик.
Средь утренних спешных скитаний
Разбор незасеянных вотчин.

Я Вас никогда не любила,
Вы просто меня утешали.
То было привязанность или...
К себе приземлённая жалость.

Он кротость благую не славит,
Но Вашу затмил кареокость,

И в этой стенической яви
Всё та же невинная тонкость!

Он так же ещё не дошитый,
Души распротёртое ложе –
Сминайте, давите, крошите,
(Он сам её всем и подложит).

Он сам её вывернет смело,
Ошпарится сотою мукой,
Такой же, как Вы неумелый
В духовно-душевной поруче.

Присутствие совестной карою
В осени духа весеннего.
Марианские впадины карие*,
Простите мне в серых спасение.

Мы были с Вами мало, но знакомы,
Когда Вы протянули мне вот тут
Ладони доверительное лоно**,
Её всепринимающий приют.

Вы были непонятны, интересны,
Стеснительно смотрели на меня
И оказались искренний наперсник,
Не знали: непонятней буду я.

Два года ожидания: то трепет,
То злоба, затаённая в глазах.
Уже хочу закончить этот третий,
Отвечу на свой риск и даже страх.

Я вижу, Вы ладонь свою убрали,
И тухнет провидение в речах.

Страдальческим венком обрамлен
Живого ожидания размах.

Вот здесь смотрели Вы, живой,
В младенческом восторге чистом
На нашем месте, ныне вой,
В котором ветра голосится.

Вы помните: река, апрельский ветер,
От холода дрожащая рука,
И блеск в глазах ребяческий заметен,
Его скрываем оба еле как.

А ныне увяданья воздух полон,
И, стало быть, сейчас я протяну
Ладони растревоженное лоно**,
Её же всепрощающий приют.

* Отсылка на песню Гражданской обороны «Долгая счастливая жизнь» (на строчку: «Марианские впадины глаз»).

** Лона в данном случае – то, что является местом начала, становления чего-либо (в этом стихотворении – отношений).

Переход к поздней осени
Несмело подрумяненная гарь,
Интенций размороженных толчок –
Ушедши, оббурела киноварь,
От цвета было раньше горячо.

И им же запорошенные комья
Земли (пока не сребряно-седой)
Впитали пересохшую покоем
Багряно-сердоликовую сонь,

Впитали похилевшее дремотно
Не включенное ветром волокно.
Обласканное холодом киота
Поблекло с рыжиною полотно.

Забор в бывшем Аптекарском саду
Терракотово-карие шпаги,
Сверхстолетний приросший чугуна
К причеканиям вялого шага
Принимающим тропкам. Певун

Расточительных стуков ребячьих,
От весёлости хватов тугих.
Временных многоточий подъячий,
Приклоняющий полукруги

Своих глав, изо шпаг выходящих,
Под годов залежалых пудом.
Никаких ты не жертвенный пращур
Городских элементов (не лом).

На тебя из объятий палаты
Ослабевший Григорий* смотрел.
Его взгляда удушливым платом
Ты укутан бывал не в удел.

Ни себе, ни ему, ни Труфану**.
Ныне я этим платом веду
По свидетелю колотой раны,
По просветам в чугунном ряду.

Расточительность крыл лебязьих.
Как лебязья неровна стать...
Что на Врубеля слыть оммажем*** –
Худосочной рукой питать
Вереницу из мольб протяжных.

Распроститесь Вы с ней, крылатой,
Убеждайте её лететь.
Отчего же в крылах заплаты,

И спокойна хребтина впредь,
Но живой поведенья паттерн?

Залатали – довольно, после
Я смотрю: обескровлен весь.
И зачем Вам тесниться возле,
Немоту состраданья несть,
Добровольно Вы будто сослан?

* Распутин

** С.М. Труфанов (Илиодор)

*** Аллюзия на картину Врубеля «Царевна-Лебедь»

Николай СОСНОВКИН

Наша общая земля

Ты дочь народа, что страдал, А я российский сын. Нас голос времени собрал В окраинах Москвы, И там я понял – мы с тобой С одних и тех же мест: Одна тоска и тот же бой, Один тяжёлый крест,	Биением резким, в унисон, Короткий, быстрый бег, Летающий по планете звон Толкал спешащий век, Но я запомнил наизусть Твою святую боль, И радость, равно как и грусть, Я разделил с тобой.
И равно пролитая кровь – Священная война – Один язык, одна любовь И Родина одна, И ночью той сближали нас Печаль и слабость сил – Казалось мне, что весь Донбасс Со мною говорил.	А наша общая земля Вязала нить, и нить, Как будто заново, с нуля Учила вместе жить, Но голос времени нас звал, И наступал конец... А в те часы жила Москва Беседой двух сердец.

Вересковое поле

Души светятся в небе яростно, И под куполом, как под стражей Встала девушка в белом подряснике, Перепахканном чёрной сажей. В годы мук и минуты праздника Возле девушки душам – стоять, Неуёмным ветрам-проказникам – Шевелить изумрудную статью, А ей – быть желанной армиям, Но отказывать в свой черёд... Почему-то она замерла, И чего-то веками ждёт, И всё водит за нос мальчиков, Обещая запомнить всех. Для каждого что-то значила – Брала на себя грех.	И среди тех ребят яростных Самым мудрым стался поэт. Полюбил горячо, сладостно – Невлюбил её юный бред. Как мужчина он с ней ладился, Но терпеть не хотел слёз, С капризом её правился, Не желая в число звёзд. Неизменно во всём признавался он; Перед ней, с чувствами взаперти, В лицо осуждал за коварство, но За глаза обожал без памяти. А стихи посвящал – нежные, Расправлял белоснежные веточки, Журил за натуру вешнюю... Но заботился, как о девочке.
---	--

СОСНОВКИН Николай. Лауреат и гранпризёр международных конкурсов в направлениях «Художественное слово» и «Киноискусство», победитель регионального конкурса «Источник» в номинации «Поэзия».

Кирилл ГАЙВОРОНСКИЙ СТАРШИЙ СЫН

Старший сын, десять дней назад отметивший своё двадцатипятилетие, вошёл на порог квартиры. Его встретили пожелтевшие обои в цветочек, среди которых он провёл всю свою жизнь. С кухни пахло едой.

– Витя, ты? – крикнула мать из комнаты.

Виталий снял обувь и куртку, ничего не ответив. Пришёл пожилой рыжий кот и стал лениво тереться о его ноги.

– Ты чё, не слышишь? Вить!

– Я... – сказал он отрывисто.

– Ты чего там?

Мать вышла. Ей было за пятьдесят. Возраст сказался на её лице, но глаза по-прежнему казались юными.

– Ты чего бледный такой, как поганка? – спрашивала она.

– Замёрз, – сказал он, не смотря ей в глаза.

– Ну конечно! Уже октябрь, а ты в одной ветровке ходишь, – она пристально посмотрела на сына и добавила: – Ты пил, что ли?

– Нет, я же больше не пью.

– Ну вдруг! Знаю я тебя и твоё «не пью».

Виталий хотел было уже поведать матери о том, что произошло, но она тут же перебила его мысль:

– Давай, иди руки мой – ешь садись. Я борщ сварила, но он почти как щи получился.

Он прошёл в ванную. Намылил руки потрескавшимся кусочком детского мыла, поставил ладони под струю тёплой воды и посмотрел в зеркало. Он был и вправду очень бледен, почти как труп. «Я ли это? Я ли это сделал?» – смотрел он себе в глаза и, вспомнив о том, что произошло, почувствовал, как сердце его забилося быстрее, а грудь стал сдавливать страх.

– Ну где ты там? – крикнула мать с кухни.

Он пришёл и сел за стол. Напротив устроилась мать – пила чай. Он приступил к еде. Борщ был тусклым, мяса в нём почти не было.

– Почти что вегетарианский супчик получился, – чуть улыбнувшись, сказала мать.

Виталий посмотрел на её крепкие, почти что мужские руки, на которых из украшений было лишь два серебряных обручальных кольца на одном пальце, а затем – на пальто, которому было лет десять.

– Ты созванивался с Ваней? – спросила она.

– Неделю назад, – еда успокаивала его, – а что?

– Просто спросила, – помолчала, а потом добавила: – Эта вахта его с ума сведёт. Почти полгода по морям шастать – это же кошмар, – подумала немного, а затем добавила серьёзно. – Знаешь, тебе бы тоже пойти туда работать, там платят хорошо, и будете вы с Ваней братья-моряки. Но вы только это, чередуйтесь, а то я тут совсем рехнусь со скуки! – улыбнулась мать.

«Она будто бы уже знает», – грудь Виталия снова сжало. Он отвёл взгляд к духовке. Вот здесь, возле неё, прислонившись к кухонному гар-

ГАЙВОРОНСКИЙ Кирилл. Родился, вырос и живёт в Тюмени. Ранее нигде не печатался. Занимается изделиями из кожи и генеалогией. Учится в ТюмГУ по направлению «социология».

нитуру, восемь лет назад стоял отец. Он говорил с матерью и почти перед каждой своей фразой добавлял: «эт самое». Они беседовали, пока совсем ещё юные Витя и Ваня ели и слушали их, лишь изредка вставляя пару слов с набитым ртом. А Юлька, ещё девчонка, забежала на кухню, дабы стащить одну-две конфетки со стола.

– Надо, когда Ваня приедет, на могилку сходить. Повидаться...

– А Юлька где? – переменял тему Виталий.

– Юля? – вздохнула мать. – Юля гулять пошла, – затем она заговорщицки улыбнулась. – А у неё же... «коволэр» появился, знаешь?

– Что за кавалер? – спросил Виталий и откусил хлеба.

– Не знаю, – ответила мать. – Говорит, хороший. На инженера учится, музыкой занимается.

– Ты его видела?

– Нет ещё. Но говорила, что скоро приведёт. Но ты только это... не барагозь, а то я-то тебя знаю – ещё учудишь что-нибудь такое, что этот кавалер за три версты наш дом обходить будет. Юлька с ума сойдёт, потом век на тебя обижаться будет.

– Не буду.

«Не буду, – думал он, – конечно не буду, если и меня не будет», – в груди опять сдавило. Он съел ещё ложку супа и подумал: «Но ведь... а если всё хорошо будет? И если пацан хороший будет? То я ж тогда им такую свадьбу устрою! Денег тогда уже по-любому хватит». Эта мысль его обрадовала, и он был готов признаться:

– Я...

– А тебе бы тоже жену найти, – перебила она его, не услышав. – С Олей-то что, совсем не сошлось? Может, ещё одумается?

– Не одумается, – помрачнел и без того мрачный Виталий, – а если бы и одумалась... То чё толку-то?

– Да что-то у тебя... худо всё как-то, – говорила мать. – Ты так каши не сварешь. Всё ерундой какой-то занимаешься постоянно.

– Ну не надо. Не хочу об этом.

– Ну конечно не хочешь! А когда захочешь-то?

Всё сошлось. Он вспомнил Олю: изумруды её глаз, блеск которых становился ярче, когда она улыбалась, и её взгляд, с умилением бегающий по его лицу, каким она больше никогда на него не посмотрит. Вспомнил отца, умершего так не вовремя. Увидел мамины руки и её пальто. Узнал про Юлькиного кавалера и, наконец, доел борщ, который был как щи. Теперь он вспомнил, почему так поступил. Вспомнил, что иначе было бы дальше...

– Ладно, – говорила мать, вставая из-за стола, – пойду я уже спать. Устала что-то сегодня.

Она встала и пошла с кухни. Затем в мгновение замерла. Под ложечкой защемило, а тело охватила дрожь, когда услышала от сына сказанное уже в спину:

– Мама, я подписал контракт...

Ирина ИВАНЧЕНКО

И тут один оборачивается

Вечно извинялся, подставлял вторую щеку, лишь бы стать ближе,
уступал, ложась на верхнюю полку, оплатив нижнюю,
отдавал последнее, а забирали так, словно должен был.
Вот ведь, живя по-божески, до чего дожили!..

Завтраки врагу последние, куда уж обеды-ужины?
Самые важные, трепетные и нужные
чувства отдавал, раздавал свои наичистейшие помыслы,
не понимая, какие в мире цветут законы, какие промыслы.

По миру ходил, от гвоздей в руках раны смачивал,
на людей себя, не жалея себя, растрачивал,
но пусты глаза, нет ни огонька, и напрасны поиски.
Лучше б оставался в своем неведеньи да покое,

лучше б в человеческие снова дела не лазил,
так, взглянул бы сверху на всё это безобразия,
после, как отец когда-то, от гнева ногою топая,
вон поганцев наглых с лица всей земли – потопом!

Только всё прощаешь да ищешь равнодушие,
а они тебя не видят в упор, не слушают,
бродят вечным стадом, глухие да обречённые,
и, кого ни спросишь, он вроде как ни при чём:

ни к судьбе своей, ни к матери и ни к городу,
ни к чужому горю, ни к смерти чужой, ни к голоду,
ни к грехам своим, ни к сердцу. Живёт заветами,
только все заветы, теперь они не об этом:

сам живи один, как зверь, живи и грызи длань тёплую,
а потом уже разбирайся, какими такими тропами
глядящий пришёл: иль вражьими, или дружными.
Ты идёшь среди них, усталый и безоружный,

ты идёшь среди них, столько укусов вынеся,
ведь добро для них всего лишь нелепый вымысел.
Ты идёшь среди них, и вера твоя в удачу
тает на глазах...

И тут один оборачивается.

ИВАНЧЕНКО Ирина. Участница международного творческого объединения Dark Romantic Club. Автор поэтических сборников «Про злодея», «О моём светлом принце», «Берега/разделительная/черта». Преподаватель-исследователь, этнограф, нарративный дизайнер и игровой сценарист, поэт-сказочник.

ПРОБА ПЕРА

Арина САМОЙЛОВА

ЦЕНА МЕЧТЫ

Вы знаете то состояние, когда всё вокруг замирает и вам становится настолько легко, что начинаете чувствовать себя крошечной частью чего-то большого? Если хорошенько поискать в самых дальних уголках памяти, то у каждого обязательно найдётся что-то подобное, и он поймёт нашего мальчишку.

Он сидит на старом поваленном дереве у опушки леса, в нескольких шагах впереди начинается крутой склон, который зимой превращается в горку для всех жителей посёлка. Здесь открывается удивительно прекрасный вид: далеко внизу течёт спокойная речка, чуть дальше поляна, а за ней бескрайние леса и алеющий закат. Тихий ветер треплет тёмно-медные кудри юноши, а озорные лучи заходящего солнца окрашивают их в благородное золото. Взгляд юного созерцателя устремлён не столько на очаровательный пейзаж, сколько в небо. Он мечтает. Он мечтает так давно, что уже и не представляет какво это – не воображать.

Наш мальчишка, сколько себя помнит, всегда завидовал птицам. Нет, это не горькая зависть, а, скорее, сожаление, что природа не дала ему крыльев. Никому из людей. И ведь слово такое лёгкое и плавное, под стать самому дару, оно словно слетает с губ само по себе, так уверенно и протяжно. Крылья. Юноша встаёт и подходит к краю, расправляет руки, закрывает глаза, подставляя лицо последним поцелуям солнца. Ещё немножко, он почти поймал то самое чувство за хвост, совсем чуть-чуть, и ...

– Анисий! Тебя родители ищут! Ты где?

Тонкий девичий голосок выдёргивает мальчишку из пелены мечтаний.

– Меня от силы пятнадцать минут не было, что за это время случилось? – голос раздражённый, совсем не к лицу парнишке. Тамарка – девчонка хорошая, но порой невыносимо пронизательна и даже несколько назойлива, за что её многие недолюбливали. Но только не друг.

– Всё о них думаешь, да? – её тёмные косы качнулись, когда она, наклонив голову, уставилась взглядом в Анисия. – Сколько же ты мечтать собираешься? Того и глядишь – рухнешь вниз однажды.

И не совсем было понятно, о падении откуда и куда Тамарка говорила, потому что её пронзительные зелёные глаза приковывают слушателя к месту, и суть разговора он не всегда способен уловить, а вот запоминается он отчего-то превосходно.

– Ну, Нися, что сегодня пришло в твою светлую головушку? Поведай нам, великий созерцатель истины! – в последних словах слышится яв-

САМОЙЛОВА Арина. 16 лет, ученица 9-го класса тюменской школы №88. Увлекается искусством, закончила художественную школу имени Митинского. В 2025 году заняла первое место в городском литературном конкурсе «Гришинские проталины».

ный смех, но Тамарка часто так шутит над Анисием, и он уже злится не очень сильно, как в первые дни знакомства, да и разве можно долго обижаться на такого весёлого человека? Девушка плюхается на мятую траву, потягивается, закидывает руки за голову и ложится на спину, а одну ногу закидывает на другую, согнутую в колене. Прикрыв глаза, она начинает мотать ступнёй и напевать незамысловатую песенку.

– Тамар, – зовёт подругу Анисий после нескольких минут молчания. Откуда-то с земли доносится её побудительное мычание, которое явно означает «я тебя слушаю, но пока ты меня не заинтересуешь, ничего от меня не услышишь».

– Как думаешь, почему человеку не дано летать? Неужели мы настолько ничтожны, что не достойны крыльев? – юноша поворачивает голову в сторону лежащей, но та не подаёт признаков какой-либо активности, поэтому, наученный опытом, он продолжает рассуждение-вопросы. – Хотя нет. Может, когда-то в далёкие времена людям были даны крылья, но они использовали их во вред другим? И поэтому благословение небес забрали у нашего смертного племени.

Резко приняв сидячее положение, Тамара сощурила глаза и не спеша проговорила:

– А по какой причине ты решил, что «благословение небес», как ты выразился, забрали у нас? Разве само наше существование не есть оно? М? Что скажешь? – она снова падает на землю и делает жест рукой, мол, продолжай, я слушаю.

– Ты видела, как рисуют ангелов художники всех времён? – не унимается Анисий. Один глаз девушки закрыт, однако второй наблюдает за мальчишкой. Его взгляд горит огнём, и сейчас это хороший знак.

– Допустим, видела. И?

– Что «и»? Так, ладно. Самая главная черта ангелов? А? Что это? Правильно – крылья! – не дожидаясь ответа, произносит молодой человек. – Ты понимаешь, что это значит?

Анисий разгорячился от монолога, затараторил сбивчиво, боясь что-то упустить, одна прядь упала ему на лоб, но он словно бы и не замечал этого. Всё время, пока говорил, парень активно махал руками, да и самого его раскачивало из стороны в сторону.

– А вот не понимаю. Объясни, – Тамара явно увлечена суждениями «своего ученика», как она в шутку называла Нисю. Девушка от интереса к конечному итогу даже принимает сидячее положение и скрещивает ноги, придерживая свои лодыжки рукой.

– Людям всё-таки дали крылья! Позволили овладеть свободным полётом, этим неповторимым чувством лёгкости, парения в воздухе! То есть, конечно, не совсем людям, а ангелам, но я думаю, все ангелы – это души умерших святых, и за их непоколебимость в вере им дали крылья, чтобы они... почему ты улыбаешься? – от бывшего вдохновения Анисия не осталось и следа, зато недоумение отразилось на его лице вдвойне.

– Нися, мне очень понравилось то, что ты говорил и как ты говорил.

Лицо юноши стало до безобразия довольным, и он начал походить на кота, обьевшего сметаной. Нужно это исправлять.

– Но до меня тебе, конечно, далеко, – пропела девушка.

– Тамара! Дай мне насладиться триумфом и твоим признанием хоть пять минут! Честное слово, не человек, а... А... да я даже не знаю, как это назвать!

Под конец возмущений Тамарка уже катается на траве, истерично хохоча и периодически икая.

– Сильно ты довольный был, надо же как-то тебя приструнить, – В одно мгновение Тамара становится серьёзной. – Нися, я открою сейчас один очень важный секрет. Если говорить честно, то мне до тебя – как до Луны пешком и обратно.

Мальчик остолбенел, а глаза стали размером с блюдце.

– Что? – слабым голосом спросил он. – Ты о чём?

Но Тамара опять улыбается, поди пойми, врёт или нет.

– Я зачем пришла-то? Тебя родители ищут, пошли домой.

Она поднялась с земли, и они отправились в сторону посёлка, и никто из них больше ничего не говорил.

«Сойкин А.П.» – такие слова блестят золотыми буквами на синем кителе старшего пилота, мужчины с тёмно-медными, как в детстве, кудрями, но уже с сединой на висках. Здесь и сейчас, в эту самую минуту, всё ему кажется неважным, бессмысленным. Зачем он прожил всю эту жизнь? Единственное, что есть сейчас у Анисия – работа. Конечно, он любит свою работу, мечту всей жизни и... Всё. Больше ничего у старшего пилота Сойкина А.П. нет. И не было.

Тамарка, теперь уже степенная Тамара Ивановна, много лет как замужем, детей вырастила и теперь нянчится с внуком. Анисий видел её недавно. Всё те же рыжие волосы, только не те косички с разноцветными резиночками, а аккуратный пучок, элегантная одежда, появились маленькие морщинки, но её глаза! Эти пронзительные зелёные глаза ни капельки не изменились с их последней встречи.

И Анисий соврал бы сам себе, если бы признал, что Тамара, та Тамарка из детства, и эта, Тамара Ивановна, были разными людьми. Нет! Это всё одна и та же девчонка, что дружила с ним и верила в его рассказы. Та самая красивая девчонка, девушка, женщина.

И почему Анисий понял это лишь сейчас?..

Светлана ПИРОГОВА

Осенний Крым

Я так люблю осенний Крым,
Его простор, пустую степь,
Суровый он, он может быть скупым –
Восточный край, таков он есть.

Как я люблю осенний Крым,
Ведь он предзимнею порой
Озябший, но оставшийся живым
С поникшею, пожухшею травой.

Я так люблю осенний Крым,
Когда он, хмурясь, замирает,

С нависших, грозных туч над ним
Дождь хлещет, землю поливая.

Как я люблю осенний Крым,
Его восток, его античность,
С укладом многовековым
Хранит свою аутентичность.

Я так люблю осенний Крым,
Когда погасло буйство красок,
Когда засушливый экстрим
Оставил контуры раскрасок...

Старый сад

Ах, этот дивный старый сад,
В чём прелести твоей секрет,
Кем создан был ты для услад?
Здесь соловьи выводят трель,
Тропинка меж деревьев вьётся,
Вдали журчит, поёт ручей,
Такая нега отовсюду льётся
В полуденный и жаркий день.
Шумят деревья вековые,
Даря прохладу и уют,
Под ними травы луговые
И белки между них спуют.

В хитросплетениях кореньев
Жучки плуτούν тут и там,
Нагромождение камней –
Остатки среди кустов и трав.
Тот сад когда-то был ухожен,
Здесь дом стоял, здесь жизнь была,
Теперь забыт он, позаброшен,
Но всё ж душа и в нём жива.
Живут деревья, звери, птицы,
Здесь ностальгия щемит грудь,
Остались прошлого страницы,
Ну что ж, всему свой миг, свой путь!

ПИРОГОВА Светлана. Пишет стихи в течение нескольких последних лет. Состоит в различных литературно-поэтических сообществах: «Поэтический клуб «Смысл», «Литературный лицей», культурно-просветительский клуб «БиблиоМуза» (г. Тюмень), «Лири Боспора» (г. Керчь). Публикует стихи на портале литературного клуба «Творчество и потенциал» Soclit.ru и в социальной сети «ВКонтакте». В 2025 году состоялась печатная публикация в 25-м выпуске литературного альманаха «Лири Боспора».

А душой я где-то там,
Где вода рябит от солнца.
Где раздолье, ширь полям
И кусты стучат в оконца.

Домик старый ждёт меня,
С детства каждый звук знаком,
В печке яркий пляс огня,
Там мечтала я тайком.

В грёзах так летать легко
По просторам и по нивам,
В поднебесье высоко
Птицы кружатся игриво.

Всё ж душой я где-то там,
Где осталось моё детство,
Благодарна снам, мечтам –
Берегут меня от бедствий...

Возвращение

Я вернулась в любимый город,
Много дней проведя вдаль,
Поняла, насколько мне дорог
Лучший город планеты Земли.

Я люблю Тюмени проспекты,
Здесь прекрасные парки, сады,
Этот город ночью эффектен,
Весь в огнях, у реки, у воды.

Я скучала по улочкам старым,
По резьбе деревянной окон,

По дорожкам, тропинкам бульвара,
Каждый куст и цветок здесь знаком.

Возвратилась я в город сибирский,
Снова в дом свой добротный такой,
Был деревней, а стал исполинским,
Поражает он мощью, красотой.

С каждым годом к нему прикипаю,
Очень искренно, честно люблю,
Только лучшее в нём отмечаю,
От души этот город хвалю!

Акация

Ах, как акация цветёт,
Души моей отрада,
Она природе песнь поёт,
Весне и солнцу рада.

В округе аромат стоит,
Любовью наполняя,

Букетом вкусов напоит
Робиния шальная.

Пока акация цветёт,
Маня к себе пьяняще,
Душа трепещет и живёт,
А счастье – настоящее!

Екатерина ВАЙНЕР

Года не прибавляют мудрости,
А седина не отнимает юности.
И зрелость не приходит в сорок,
А старость не прогонит молодость.

Я обнимаю тебя, Планета!
И хочу твоим солнцем быть,
И это вполне возможно,
Если я продолжаю любить.

Человек, мыслящий
Сонаправленно,
Присланный из неоткуда,
Я взываю тебя, будь мне другом!

Вижу в тебе отраженье
Только опытом умудрённое,
Я прошу тебя, оставайся,
Но со взглядом на мир ребёнка.

Это странное чувство свободы,
Когда рядом бывают двое.
Это всё из детства знакомо,
Где мыслят совсем по-родному.

Открываю тебе небосводы,
Ты взамен меня учишь смеяться,
Я прошу тебя, стань мне другом.
Будем вместе в мечтах купаться.

ВАЙНЕР Екатерина. Автор песен, педагог современного вокала, солистка тюменской рок-группы «Авалон Rock», мама двух сыновей. Родом из солнечного города Ташкента, но более 20 лет живёт и творит в городе Тюмени. Выпускница Тюменского колледжа искусств по специальности «музыкальное искусство эстрады». Более 5 лет проработала в детско-юношеском центре «Пламя». Работала внештатным корреспондентом в печатных изданиях города, одновременно с колледжем искусств поступила на кафедру журналистики ТюмГУ, но музыка и поэзия взяли вверх. Стихи пишет с 10 лет.

ВРАТА СИБИРИ

ЛИТЕРАТУРНО–ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИКО–КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

На вклейках:
картины Екатерины Чикиревой

На обложке:
Екатерина Чикирева «Ночь. Домики на воде»

Альманах зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу –
Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ72-01429 от 10 февраля 2017 г.

Журнал издается при финансовой поддержке Правительства Тюменской области.
Выходит два раза в год. Издается с 1999 года.

Адрес редакции:
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81
тел./факс: (3452) 49-00-18
e-mail: ivanovlk@yandex.ru

Учредитель и издатель: АНО «Тюменская область сегодня».
625002, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81, 4 этаж, оф. 410
Главный редактор Гимпелевич Илона Станиславовна
тел. (3452) 49-00-18, e-mail: editor@tumentoday.ru

Подписано в печать 14.04.2026 г.
Дата выхода номера в свет 16.05.2026 г.
Формат 70x108 1/16 Бумага ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,85.
Тираж 1 000 экз. Заказ № 772. Цена свободная.
Журнал отпечатан в типографии АО «ИИЦ «Красное знамя».
625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

Верстка номера: Пермяков Денис Викторович.
Корректор: Александрикова Александра Владимировна.

Рукописи редакцией не рецензируются и не возвращаются. По желанию автора рукопись может быть возвращена, если ее объем не менее: проза – 10 а.л., поэзия – 5 а.л., публицистика – 3 а.л. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Перепечатка материалов и их распространение, в том числе в электронной версии, допускаются только с разрешения редакции. Ссылка на «Врата Сибири» обязательна.

Полдень || Пастель, картон цветной. 2019 г.

Натюрморт по-тайски || Пастель, картон цветной. 2016 г.

Всё – божкам || Пастель, картон цветной. 2018 г.

Момент тишины. Вода рядом || Пастель, картон цветной. 2018 г.

Речной рынок || Пастель, картон цветной. 2018 г.

Затерянный город || Пастель, картон цветной. 2018 г.

Ожидание || Пастель, картон цветной. 2018 г.

На озере Тон ле Сап. Камбоджа || Пастель, картон цветной 35*50 см. 2016 г.